

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 7

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 7

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020. Vol. 42. No 7

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, PhD in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENIKOVA**
Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		<i>Розанов Ю. В.</i>	
<i>Алпатов В. М.</i>		Василий Белов и Виктор Астафьев: к истории личных и творческих отношений	72
Фортунатовская школа в российском языкознании	8	<i>Подчиненов А. В., Снигирева Т. А.</i>	
<i>Дуличенко А. Д.</i>		Homo soveticus & Homo postsoveticus: модели счастья в русской литературе.	78
Лингвонимика	13	<i>Черняк М. А.</i>	
<i>Козловская Н. В.</i>		Новая драма для новых тинейджеров: к вопро- су о типологических чертах современной дра- матургии	87
О механизме переосмысления религиозных концептов в философском терминологическом Н. Ф. Федорова	17	<i>Казакова С. К.</i>	
<i>Хазиева Г. С.</i>		Частный интерес и общее благо: отзвук эпо- хи великих реформ в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	95
Агионим Айше-Фатима в традициях тюркских народов.	25	<i>Максимова Е. О.</i>	
<i>Дундукова А. М., Семенова О. В.</i>		Терем в былинах, причитаниях и песнях Печо- ры: сопоставительный анализ	103
Причастия в «Избранных сказках Ф. Н. Свиньи- на» (к вопросу об идиолекте в фольклорном тексте).	30	Рецензии	
<i>Марфина Ж. В.</i>		<i>Хроленко А. Т.</i>	
Концептуальная мотивация названий родства в украинском народно-песенном субпространстве	36	Рец. на публикацию: Лёнгрен Т. П. «Сборник песен села Миленина, записанных С. Н. Шиль летом 1916 года»	110
<i>Соколова М. Г.</i>		Научная информация	
Сопоставительная характеристика образных по- лей «тополь – человек» и «клен – человек» в рус- ской поэзии	45	<i>Патроева Н. В., Пашикова Т. В., Коробейникова С. В.</i>	
<i>Шкурин О. В.</i>		Филологической науке в ПетрГУ – 80 лет	115
Десакрализация библейского фразеологизма <i>Не хлебом единым жив человек</i> на материале интер- нет-, медиадискурса	54	Contents	118
<i>Афанасьева А. А.</i>			
Эволюция ойконимической системы Сямозерья	64		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.10.2020. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 175

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Профессор,
доктор филологических наук
А. Е. Кунильский

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Настоящий выпуск журнала посвящен 80-летию изучения и преподавания филологии в Петрозаводском государственном университете. Содержание номера отражает широту научных исследований в области филологии, которые осуществлялись на протяжении этого времени. Свидетельством признания их авторитетности является публикация статей лингвистов и литературоведов не только из ПетрГУ, но и из других вузов России.

Место филологии в классическом университете неоспоримо. Но есть еще одно обстоятельство, которое придает особое значение изучению языков и словесности в условиях Карелии. Это ее многонациональность и мощные традиции в области культуры, науки и образования. Народы Карелии подарили миру русские былины и руны финно-угорского эпоса «Калевала». В XIX веке здесь работали выдающиеся фольклористы Э. Лённрот, П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг. В губернской гимназии Петрозаводска учился Ф. Ф. Фортунатов, которому впоследствии суждено было стать основателем Московской лингвистической школы. Кафедра русского языка ПетрГУ регулярно проводит Фортунатовские конференции, в которых принимают участие российские и зарубежные ученые. В настоящем выпуске публикуется статья академика В. М. Алпатова (Москва), еще раз подтверждающая актуальность и плодотворность идей великого филолога.

Кафедры русского языка и литературы в Петрозаводском университете существуют с момента его основания в 1940 году. Создавались они с участием, прежде всего, выпускников ленинградских вузов. Впоследствии выходцы из нашего университета проявили себя в городе на Неве. Так, В. Г. Базанов стал членом-корреспондентом Академии наук СССР, директором Института русской литературы (Пушкинский Дом). В наши дни сотрудниками этого научного учреждения являются доктора наук А. В. Пигин и Н. А. Тарасова – выпускники и бывшие преподаватели филологического факультета ПетрГУ.

Петрозаводский университет – признанный славистами всего мира центр изучения творчества Ф. М. Достоевского. Традиции этих исследований были заложены в 60-е годы XX века заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы профессором М. М. Гином. Впоследствии данное направление возглавил профессор В. Н. Захаров. Кафедра известна своими работами по изучению исторической поэтики, детской литературы, христианских традиций в русской литературе и т. д.

История филологических кафедр университета более подробно освещается в рубрике «Научная информация». Хотелось бы пожелать процветания филологии в нашем университете!

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АЛПАТОВ

доктор филологических наук, профессор, академик РАН,
главный научный сотрудникИнститут языкознания РАН (Москва, Российская Феде-
рация)

v-alpatov@ivran.ru

ФОРТУНАТОВСКАЯ ШКОЛА В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ф. Ф. Фортунатов был профессором Московского университета в 1876–1902 годах и основателем Московской лингвистической школы. Это время известно как период позитивизма и исторической лингвистики. Фортунатов находился под их влиянием, его идеи были близки немецкой школе младограмматиков. Однако он занимался и синхронной лингвистикой, особенно в области теории грамматики на основе морфологического подхода. У Фортунатова было много учеников, и традиции его школы существуют до сих пор. История формирования этих традиций и место ученого в развитии отечественной науки изучены недостаточно, а многие его идеи остаются актуальными. В статье впервые всесторонне рассматривается вклад ученого, сходства и различия его взглядов в сравнении с воззрениями предшественников и коллег.

Ключевые слова: Фортунатов, Московский университет, Московская школа, позитивизм, младограмматики, теория грамматики, морфологический подход, традиции

Для ц и т и р о в а н и я : Алпатов В. М. Фортунатовская школа в российском языкознании // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532

Филипп Федорович Фортунатов был ведущим языковедом из числа тех, кто работал в Московском университете с 1870-х до начала 1900-х годов (точнее, в 1876–1902 годах). Он не был основоположником московского научного языкознания, до него в Московском университете читали разнообразные лингвистические курсы и работали видные ученые, достаточно назвать Ф. И. Буслаева, но Московскую школу, как единодушно признано, создал именно Фортунатов с самого начала своего преподавания в 1876 году. Причин здесь, видимо, было две, о чем я уже писал [1: 12]. Во-первых, если Ф. И. Буслаев был ученым книжного склада и известен прежде всего своими печатными трудами, то Фортунатов – выдающимся лектором, не так много писавшим чисто научные работы, но реализовавшимися в курсах для студентов. Сейчас о нем мы можем судить главным образом по изданным посмертно в разное время курсам лекций, а при жизни его идеи узнавали через живое общение. Во-вторых, в то время шел процесс научной специализации, и если его предшественники П. Я. Петров и Ф. И. Буслаев занимались не только языкознанием, то Филипп Федорович был сосредоточен на лингвистических проблемах, которых было много. Он был ученым широких интересов и занимался многим из того, что входило в круг интересов тогдашней лингвистики, кро-

ме разве что экспериментальной фонетики и чисто филологического анализа письменных памятников. Но и здесь он подготовил учеников: А. И. Томсон был фонетистом, а А. А. Шахматов не только лингвистом, но и филологом. Отмечу, что Фортунатов в отличие от ряда современников последовательно разграничивал языковедение и филологию, указывая, что они соприкасаются друг с другом, но имеют разные задачи [10: 26–27].

Годы, когда работал Фортунатов, в мировой науке о языке принадлежали к эпохе позитивизма, когда самостоятельный сбор фактов ценился выше, чем построение теорий, а языкознание понималось как прежде всего историческая наука. Такие взгляды, безусловно, повлияли на Фортунатова. Он много занимался индоевропеистикой в различных аспектах, и его работы получили мировое признание. Например, А. Мейе в книге «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков»¹ неоднократно упоминает имя Фортунатова (больше, чем кого-либо другого из русских лингвистов) и дает ему высокую оценку. В то же время Фортунатов выходил за рамки господствовавшей научной парадигмы, обращаясь к синхронным и типологическим проблемам. Из четырех его изданных курсов три посвящены обычным для его времени вопросам сравнительно-исторического языкознания. Однако его итоговый

курс «Сравнительное языковедение» [10: 23–197], прочитанный в последний его учебный год в Московском университете (1901/02), затрагивает более широкий круг проблем. В нем ученый занимается отнюдь не только сравнительным языковедением. Он лишь кратко дает генеалогическую классификацию языков в обычном для того времени виде (много об индоевропейских языках и мало данных обо всем остальном) и объясняет ее принципы, а основная часть курса посвящена не столько сравнению языков, сколько выявлению их общих свойств. Тут мы видим, на первый взгляд, несколько парадоксальную ситуацию: хотя в соответствии с нормами науки своего времени говорится, что предмет языковедения – «вообще человеческий язык в его истории» [10: 23], но за пределами описания проблемы языкового родства ни о какой истории речь не идет. И это не только у него, но и, например, у Г. Пауля. Сравнительно-историческое языкознание после А. Шлейхера (к которому Фортунатов отнесся достаточно критически) совсем не интересовалось теорией языка и сосредоточилось на конкретных реконструкциях. Теоретическое изучение процесса языковых изменений, в то время интересовавшее ряд ученых, в том числе и в России (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский), не нашло у него отражения, как и у младограмматиков, к которым Фортунатов был во многом близок. Большая часть данного курса подходит к языку с точки зрения синхронии, а если воспользоваться разграничением В. Брэндала, ахронии. Замечу, что в предисловии М. Н. Петерсона среди проблем, затрагивавшихся ученым в курсах, упомянуто происхождение языка [7: 6]. К сожалению, не все из дошедших до нас курсов Фортунатова опубликованы, но в курсе, о котором сейчас идет речь, происхождение языка не обсуждается. В то время этот вопрос выходил из числа актуальных.

Показательно, что, говоря о фонетике, Филипп Федорович еще использует материал разных индоевропейских языков от немецкого до санскрита; в то же время, перейдя к грамматике и языковым значениям, он в большинстве случаев ограничивается русскими примерами. Он в этом отношении был не первым и не последним: ср. сосредоточение на английском материале у генеративистов. С одной стороны, об общих свойствах языка всегда удобно говорить, приводя примеры на полностью известном лектору и слушателям языке, но, с другой стороны, при этом легко принять его типологические особенности за общие свойства любых языков. Так произошло

и с Фортунатовым, причем в наиболее новаторской части его курса – учении о языковой форме, которое трудно применимо, скажем, к китайскому языку. Но, разумеется, для своего времени идеи Фортунатова были передним краем науки.

Многое среди теоретических идей Филиппа Федоровича было сходно с идеями младограмматиков, особенно главного их теоретика – Г. Пауля. «Извлечения» из его публикаций в хрестоматии В. А. Звегинцева не производят впечатления особенно оригинальных по сравнению с аналогичными фрагментами из работ основателей конкурировавшей школы – И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. Но и в них было немало важного для развития науки, что отмечал, в частности, Р. Якобсон, который указывал на слова Фортунатова о «человеческом языке вообще» как предмете языковедения.

Якобсон писал:

«Московская лингвистическая школа, верная заветам своего основоположника Филиппа Федоровича Фортунатова, была и остается призвана осознать, обосновать и развить его учение о том, что язык – не одна лишь “внешняя оболочка по отношению к явлениям мысли” и не только “средство для выражения готовых мыслей”, а прежде всего “орудие для мышления”, то есть, как отвлеченно уточняет Ф. Ф. Ф., “явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли”, и сам язык, “когда мы говорим, выражая наши мысли, существует потому, что он существует в нашем мышлении”» [11: 7].

Согласно программному тезису фортунатовского *Общего курса*,

«предметом, изучаемым в языковедении, является не один какой-либо язык и не одна какая-либо группа языков, а вообще человеческий язык в его истории. Соответственно с неизменно своевременными напутствиями отдела, озаглавленного *Значение звуковой стороны в языке*, необходимо “уяснить себе, что не только язык зависит от мышления, но что и мышление, в свою очередь, зависит от языка”»,

и, в частности, «надо понять, что звуки речи в словах являются для нашего мышления знаками», а именно «знаками того, что непосредственно вовсе не может быть представлено в мышлении» (см. [10: 120]). «Сейчас все полнее воспринимается и все живее захватывает мудрая простота этих увесистых, чарующе угловатых строк, строго поровну воздающих должное языку и мысли в их многообразном сопряжении» [11: 6–7] (см. также [11: 316]).

Но еще более существенными для того времени были подходы Фортунатова к мало разрабатывавшейся в то время теории грамматики, прежде всего, на русском материале. В качестве основных единиц языка Фортунатов выделял слова,

причем в его попытках определить, что такое слово, уже видны зачатки идей, с которыми впоследствии выступил ученик его учеников А. И. Смирницкий: критерий остаточной выделенности, разграничение словоформы и лексемы. Но интересовало Фортунатова прежде всего не деление текста на слова (оно предполагалось известным), а определение свойств уже выделенных единиц. Главным здесь было впервые разработанное ученым понятие формы слова:

«Отдельные полные слова могут иметь формы, а так как учение о всяких формах образует тот раздел языковедения, который называется грамматикой, то потому формы языка представляют собой так называемые грамматические формы языка» [10: 136].

Итак, грамматика – это учение о формах языка, а «обычным способом образования форм в отдельных полных словах» признается аффиксация [10: 140]. Упомянуты также редупликация и внутренняя флексия; это одно из немногих мест в грамматической части, где приводятся примеры из других индоевропейских языков: видимо, показалось, что в русском языке такой материал недостаточен. И лишь много дальше [10: 178–179] упомянуты «составные», то есть аналитические формы слов, а порядок слов как грамматическое средство не упомянут.

Как пишет М. Н. Петерсон, «форму Фортунатов видит лишь там, где она имеет формальное выражение» [7: 13]. Это отличало его и его последователей от более склонных к семантическому анализу А. А. Потебни и И. А. Бодуэна де Куртенэ. Московскую школу ее противники называли «формальной», поскольку ей, начиная с Фортунатова, было свойственно рассматривать свой объект на основе языковых форм, разумеется, с учетом значения, но без использования его в качестве единственного критерия. Как впоследствии отметит М. В. Панов, ученый стремился «изучать язык в его внутренней сути, не пытаясь эту суть растворить в сопредельных науках или извлечь эту суть из внеязыковых областей» [5: 16]. Безусловно, и для русского языка, и для древних индоевропейских языков строго морфологический подход давал по сравнению с другими концепциями наиболее четкий и проверяемый результат. Однако он оказался недостаточно универсальным и плохо применимым к аналитическим языкам вроде английского или китайского. Тем не менее учение о форме слова было значительным вкладом в теорию морфологии. В синтаксисе Филипп Федорович, как отмечал Петерсон, был мало оригинален [7: 14].

Типология в это время была вне научных интересов большинства ученых: классическая морфологическая классификация языков ассоциировалась с потерявшей популярность стадильной теорией, а новый взлет типологии, начавшийся с Э. Сепира, был еще впереди. Однако типологические курсы Фортунатова были оригинальны и содержали важные идеи, хотя до сих пор не все из им сделанного опубликовано. Им посвящено специальное историографическое исследование [6], а также эти идеи кратко изложены в известном учебнике [8].

Увлекавшийся математикой Фортунатов стремился внедрить в науку о языке математическую строгость мышления. Об этом писали его ученики², а М. Н. Петерсон подчеркивает «предельную сжатость его изложения при большом обилии мыслей» [7: 6]. Возможно, именно по этой причине он так и не издал свои курсы лекций, считая их недостаточно строгими (один из курсов он начал печатать, но затем остановил издание). Это естественно открывало путь к структурализму. И недаром его значение подчеркивали не только советские представители Московской школы, но и вышеупомянутый Якобсон. Не без гордости он вспоминал потом: ««Бронированными москвичами» называли нас наши петербургские сотоварищи» [3: 6].

Как известно, Филипп Федорович был первым из языковедов Московского университета, кто смог создать научную школу. «Неизменно к Московской школе... относят Ф. Ф. Фортунатова и его непосредственных учеников (впрочем... не всех)» [1: 11]. Московская школа прочно ассоциируется с Фортунатовым. Характерна ошибка М. М. Бахтина. В его беседах с В. Д. Дувакиным зашла речь об этой школе, и Бахтин спросил собеседника: «Вы ученик Фортунатова?» [2: 59]. Но когда Филипп Федорович умер, Дувакину было пять лет. Однако когда последний отнес себя к Московской школе, у Бахтина сразу возникла такая ассоциация.

Школа Фортунатова состояла из его учеников разного времени. При этом видна грань между двумя поколениями этих учеников. Старшими учениками, родившимися с 1859 по 1864 год, были А. И. Томсон, Г. К. Ульянов, А. А. Шахматов, как позже рассказывал П. С. Кузнецову Томсон, они дружили и были тесно связаны [4: 212]. К младшему поколению принадлежали родившиеся в 1870-е годы В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковский (последний, кажется, уже непосредственно не учился у Фортунатова, прекратившего преподавание в 1902 году, но воспитан в тех же традициях).

Позже Р. Якобсон называл Пешковского «выдающимся лингвистом школы Фортунатова» [9: 134].

Два поколения значительно отличались по научным подходам. Старшие его ученики, особенно Томсон и Ульянов, были последовательными позитивистами. Это появлялось даже не столько в выборе тем: Томсон был одним из первых русских языковедов, обращавшихся к экспериментальной фонетике; в период господства исторического подхода это была, по сути, всеми признанная область синхронии. Но принципы позитивизма этот ученый выдерживал последовательно. Кузнецову он уже в 1930-е годы говорил, что «учение о фонеме для языкознания не нужно, и что, если и имеет право на существование, то относится к психологии» [4: 212]. А в письме к Б. М. Ляпунову (печатно в советское время так выступать было нельзя) он обвинял Н. Трубецкого и других представителей новой парадигмы в «слабосилии», «игре-рассуждениях без истории» и неумении «преодолевать подготовительную работу по изучению накопившихся данных по истории языков» (цит. по [9: 175]). И в другом письме:

«Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами барахтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту не с чужих слов» [9: 153].

Особое место занимал А. А. Шахматов, более склонный к «рассуждению об общих вопросах», но он, особенно после переезда в Петербург, все больше отходил от своего учителя и создавал собственную школу.

Хранителями традиций, заложенных Фортунатовым, оказались его младшие ученики, особенно велика была роль М. Н. Петерсона, в течение более сорока лет передававшего эти традиции следующим поколениям; он уже в 1950-х годах издал теоретический курс Филиппа Федоровича. Их деятельность пришлась на период, когда лингвистика все больше отходила от позитивизма. После Первой мировой войны в лингвистике многих стран произошел перенос центра внимания с компаративистики и исторического языкознания на синхронные исследования, что только способствовало тому, что и в этот период идеи Фортунатова оказались востребованы. Тогда уже получил распространение структурализм, которого еще не было при Филиппе Федоровиче («Курс» Ф. де Соссюра в Женеве был прочитан еще при его жизни, но его первое издание вышло через два года после смерти Фортунатова).

Но поколение младших учеников Филиппа Федоровича было переходным. Они во многом уже создавали новые традиции. Если у самого Фортунатова преобладали исторические исследования, то Пешковский, Ушаков, Петерсон и в меньшей степени Дурново в основном занимались современным языком. Многие черты лингвистического структурализма сложились в Московской школе либо у самого ее основателя, либо у его учеников еще до знакомства с «Курсом» Соссюра. У них не было лишь законченной теории, которую, прежде всего в области фонологии, выработало уже четвертое поколение Московской школы: Н. Трубецкой, Р. Якобсон, Н. Ф. Яковлев; они соединили идеи Московской школы с понятием фонемы, введенным конкурировавшей Петербургской школой И. А. Бодуэна де Куртенэ. Эту разработку продолжило пятое поколение: В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, Р. И. Аванесов.

При этом Фортунатов повлиял на своих учеников и последователей не столько в области компаративистики или фонетики, сколько работами по теории грамматики и отчасти типологии (А. А. Реформатский). Любопытно, что почти все его последователи меньше занимались синтаксисом. Некоторым исключением, правда, был М. Н. Петерсон: «Логическим развитием идей Фортунатовской школы был семинарий М. Н. Петерсона» по русскому синтаксису [12: 175]. В период, когда в лингвистике в цене была строгость метода, в СССР последователи Фортунатова оказались к этому наиболее подготовленными. В Московском университете традиции ученого продолжали жить, пропагандистами его учения долгое время были Д. Н. Ушаков и М. Н. Петерсон, а позже П. С. Кузнецов, который постоянно говорил студентам, что было три основоположника лингвистики XX века: И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр и Ф. Ф. Фортунатов.

К 1950-м годам Московская школа уже не составляла того единства, которое было когда-то. Количество языковедов увеличивалось, возникали разные ответвления школы. Не было уже такого бесспорного лидера, которым был Фортунатов, а затем до некоторой степени Д. Н. Ушаков. В то же время многие лингвисты других школ и направлений переехали к тому времени в Москву, границы школы становились все более размытыми. И тем не менее традиции, заложенные Фортунатовым, продолжают и сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 463.

² Поржезинский В. К. Филипп Федорович Фортунатов. Некролог. М., 1914. С. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Что такое Московская лингвистическая школа? // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 2. С. 11–34.
2. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М.: Новости, 1996. 344 с.
3. Иванов В. В. Лингвистический путь Романа Jakobson // Jakobson R. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 5–29.
4. Кузнецов П. С. Воспоминания // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 1. С. 155–250.
5. Панов М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество // Ушаков Д. Н. Русский язык. М.: Просвещение, 1995. С. 8–40.
6. Перельмутер И. С. Труды Ф. Ф. Fortunatova по типологии. АКД. М.: МГУ, 1989. 23 с.
7. Петерсон М. Н. Академик Ф. Ф. Fortunatov // Fortunatov F. F. Избранные труды. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1956. С. 5–16.
8. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. 275 с.
9. Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.
10. Fortunatov F. F. Избранные труды. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1956. 450 с.
11. Jakobson R. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
12. Jakobson R. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Jakobson R. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.

Поступила в редакцию 02.07.2020

Vladimir M. Alpatov, Doctor of Philology, Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
v-alpatov@ivran.ru

FORTUNATOV'S SCHOOL OF RUSSIAN LINGUISTICS

F. F. Fortunatov was the professor of the Moscow University from 1876 to 1902 and the founder of the Moscow linguistic school. This time was the period of the positivist philosophy and the historical linguistics. Fortunatov was influenced by them, and his ideas were close to the German school of the Neogrammarians. However, he also studied synchronic linguistics, especially the theory of grammar through the morphological approach. Fortunatov had many disciples, many of his ideas are still relevant, and some traditions of his school have been preserved until now. However, the evolution of these traditions and Fortunatov's role in the development of modern language science have not been sufficiently studied. This paper is the first of its kind to comprehensively explore his contribution and legacy, as well as Fortunatov's similarities to and differences from his predecessors and colleagues.

Keywords: Fortunatov, Moscow University, Moscow school, positivism, Neogrammarians, theory of grammar, morphological approach, traditions

Cite this article as: Alpatov V. M. Fortunatov's school of Russian linguistics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532

REFERENCES

1. Alpatov V. M. What is the Moscow linguistic school? *Moscow Linguistic Journal*. 2001. Vol. 5. No 2. P. 11–34. (In Russ.)
2. Conversations between V. D. Duvakin and M. M. Bakhtin. Moscow, 1996. 344 p. (In Russ.)
3. Ivanov V. V. The linguistic path of Roman Jakobson. *Jakobson R. Selected works*. Moscow, 1985. P. 5–29. (In Russ.)
4. Kuznetsov P. S. Memories. *Moscow Linguistic Journal*. 2003. Vol. 7. No 1. P. 155–250. (In Russ.)
5. Panov M. V. Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and work. *Ushakov D. N. Russian language*. Moscow, 1995. P. 8–40. (In Russ.)
6. Perelmutter I. S. F. F. Fortunatov's works on typology. Moscow, 1989. 23 p. (In Russ.)
7. Peterson M. N. Academician F. F. Fortunatov. *Fortunatov F. F. Selected Works*. Vol. 1. Moscow, 1956. P. 5–16. (In Russ.)
8. Reformatskiy A. A. Introduction to linguistics. Moscow, 1967. 275 p. (In Russ.)
9. Robinson M. A. The fates of the academic elite members: Russian Slavonic studies (1917 – early 1930s). Moscow, 2004. 432 p. (In Russ.)
10. Fortunatov F. F. Selected works. Vol. 1. Moscow, 1956. 450 p. (In Russ.)
11. Jakobson R. Selected works. Moscow, 1985. 460 p. (In Russ.)
12. Jakobson R. General study of cases. General meaning of the Russian case. *Jakobson R. Selected works*. Moscow, 1985. P. 133–175. (In Russ.)

Received: 2 July, 2020

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ДУЛИЧЕНКО

доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии

Тартуский университет (Тарту, Эстония)

aleksd@list.ru

ЛИНГВОНИМИКА

Язык не только обязательный, но и один из основных признаков любой этнической общности. Это мощный фактор объединения и сохранения этнического коллектива. В настоящее время имеется не так много исследований по лингвонимике. Мы начали заниматься этой наукой с конца 60-х – начала 70-х годов XX века. Первая наша работа вышла в 1973 году. В 1976–1977 годах мы представили в Институт языкознания АН СССР словник славянских языков и диалектов, в котором отражено более 600 названий славянских языков и диалектов. В настоящей статье дается определение понятия «лингвоним», рассматриваются вопросы соотношения лингвонимов и этнонимов, их строения, представлены варианты лингвонимов, источники их образования и т. д.

Ключевые слова: русский язык и лингвонимика, соотношение лингвонима и этнонима, строение лингвонимов, их варианты

Для цитирования: Дуличенко А. Д. Лингвонимика // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 13–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.533

ВВЕДЕНИЕ

Различные исследователи, описывая язык одного и того же народа, называли его по-разному: одни – по номинации народа, другие – по названию местности, третьи брали за основу название, которое бытовало у соседних народов, и т. д. Так, например, иранские языки включают 120 лингвонимов и 45 лингвонимов-вариантов.

Впервые мы обратили внимание на названия языков и диалектов в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Первая наша работа была опубликована в 1973 году [7]. Затем последовали работы как общего характера, так и частного [1], [2], [3], [6]. Кроме того, в своих работах мы опирались на предыдущих авторов¹ [4], [5] и др. Мы также обращались к «Библиографическому указателю литературы по русскому языкознанию. 1825–1880»².

Между названием языка и названием народа существуют тесные взаимосвязи, чаще всего выражающиеся в общности происхождения, причем лингвоним чаще всего появляется позже: *русские* – *русский язык*, *поляки* – *польский язык* и под. Случаи обратного характера редки: *рус. немцы* от старославянского *нѣмьць*, то есть «немой» (оригинальное название – *дойче*, нем. *Deutsche* «немец»). Случаи несовпадения лингвонима и этнонима также нередки: *английский язык* – *американец*, *немецкий язык* – *австриец* и под. Одному этнониму могут соответствовать по крайней мере два лингвонима. Такое

соотношение особенно характерно для народа, который говорит на двух равноправных формах одного и того же языка. В качестве примера можно указать на существование в Норвегии двух языковых норм: *риксмол* (*riksmål*) «государственный язык» и *ланнсмол* (*landsmål*) или, как он называется в настоящее время, *нюнорик* (*nynorsk*) «новонорвежский язык». Наконец, нужно указать на такой факт: иногда наличие лингвонима не предполагает наличие этнонима. В данном случае имеется в виду группа языков, называемых международными искусственными языками, которые были в употреблении в прошлом, а также используются в настоящем: *волапюк* (*Volapük*), *эсперанто* (*Esperanto*), *идо* (*Ido*), *окциденталь-интерлингве* (*Occidental-Interlingue*), *интерлингва* (*Interlingua*) и некоторые другие. Соотношение «лингвоним – отсутствие этнонима» характерно и для некоторых гибридных языков, а также для мертвых, например *санскрит*, *авестийский язык* и под.

ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ «ЛИНГВОНИМ»

Помимо собственно языков, существуют также всевозможные языковые разновидности, выполняющие ту же функцию общения, но намного скромнее. В большинстве случаев эти разновидности имеют собственные названия. Таким образом, в понятие «лингвонимы» мы включаем также следующие языковые разновидности, если они имеют специальное название: 1) диалекты,

2) гибридные языки, 3) жаргоны и арг, 4) местные разновидности литературных языков.

1. Нередко диалекты обозначаются особо. Так, разновидность французского языка на севере страны называется *langue d'oui*, а на юге – *langue d'oc* (или *langue occitan*). В основу названий этих диалектов положено различное произношение слова «да» – на севере *oui*, на юге – *oc*.

2. Гибридные языки обычно используют местным афро-азиатским и европейским населением. Так, в период бельгийской колонизации Конго был принят официальным языком при сношениях между местным населением и колониальной администрацией язык *киконго* (*Kikongo*). С течением времени на основе киконго и французского выработался новый гибридный язык, получивший название «государственного языка» – *килета* (*Kileta*), то есть из местного префикса *ki-*, служащего в языках банту показателем класса существительных-лингвонимов, и французского слова *l'état*. Сравним также *Russenorsk* «русско-норвежский язык» (им пользовались русские и норвежские рыбаки), *Papiamentu*, *Pidgin English*, *Beach-la-mar* и т. д.

3. Названия различных жаргонов, арг, «тайных» языков, имеющих специальное обозначение. Так, среднеазиатские цыгане (в том числе и цыгане Самарканда), говорящие на диалектах таджикского языка, часто пользуются арг, который они называют *лавзи мугат* (*Lavzi Muġat*), и проч.

4. Наконец, интерес для лингвониимики представляют названия, которые в силу различных условий образовали местный вариант известного языка: *American English* «американский английский (язык)», *Canadian French* «канадский французский (язык)», *Americanized Italian* «американизированный итальянский (язык)» и под. Есть и другие разновидности.

СТРОЕНИЕ ЛИНГВОНИМОВ

В одних языках лингвоним может обозначаться с помощью одного слова (лексемы), в других – с помощью словосочетаний.

Русский лингвоним обычно двучленен, то есть состоит из обязательного компонента «язык» и атрибута, служащего для дифференциации лингвонимов: *белуджский язык*, *китайский язык*, *русский язык* и под. В тех случаях, когда дифференцирующий элемент лингвонима не подчиняется законам русского словообразования (обычно из-за трудности присоединить русский аффикс), используется конструкция типа «язык + дифференцирующий элемент»: *язык урду* («урдуский язык» не употребляется), *язык суахили*, *язык*

идо и под. Одночленные лингвонимы в русском языке редки: *латынь*, существующий наряду с основным двучленным вариантом *латинский язык*.

Обязательное присутствие компонента «язык» характерно для лингвонимов некоторых других языков. Так, в китайском языке компонент *юй* («язык») обычно участвует в образовании лингвонимов: *хань юй* «китайский язык», *инь юй* «английский язык» и др. То же можно сказать и о некоторых тюркских языках, например, в турецком: *türk dili* «турецкий язык», *rus dili* «русский язык», *ingiliz dili* «английский язык», хотя возможны и лингвонимы типа *türkçe*, *rusça*, *ingilizce* и т. д.

Языкам с двусловными лингвонимами противопоставлены языки, в которых лингвоним состоит из одного слова. Особенно характерны в этом отношении языки банту, где существуют специальные классы существительных-лингвонимов. Так, в восточной группе языков банту класс лингвонимов оформляется префиксом *ki-*: *Kiswahili*. В группе языков бассейна Конго этому показателю противопоставлен показатель класса этнонимов *ba-*: *kikongo* – *bakongo*, *kiluba* – *baluba*, *kikuba* – *bakuba*.

Однословный лингвоним типичен и для чешского языка: *Čeština* «чешский язык», *Indoneština* «индонезийский язык». Правда, тут употребляются и двусловные варианты этих же лингвонимов с компонентом «язык»: *český jazyk* «чешский язык», *indonezský jazyk* «индонезийский язык».

Способы образования одночленных лингвонимов в различных языках различны: для одних характерно суффиксальное (чешский, немецкий и др.), для других – префиксальное (языки банту).

О ВАРИАНТАХ ЛИНГВОНИМОВ

Как уже было сказано, возникновение лингвонимов-вариантов обусловлено различными причинами. Так, недостаточная изученность языка народа *фульбе* (западная бантоидная группа) (особенно сложность системы образования множественного числа) ставила часто в тупик лингвистов-африканистов. Возникло множество названий и народа, и языка: *фуль* – *ful/pful*, *фульбе* – *fulbe*, *нуль* – *pul*, *пуло* – *pulo*, *пель* – *pel*, *фулани* – *fulani*. В настоящее время принят этноним *фульбе* и лингвоним *фульфульде*.

В русской лингвонимии лингвонимы-варианты встречаются довольно часто. Так, в русском языке мы употребляем лингвонимы *голландский язык* и *нидерландский язык*, причем последний

(как и в самих Нидерландах) становится преобладающим. Почти неупотребителен сейчас лингвоним *мадьярский язык*, хотя он копирует самоназвание – *tagyar nyelv*; его заменил имеющий общеевропейское распространение лингвоним *венгерский язык* (но не в самом венгерском языке!). Напротив, стремление быть ближе к языку-оригиналу приводит зачастую к образованию лингвонимов-вариантов: *аннамский язык* > *вьетнамский язык*, *вогульский язык* > *мансийский язык*. Часто лингвонимическая вариантность обусловлена различными фонетическими нарушениями: *словенский язык* в русской лингвистической литературе до недавнего времени могли называть *словинский язык* (*slovenski jezik / slovenščina*). Ср. также: *язык суахели* (*Suaheli*) вм. *язык суахили* (*Suahili*); в русском языке: *казацкий язык* > *казахский язык*, *язык индустан* > *язык хиндустан*. Ср. также случаи, когда лингвоним частично переводится на другой язык: *Weissrussisch – Belorussisch*.

Для устранения пестроты и путаницы в названиях языков мира необходима прежде всего унификация лингвонимов, основанная на требовании международной лингвонимии и его связи с языком-оригиналом.

ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИНГВОНИМОВ

Базой для создания лингвонимов могут быть самые разные источники. Наиболее регулярны:

1. В большинстве случаев основой для лингвонима служат этнонимы: *тамил – тамильский язык*, *араб – арабский язык*, *чех – чешский язык*.

2. Внешняя особенность речи: первые голландские поселенцы в Южной Африке из-за характерных щелкающих звуков называли сам народ словом *hottentüt*, что значит «заика»; отсюда *готтентот – готтентотский язык* (языки).

3. Лингвоним может быть образован от названия местности: один из иранских язы-

ков *мунджанский язык* образован от названия местности Мунджан (юго-восточная часть афганского Бадахшана) и одновременно от этнонима *мунджанцы*. Некоторое время назад в тюркологии был распространен составной лингвоним *анатолийско-турецкий язык*.

4. Нередко лингвоним (вместе с этнонимом) заимствуется из какого-либо языка. Так, этноним для хакасского народа взят из древнего названия *кыргыз*, но только в китайской форме *хакас*. Таким образом оформились и этноним *хакас*, и лингвоним *хакасский язык*.

5. Чисто случайный признак может стать основой сначала для этнонима, а затем и лингвонима. Первые белые поселенцы Южной Африки буры прозвали местное население *бушменами* – из языка африкаанс: *bosje* ‘куст’ и *tan* ‘человек’. Отсюда и лингвоним *бушменский язык*.

Есть также и макролингвонимы, то есть названия групп языков: *славянские языки*, *семитские языки*, *финно-угорские языки* и т. д. Весьма любопытен и такой путь создания макролингвонимов, о котором писал известный востоковед Н. В. Юшманов: «Характерно для хауса расплывчатое название белого человека (араба, англичанина и т. д.): *Ba-Ture*, жен. *Ba-Turija*, мн. *Turawa*. Отсюда *Turanci* “любой язык белого человека”»³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Область лингвонимики как сферы наименований языков, диалектов и говоров чрезвычайно широка и пока мало изучена. Источники формирования лингвонимии, особенности строения и варьирования лингвонимов в их соотношении с этнонимами на материале русского языка и других языков мира требуют специального комплексного анализа. В данной работе представлены некоторые выводы, связанные с составом лингвонимики на материале русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шишковъ А. С. Опытъ рассужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ // Извѣстія Россійской академіи. СПб., 1817. Кн. 5. С. 2–3; Ягичъ И. В. Рассужденія южнославянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ // Исслѣдованія по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895. С. 398; Юшманов Н. В. Строй языка хауса. Л., 1936. С. 22.

² Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию. 1825–1880. Вып. 7. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 280–293.

³ Юшманов Н. В. Строй языка хауса... С. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дуличенко А. Д. К обоснованию славянской лингвонимики // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Федоровича Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 116–129.

2. Дуличенко А. Д. Лингвосоциокультурное движение и язык. (Об эсперантизмах в русском языке) // *Interlinguistica Tartuensis 4: Вопросы общей и частной интерлингвистики* (Ученые записки Тартуского государственного университета). Тарту, 1987. Вып. 775. С. 39–63.
3. Дуличенко А. Д. Очерки по общей и русской лингвонимике. I. К метаязыку лингвистики: лингвонимы как особый класс терминов. Семантика номинации и семиотика устной речи // *Лингвистическая семантика и семиотика I* (Ученые записки Тартуского государственного университета). Тарту, 1978. Вып. 442. С. 23–52.
4. Копыленко М. М. Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности? // *Советское славяноведение*. 1966. № 1. С. 36–41.
5. Языки мира. Славянские языки. М.: Academia, 2005. 649 с.
6. Duličenko A. D. Fran Miklošičev zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991. Ljubljana, 1992. S. 431–444.
7. Duličenko A. D. La lingvonimiko (ĝiaj esenco kaj problemoj) // *Scienca Revuo*. 1973. Vol. 24. P. 83–90.

Поступила в редакцию 17.05.2020

Aleksandr D. Dulichenko, Doctor of Philology,
University of Tartu (Tartu, Estonia)
aleksd@list.ru

LINGUONYMICS

The language is not only the mandatory, but also one of the main features of any ethnic community. It is a powerful attribute of the association and preservation of an ethnic family. However, the literature on linguonymics is limited. We started our research of linguonymics between the late 1960s and the early 1970s, with the first research work published in 1973. In 1976–1977, the glossary of Slavic languages and dialects was presented to the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, which contained more than 600 names of Slavic languages and dialects. This article addresses the correlation between linguonyms and ethnonyms, introduces the definition of the concept “linguonym”, and explores their structure, variants, and sources.

Keywords: Russian language and linguonymics, correlation between linguonyms and ethnonyms, linguonyms structure, linguonyms variants

Cite this article as: Dulichenko A. D. Linguonymics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 13–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.533

REFERENCES

1. Dulichenko A. D. The justification of Slavic linguonymics. *Words. Concepts. Myths. Commemorating the 60th anniversary of Anatoliy F. Zhuravlev*. Moscow, 2011. P. 116–129. (In Russ.)
2. Dulichenko A. D. Linguosociocultural movement and language. (Esperantisms in the Russian language). *Interlinguistica Tartuensis 4: Questions of General and Special Interlinguistics* (Proceedings of Tartu State University). Tartu, 1987. Issue 775. P. 39–63. (In Russ.)
3. Dulichenko A. D. Essays on general and Russian linguonymics. I. The metalanguage of linguistics: linguonym as a special class of terms. Semantics of nomination and semiotics of speech. *Linguistic Semantics and Semiotics I* (Proceedings of Tartu State University). Tartu, 1978. Vol. 442. P. 23–52. (In Russ.)
4. Kopylenko M. M. What should the language of the oldest Slavic written monuments be called? *Soviet Slavonic Studies*. 1966. No 1. P. 36–41. (In Russ.)
5. Languages of the world. Slavic languages. Moscow, 2005. 649 p. (In Russ.)
6. Duličenko A. D. Fran Miklosich and Matija Majar Ziljski: from the Proto-Slavic language to the All-Slavic language. *Miklošičev zbornik. Mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991*. Ljubljana, 1992. S. 431–444.
7. Duličenko A. D. La lingvonimiko (ĝiaj esenco kaj problemoj). *Scienca Revuo*. 1973. Vol. 24. P. 83–90.

Received: 17 May, 2020

НАТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВНА КОЗЛОВСКАЯ

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Отдела лексикографии современного русского языка
Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
mnegolosbyl@gmail.com

О МЕХАНИЗМЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПТОВ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ Н. Ф. ФЕДОРОВА*

С позиций современного когнитивного терминоведения проанализировано явление переосмысления термина «Пятидесятница» в философии Н. Ф. Федорова. Исследование проведено в рамках проекта словарного описания авторской философской терминосистемы. Показано, что теологический термин является мотиватором семантического терминообразования. Актуальность обусловлена необходимостью описания механизма философского переосмысления терминов, участвующих в вербализации религиозных концептов, поскольку этот способ является одним из основных в творчестве русского философа-космиста Н. Ф. Федорова. Новизна заключается в том, что методы когнитивного анализа впервые применены к явлению философской транsterминологизации в творчестве Федорова. В статье показано, как вербализуется информация, подвергшаяся специальной когнитивной обработке: элементы исходного фрейма заменяются новыми. Голубь («символ любви и согласия») меняется на образ «дочери человеческой», воплощающей «замену рождения воскресением»; «огненные языки» – на «регулятор или громопровод». Взаимодействие разных фреймовых структур порождает когнитивную метафору «пятидесятница – соединение». Новое понятие (пятидесятница как объединение людей в деле воскресения) трансформирует семантический континуум христианской концептосферы: формируется новое знание о Боге и человеке и новый ритуал. Символ метафоры включает множество сем, основанных на ассоциативных признаках, что позволяет автору включить в понятие «пятидесятница» разнородные и многоаспектные смысловые составляющие: регуляция, обличение розни, совершеннолетие, «новые Вавилоны» (новые цивилизации), замена рождения воскресением и др. Созданный на основе метафорического переосмысления авторский термин «пятидесятница» включается автором в следующий этап философского терминообразования, ведущим механизмом которого является синтаксический способ. Особенность «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова состоит в одновременной лексической экспликации трех концептов: универсального христианского концепта Пятидесятница, исторический слой которого отражается в Новом Завете, национально-культурного, православного (Святая Троица) и авторского: пятидесятница как объединение людей в общем деле воскресения, в крестовом братстве и в языке. Помимо традиционных методов контекстуального и концептуального анализа в статье использованы методы корпусной лингвистики. Для составления конкорданса были использованы подкорпус собрания сочинений Н. Ф. Федорова и программные средства системы Sketch Engine. При помощи корпусного инструмента «Тезаурус» продемонстрировано одновременное функционирование в тексте двух смысловых комплексов: Пятидесятница как христианский православный праздник и пятидесятница как всеобщее Воскрешение.

Ключевые слова: философская терминосистема, семантический способ терминообразования, синтаксический способ терминообразования, транsterминологизация, когнитивное терминоведение, динамический фрейм, мыслительная картинка, авторский философский термин

Для цитирования: Козловская Н. В. О механизме переосмысления религиозных концептов в философском терминообразовании Н. Ф. Федорова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 17–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.534

ВВЕДЕНИЕ

В статье анализируется явление философского переосмысления теологического понятия «пятидесятница» в творчестве Н. Ф. Федорова. Созданная в конце XIX – начале XX века

«Философия общего дела» представляет собой оригинальное учение, которое включает ряд мировоззренческих вопросов, синтезирующих религиозный, антропологический и космический подходы.

Главной у Федорова является идея преодоления смерти, которую философ считал результатом или выражением «несовершеннолетия, несамостоятельности, несамобытной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни» (Федоров, Т. I: 110)¹. Общим всемирным делом Федоров считал воскрешение всех когда-либо умерших и обретение бессмертия. В комплекс идей, связанных с проблемой воскрешения, входят «санитарный» и «продовольственный» вопросы: преодоление болезней, эпидемий, голода. Радикальным решением санитарного вопроса Федоров считал соединение разложенных когда-то молекул: «всякое другое решение этого вопроса не представляет полной гарантии безвредности частиц (молекул), подвергавшихся процессу смерти в целом ряде существ» (Федоров, Т. I: 275). Для того чтобы решить вопрос продовольственный, человечество должно вернуться из городов к земледелию и сельской жизни.

Поскольку воскрешенные поколения неизбежно столкнутся с нехваткой продовольствия и пространства, Федоров прогнозировал неизбежность выхода человечества в космос:

«...вопрос об эпидемиях, как и о голоде, выводит нас за пределы земного шара; труд человеческий не должен ограничиваться пределами земли, тем более что таких пределов, границ, и не существует» (Федоров, Т. I: 274).

В «общем деле» должны быть осуществлены внутренняя и внешняя регуляция природы. Внутренняя (психофизиологическая) – это просветление сознания человека, внешняя – управление силами природы на земле и в космосе. Результатом последовательного осуществления метеорической и космической регуляции станет, по Федорову, «обращение земли из стихийно самодвижущейся в земноход, движимый всем человеческим родом, как кормчим (самодержцем с корабельною прислугой земного корабля)» (Федоров, Т. II: 256).

Проект всеобщего воскрешения Н. Ф. Федорова обоснован с позиций религиозного мировоззрения: воплощение христианских идей понимается философом как внесение в сознание и природу разумных, созидательных, трудовых начал. Не случайно В. С. Соловьев назвал федоровский «проект» «первым движением вперед человеческого духа по пути Христову» и указал на его «религиозный, а не научный характер»².

Соединение религиозного, космического и антропоцентрического начал обусловило особенности словоупотребления Федорова: для объяснения идей «трудового христианства» философ переосмысляет теологические термины, а также

включает транстерминологизированные единицы в следующий этап синтаксического терминологического образования. Феномен переосмысления – один из основных в терминотворчестве Федорова, который формулирует свои идеи, опираясь на ключевые понятия христианства и православия, ср.:

«Он не принимает дарового спасения. У него есть очень глубокие мысли о внехрамовой литургии, внехрамовой Пасхе. <...> Федоров хочет сделать литургию и Пасху имманентной человеку, внутренним делом человеческой активности. <...> Федоров не хочет рая, созданного не самими людьми и потустороннего» [4: 451].

Подход к учению Федорова как к «активному христианству» отсылает нас, по мнению Д. В. Барановского,

«к контексту русской религиозно-философской мысли, в которой формы рациональности были связаны с религиозной картиной мира, а следовательно, и философско-антропологический посыл также имел религиозную основу» [3: 127].

Эта религиозная основа обусловила структуру философской терминосистемы Н. Ф. Федорова, в ядро которой входят привлеченные и транстерминологизированные единицы религиозного дискурса. Проанализировать механизм конструирования новых понятий на основе существующего концепта позволяет совокупность методов анализа, используемых в современном когнитивном терминоведении.

Для когнитивного терминоведения характерен подход к термину не как к статичному, а как к динамическому многомерному явлению, участвующему в разноуровневых ментальных процессах получения, формирования и развития знания. В качестве важнейших идей когнитивного терминоведения Е. И. Голованова называет: 1) изменение взгляда на характер соотношения термина и понятия, углубление понимания данного соотношения путем введения в терминоведческий оборот понятий «концепт», «концептуальные структуры», «форматы знания»; 2) признание первостепенной значимости когнитивных функций термина, из числа которых наиболее важной является ориентирующая функция; 3) рассмотрение термина в качестве динамического образования, в связи с чем приписываемая ему дефиниция трактуется как имеющая относительный, а не абсолютный характер, см.: [5: 38–40].

Переход к когнитивным методам изучения сделал термин открытым для многих принципиально новых идей: так, Памела Фабер рассматривает специальные лексемы как «конвейеры концептуального значения и механизмы передачи знания» [14: 16]. Открытие методов когнитивного

анализа дает возможность раскрыть механизмы сложных, противоречивых процессов познания, протекающих в философском тексте.

Русская религиозная философия является особым видом терминопорождающего дискурса, для которого характерны такие механизмы образования и функционирования специальной лексики, как привлечение («дискурсивная миграция») и переосмысление теотерминов, в основе которых лежат традиционные религиозные концепты.

В изучении философской концептуализации мира мы постоянно сталкиваемся с совокупностями концептов, образующих терминосистему, которая с точки зрения когнитивного подхода определяется как структура, отражающая специальную картину мира и выявляемая посредством категоризированной и концептуализированной информации на основе логико-понятийных, когнитивно-языковых, дискурсивных и собственно терминологических требований (см.: [9: 219–220]). В рамках когнитивного терминоведения объектом анализа является внутренняя семиотическая природа термина, обусловленная связью со специальным знанием, специальной коммуникацией и связанной с ними деятельностью.

Термины как особый класс лексических образований, используемых в вербализации религиозно-философских концептов, нуждаются в толковании содержательной структуры.

Механизм философского переосмысления терминов, участвующих в вербализации религиозных концептов, является одним из основных в творчестве русского философа-космиста Н. Ф. Федорова. Это явление вызвано религиозным характером его мировоззрения, учение которого Н. А. Бердяев назвал «последней попыткой построения патриархально-родственной общечеловечности» [4: 466].

Религиозный характер философского учения Н. Ф. Федорова обусловил наличие в его произведениях большого количества привлеченных единиц религиозного дискурса, обозначающих базовые концепты христианской культуры: названия религиозных праздников (Рождество, Великий Пяток, Живоначальная Троица, Еврейская Суббота); имена собственные библейского происхождения (Авраам, Бог, Бог-Отец, Лазарь, Капернаум, Нагорная проповедь, Заповедь «Шедше, научите», Первосвященническая молитва, Страшный Суд, Хам, Эдем); теологические термины (Агатицея, Крест, Символ веры, Православие, Теодицея, Троиединство).

Для религиозной философии вообще и для Федорова в частности характерно использо-

вание такой разновидности семантического терминологического образования, как терминологизация, внешним мотиватором которой служит теологический термин (или термин православия). Мотиваторами семантического терминологического образования являются: Антипасха (антипасха), Пасха (пасха), Пятидесятница, Рождество (рождество), литургия, Крещение (крещение), преображение и некоторые другие. Стоит отметить, что большинство теотерминов используются в двух функциях: со специализацией значения (переосмысление) и без нее (привлечение). Привлечение – это перенос термина из одной терминосистемы в другую без изменения объема понятия.

Анализ функционирования слова *пятидесятница* в текстах произведений Н. Ф. Федорова позволяет выявить процесс образования нового (религиозно-философского) понятия на базе закрепленных в исходном концепте элементов кода христианской культуры.

Для составления конкорданса к слову были использованы подкорпус текста «Философии общего дела» (тома 1–4), введенный в систему Sketch Engine³, и ее программные средства. Текстовый корпус как инструмент анализа понимается нами как «коллекция текстов естественного языка в электронной форме, часто составляемая в соответствии с определенными критериями проектирования и обычно содержащая многие миллионы слов» [15: 140]. Функция Concordance позволила выявить упорядоченный список всех употреблений слова *пятидесятница*, установить их точное количество – 24 (рис. 1).

Анализ всех контекстов употребления свидетельствует о двух типах употребления слова *пятидесятница*: в качестве привлеченного термина и в качестве переосмысленного теотермина. Привлеченный термин *Пятидесятница* отражает семантическое пространство христианской концептосферы: это номинация одного из двенадцатых православных праздников, регулирующих календарное время (день Святой Троицы, или Троица), который празднуется на пятидесятый день после Пасхи. Теотермин напрямую соотносится с сюжетом «Деяний святых апостолов», входящих в Новый Завет. Сюжет, описанный в «Деяниях», входит в особый текст культуры. Второе значение термина образовано метонимически: пятьдесят дней от дня Пасхи до праздника Святой Троицы. Библейский сюжет воспроизводится Федоровым через его основные составляющие, представленные в виде динамического фрейма: сошествие Св. Духа («в виде голубя»), раздача огненных языков («для проповеди, т. е. для обличения розни и для духовного пробуждения»), разделение языков («раздельшийся древле глас (язык,

люди), зле согласившийся» (Федоров, Т. III: 433). В философском тексте вербализуется информация, подвергшаяся специальной когнитивной обработке: элементы исходного фрейма заменяются новыми. Голубь («символ любви и согласия») меняется на образ «дочери человеческой», воплощающей «замену рождения воскресением»; «огненные языки» – на «регулятор или громопровод». Взаимодействие разных фреймовых структур порождает когнитивную метафору, символом которой (в терминологии Г. Н. Складневской – компонент семантики, связывающий метафорическое значение с исходным, см.: [10: 52]) является соединение.

Новое понятие (пятидесятница как объединение людей в деле воскресения) трансформирует семантический континуум христианской концептосферы: формируется новое знание о Боге и человеке и новый ритуал.

Одним из способов концептуализации действительности и репрезентации нового знания в философско-религиозном тексте является когнитивная метафора, которая, в отличие от образной, позволяет через сравнение с хорошо известным высветить существенные признаки специального понятия. Метафоричность и использование образных средств являются свойствами поэтики Федорова, проецирующимися на его философское терминотворчество: при помощи метафорического переноса создается новое понятие. Это роднит филосо-

фский текст с художественным, однако в последнем на первый план выходит эстетическая функция образной метафоры, а в религиозно-философском – познавательная функция когнитивной метафоры: он «пробивается к знанию» через терминологизированную метафору и образное изложение основных положений мировоззрения Федорова.

Символ метафоры включает множество сем, основанных на ассоциативных признаках, что позволяет автору включить в понятие «пятидесятница» разнородные и многоаспектные смысловые составляющие: регуляция, обличение розни, совершеннолетие, «новые Вавилоны» (новые цивилизации), замена рождения воскресением и др. Так на базе теотермина образуется авторский философский термин: вербализующая философский концепт единица метаязыка, значение которой определяется только в составе философской терминосистемы конкретного автора, или авторской терминосистемы [6: 85]. С точки зрения когнитивного подхода философский термин представляет собой не только языковой знак концепта, но и динамический конструкт, способный изменять свой содержание в процессе когнитивии.

Когнитивная значимость термина определяется сложностью и многокачественностью стоящего за ним объекта; когнитивно значимые термины вступают в процессы терминологической деривации, отражающие непрестанное движение

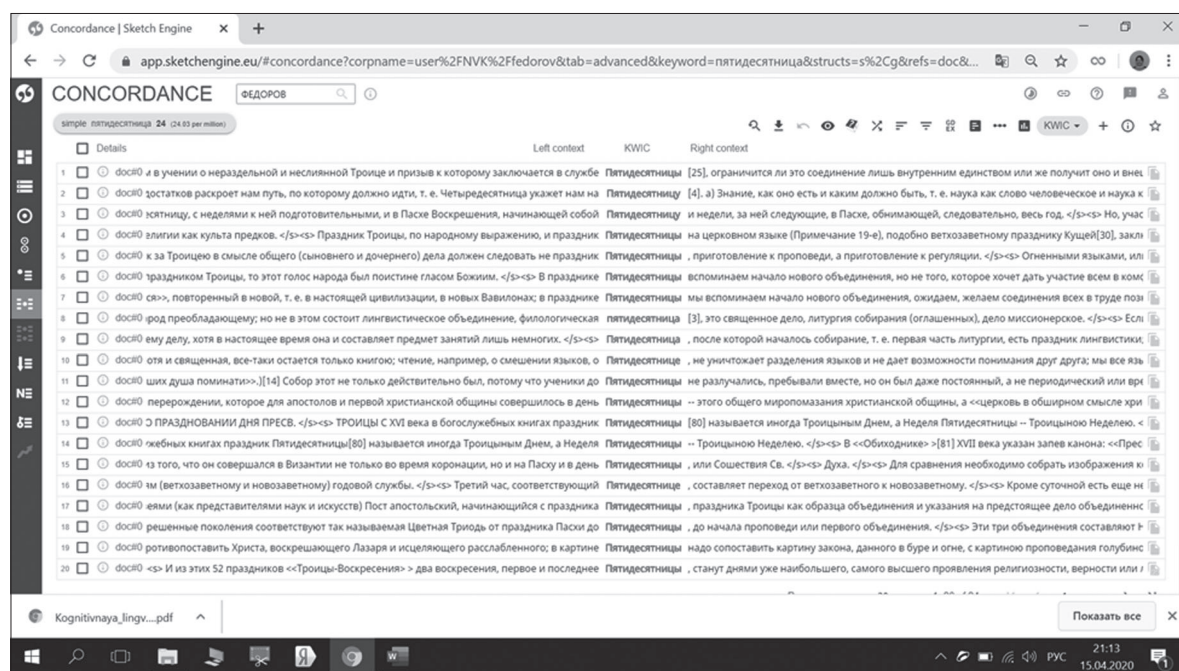

Рис. 1. Конкорданс к слову *пятидесятница* в корпусной поисковой системе Sketch Engine (фрагмент)

Figure 1. Concordance for the Russian word *Pentecost* in the Sketch Engine corpus (fragment)

философской мысли. Созданный на основе метафорического переосмысления авторский термин *пятидесятница* включается автором в следующий этап философского терминологического образования, ведущим механизмом которого является синтаксический способ.

Сочетание процессов лексико-семантического и синтаксического терминологического образования привело к появлению двухкомпонентного авторского термина *этнографическая пятидесятница*, значение которого – духовное родство, крестовое братство. «При заключении крестового братства принадлежащие к различным племенам будут меняться своими образками и каждый крестовый брат будет, таким образом, носить образок с изображением не того племени, к которому принадлежит сам, а того, к которому принадлежит его крестовый брат» (Федоров, Т. III: 433).

Еще один двухкомпонентный термин образуется аналогичным способом: *филологическая пятидесятница*: объединение человечества в одном «всемирном, всенародном, всеязыческом, христианском» языке, который должен быть «результатом сравнительного языкознания»; единство в слове. «Пятидесятница, после которой началось соби́рание, т. е. первая часть литургии, есть праздник лингвистики; но то, что совершилось тогда чудом, теперь должно совершиться трудом» (Федоров, Т. III: 434).

Анализ дефиниций дополним обращением к корпусному методу визуализации концептов

системы Sketch Engine. Инструмент «Тезаурус» позволяет выявлять семантические связи между словами с количественным указанием силы этой связи. Извлечение облака тегов *пятидесятница* наглядно демонстрирует одновременное функционирование в тексте двух смысловых комплексов: Пятидесятница как христианский православный праздник (торжество, вечеря, седмица, весна, воскресенье, Пасха) и как всеобщее Воскрешение (новое рождение, воскресение) (рис. 2).

Особую роль в развертывании концептуальной структуры новой терминологической парадигмы играет статья «Роспись наружных стен храма во имя двух ревностных чтителей живоначальной троицы – греческого и русского, – при котором находится музей или библиотека». В этом тексте представлен редкий для философского текста способ репрезентации концепта, названный А. П. Бабушкиным «мыслительными картинками». Мыслительные картинки – это репрезентации, которые отражают в сознании носителей языка основные предметные характеристики объекта (цвет, объем, конфигурацию и т. д.) (см.: [1: 19]). В таких структурах важнейшими параметрами являются цвет, объем, конфигурация репрезентируемого предмета, которые «считываются» со зрительного восприятия. Интересно, что мыслительные картинки – это не «моментальные снимки», отражающиеся в сознании одного человека, но целые «галереи образов» (см.: [2]).

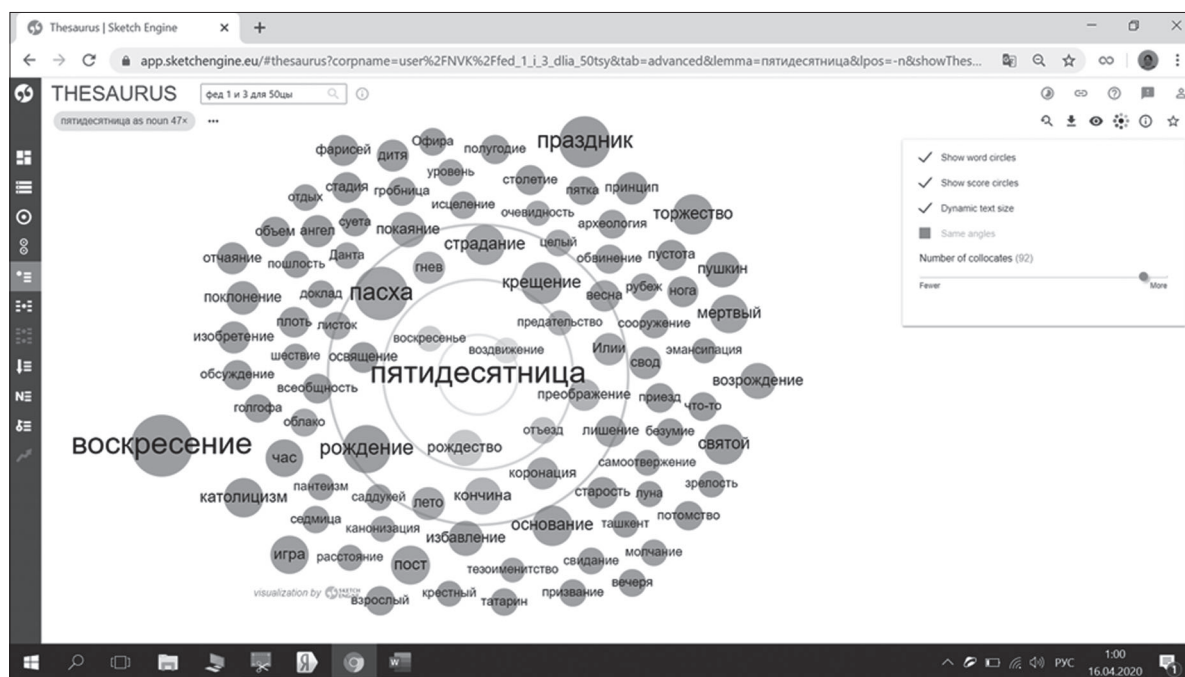

Рис. 2. Лексико-семантические связи слова *пятидесятница* в корпусной поисковой системе Sketch Engine (подкорпус «Федоров»)

Figure 2. Lexical-semantic relations of the Russian word *Pentecost* in the Sketch Engine corpus ("Fedorov" subcorpus)

Тип репрезентации знания обусловлен особой темой статьи: это развернутое описание внешней росписи храма с указанием местоположения и детализацией объектов, они не реальны, то есть являются подлинными «мыслительными картинками»:

«На самой же картине исполнения Первосвященнической молитвы, на наружной стороне храма, каждый отрок и отроковица одного племени будут представлены носящими на себе образки с изображением типов всех других племен в знамение примирения и любви к ним. <...> Это и есть этнографическая пятидесятница. По другую сторону дверей будет изображена лингвистическая пятидесятница: взрослые представители различных языков (народов) будут изображены каждый со свитком письма. <...> Словом, изображение должно согласоваться с наиболее принятой классификацией языков» (Федоров, Т. III: 437).

По характеру сем, эксплицируемых в описании наружной росписи, на которую Федоров возлагал функцию просвещения масс, можно судить о характере концепта, стоящего за конкретными языковыми единицами.

Семы наглядно-чувственного макрокомпонента значений регистрируют мыслительную картинку. Ядро лексической структуры описания составляет предметная лексика, распределенная по текстовым тематическим полям: элементы архитектуры (*фронтон, двери, арка, глава, наружная сторона, стены, архитектурный декор*); город (*фабрика, магазин, вывески изделий, шахта, фабричная труба, университеты, музеи, потухшая труба, закрытые магазины*); письменность (*книга, свиток, азбука*). В описании наружной росписи прилагательные с семантикой цвета, конкретизирующие значения существительных, употребляются преимущественно в прямом значении: *красные ноги (апостолов), голубое небо, книга в золотом окладе*.

Лексема *книга* играет ключевую роль в репрезентации авторского концепта «филологическая пятидесятница»: на это указывают многочисленные образные контексты, например:

«Книга в лучезарном сиянии на троне есть апофеоза просвещения. Голубь с масличною ветвью указывает на примиряющее сословия и народы просвещение в противоположность нынешнему образованию, вносящему вражду. Едина книга вместо многих, составляющих библиотеку, указывает на единомыслие и вместе и единодушие» (Федоров, Т. III: 728).

Концепт «новой пятидесятницы» включает в себя элементы «старого знания», представленные элементами христианского «текста культуры», который В. Н. Телия определила как «знаковое пространство, во временных рамках которого имеет (или имела) место культурно маркированная деятельность» [13: 15]. В федоровском описании это канонические изображения богословов: Иоанна, Григория, Феофила, Митрофана,

Иоанна Дамаскина («Это отцы нераздельной еще церкви»). Эти образы также являются «мотиваторами» переосмысления исходного концепта: от старой нераздельной церкви – к новому нераздельному человечеству, к пятидесятнице в федоровской картине мира.

Когнитивный анализ текстовой репрезентации концепта подтверждает мысль В. М. Лейчика о том, что

«термины рождаются и “кристаллизуются”, становятся относительно устойчивыми квантами когниции и информации о специальных концептах в процессе создания терминопорождающего текста» [8: 128].

На базе традиционного концепта христианской концептосферы возникает новый многомерный философский концепт *пятидесятница*, репрезентируемый при помощи когнитивной метафоры, фрейма и мыслительных картинок и обозначаемый тремя авторскими философскими терминами.

На связь концепта с библейской и мировой историей указывают элементы христианского культурного кода (сюжет о схождении Святого духа, Вавилон, ветхозаветный праздник Кушеч). Одной из первых предложила связывать концепт с культурой А. Вежбицка, подчеркнув, что концепт отражает именно культурно обусловленные представления человека о мире. Идея А. Вежбицкой была одобрена многими лингвистами, среди которых В. Н. Телия, предложившая дать концепту «культурно-национальную “прописку”» [12: 96].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование нового знания на базе религиозного концепта неразрывно связано с процессом терминотворчества. Мыслитель, вводящий в философию некоторую языковую единицу, одновременно предлагает свое, авторское, толкование нового концепта. Традиционно наличие у философского термина разных дефиниций считают проявлением терминологической многозначности, которая преодолевается в пределах конкретной терминосистемы (см.: [7]). Ю. В. Сложеникина считает, что в подобных случаях следует говорить о факте семантической, а именно дефинитивной вариантности:

«Связывать разные авторские дефиниции с выражением одного общего специального понятия позволяет их сигнификативное единство, общность терминируемого концепта» [11: 66].

Представляется, что в анализируемом случае сигнификативного единства понятий не наблюдается: термины принадлежат разным метаязыкам, и новый термин существует и может быть понят только в пределах авторской терминосистемы. Этот факт подтверждается и наблюдаемыми различиями в системных связях теологического

термина *Пятидесятница* и производного от него авторского философского термина. Особенность «Философии общего дела» состоит в одновременной лексической экспликации трех концептов: универсального христианского концепта *пяти-*

десятница, исторический слой которого отражается в Новом Завете, национально-культурного, православного (Святая Троица) и авторского: пятидесятница как объединение людей в общем деле воскрешения, в крестовом братстве и языке.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект 17-29-09049 офи_м «Словарь авторских философских терминов Н. Ф. Федорова»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Гачевой и С. Г. Семенов. М.: Прогресс, 1995 (I, II), 1997 (III), 2005 (IV). Цитирование осуществлено по электронной версии Собрания сочинений Н. Ф. Федорова на портале <http://nffedorov.ru/>. В круглых скобках после цитаты указаны фамилия, том и номер страницы.
- ² Соловьев В. С. Письмо Н. Ф. Федорову от 12 января 1882. Москва // Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. IV. М.: Evidentis, 2005. С. 600.
- ³ Sketch Engine (<https://the.sketchengine.co.uk>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
2. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология: Монография. Воронеж: ООО «Ритм», 2018. 229 с.
3. Барановский Д. В. Философия общего дела: активное христианство или русский космизм: к истории понятий в отечественной научной традиции XX в. // Научное наследие и развитие идей К. Э. Циолковского: Материалы 54-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Калуга, 17–19 сентября 2019 г. Калуга: Политоп, 2019. С. 127–130.
4. Бердяев Н. А. Религия воскрешения // Н. Ф. Федоров. Pro et Contra: К 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Н. Ф. Федорова. СПб.: РХГИ, 2004. С. 451–468.
5. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
6. Козловская Н. В. Авторский философский термин как объект лингвистического описания // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 2. С. 84–91.
7. Козловская Н. В. Русская философская терминология конца XIX – начала XX в.: Монография. СПб.: САГА, 2017. 188 с.
8. Лейчик В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: Новые проблемы познания: Сб. науч. трудов / Под ред. Л. А. Манерко. М.; Рязань, 2007. С. 121–133.
9. Манерко Л. А. Понятие «терминосистема» в современном терминоведении // Современные тенденции в лексикологии, терминологии и теории LSP (сборник научных трудов). М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 207–220.
10. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет, 2004. 166 с.
11. Сложеникина Ю. В. Классификации терминологических вариантов // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 4–5. С. 51–71.
12. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
13. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Под ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
14. Pamela Faber (Ed.). A cognitive linguistics view of terminology and specialized language. Series: Applications of cognitive linguistics. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton (Publisher), 2012. 307 p.
15. Teubert W., Cermakova A. Corpus linguistics: A short introduction. London: Athenaeum Press, 2008. 154 p.

Поступила в редакцию 30.04.2020

Natalia V. Kozlovskaya, Doctor of Philology, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
mnegolosbyl@gmail.com

THE MECHANISM OF RETHINKING RELIGIOUS CONCEPTS IN THE PHILOSOPHICAL TERM SYSTEM OF N. F. FEDOROV*

The article deals with the rethinking of the term “Pentecost” in Nikolai F. Fedorov’s philosophy interpreted in the context of modern cognitive terminology science. It has been shown that a theological term is a motivator of the semantic term formation. The importance and relevance of the research is determined by the need to describe the mechanism

of rethinking the terms used for the verbalization of religious concepts, which was one of the main tools of a Russian cosmist philosopher Nikolai F. Fedorov. In this study, the methods of cognitive analysis were for the first time applied to Fedorov's transterminologization. In a philosophical text, the information that undergoes special cognitive processing is verbalized: the elements of the initial frame are replaced with the new ones. Thus, the dove ("a symbol of love and harmony") is transformed into the image of the "daughter of a man" which embodies the "replacement of death with resurrection", while the "tongues of fire" are substituted by the "regulator or lightning conductor". The interaction between different frame structures generates a cognitive metaphor of the "Pentecost as connection". A new notion (Pentecost as the connection of people for the common cause of resurrection) transforms the semantic continuum of Christian sphere of concepts through creating a new kind of knowledge about God and a human and through forming a new ritual. The "metaphorical symbol" comprises a great number of semes based on associative criteria, which gives the author an opportunity to fill the notion "Pentecost" with heterogeneous and multifaceted semantic constituents: regulation, denunciation of discord, full age, "new Babylons" (new civilizations), the substitution of birth with resurrection, etc. Based on metaphorical rethinking, the authorial term "Pentecost" is included by its author into the next stage of term formation in philosophy which uses the syntactic method as a key mechanism. Fedorov's *Philosophy of the Common Cause* is characterized by a distinctive feature which lies in simultaneous lexical explication of three concepts: the universal Christian concept of Pentecost, with its historical layer being represented in the New Testament; the national-cultural Orthodox concept (the Holy Trinity); and the authorial concept of Pentecost seen as the connection of people for the common cause of resurrection, in the brotherhood of the cross and in language. Besides the traditional methods of contextual and concept analysis, the methods of corpus linguistics were employed for the research. The subcorpus of Fedorov's collected works and the text analysis software tools of the Sketch Engine corpus manager were used for building the concordance. Thesaurus corpus engine revealed the simultaneous functioning of two semantic complexes within the text: Pentecost as an Orthodox Christian festival and as the universal Resurrection.

Keywords: philosophical term system, semantic term formation, syntactic term formation, transterminologization, cognitive term study, dynamic frame, mental picture, authorial philosophical term

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 17-29-09049 "Dictionary of N. Fedorov's authorial philosophical terms".

Cite this article as: Kozlovskaya N. V. The mechanism of rethinking religious concepts in the philosophical term system of N. F. Fedorov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 17–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.534

REFERENCES

1. Babushkin A. P. Types of concepts in the lexical and phraseological system of the language. Voronezh, 1996. 104 p. (In Russ.)
2. Babushkin A. P., Sternin I. A. Cognitive linguistics and semasiology. 2018. 229 p. (In Russ.)
3. Baranovskiy D. V. Philosophy of common cause: active Christianity or Russian cosmism: to the history of concepts in Russian scientific history XXs cent. *Scholarly heritage and development of ideas of K. E. Tsiolkovskiy: Proceedings of the 54th Scientific Readings in memory of K. E. Tsiolkovsky. Kaluga, September 17–19, 2019*. Kaluga, 2019. P. 127–130. (In Russ.)
4. Berdyaev N. A. The religion of the resurrection. *N. F. Fedorov. Pro et Contra: Commemorating the 175th birth anniversary and the 100th death anniversary of N. F. Fedorov*. St. Petersburg, 2004. P. 451–468. (In Russ.)
5. Golovanova E. I. Introduction to cognitive terminology science. Moscow, 2011. 224 p. (In Russ.)
6. Kozlovskaya N. V. Authorial philosophical term as an object of linguistic description. *Vestnik of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2018. No 2. P. 84–91. (In Russ.)
7. Kozlovskaya N. V. Russian philosophical terminology of the late XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2017. 188 p. (In Russ.)
8. Leychik V. M. Cognitive terminology science – the fifth stage of the development of terminology science as a leading scientific discipline at the turn of the XXI century. *Cognitive linguistics: New problems of cognition. Collection of research papers*. (L. A. Manerko, Ed.). Moscow, Ryazan, 2007. P. 121–133. (In Russ.)
9. Manerko L. A. "Term system" concept in modern terminology science. *Modern trends in lexicology, terminology and LSP theory (collection of research papers)*. Moscow, 2009. P. 207–220. (In Russ.)
10. Sklyarevskaya G. N. Metaphor in the language system. St. Petersburg, 2004. 166 p. (In Russ.)
11. Slozhenikina Yu. V. The classifications of terminological variation. *Language. Philology. Culture*. 2015. No 4–5. P. 51–71. (In Russ.)
12. Teliya V. N. Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.)
13. Teliya V. N. Priority tasks and methodological problems of studying the phraseological structure of language in the context of culture. *Phraseology in the context of culture* (V. N. Teliya, Ed.). Moscow, 1999. P. 13–24. (In Russ.)
14. Pamela Faber (Ed.). A cognitive linguistics view of terminology and specialized language. Series: Applications of cognitive linguistics. Berlin, Boston, 2012. 307 p.
15. Teubert W., Cermakova A. Corpus linguistics: A short introduction. London, 2008. 154 p.

Received: 30 April, 2020

ГУЗАЛИЯ САЙФУЛЛОВНА ХАЗИЕВА

доктор филологических наук, доцент кафедры этнохудожественного творчества и музыкального образования Высшей школы искусств
Казанский государственный институт культуры (Казань, Российская Федерация)
guzhaz@mail.ru

АГИОНИМ АЙШЕ-ФАТИМА В ТРАДИЦИЯХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Представлен один из известных персонажей мусульманского мира в общетюркской мифологии – Айше-Фатима. Несмотря на общемусульманское происхождение персонажа, татары почитают ее как свою местную святую. Она считается покровительницей женщин, больных. В статье исследуется агионим Айше-Фатима в татарских традициях, а также выявляются параллели его использования в других тюркских языках. На основе изучения фольклорно-этнографических материалов выделены несколько локальных вариантов агионима Айше-Фатима: Гайшэ-Фатима кулы (досл. ‘рука Гайши-Фатимы’), Гайшэ-Фатима име (досл. ‘лечебное средство Гайши-Фатимы’), Гайшэ-Фатима теле, заговор Гайши-Фатимы (досл. ‘язык Гайши-Фатимы’), Айшэ-Батман сулышы (досл. ‘вдох Гайши-Фатимы’). В татарскую культуру данные персонажи и их локальные варианты пришли с исламом. Айше – имя жены пророка Мухаммеда, а Фатима – имя его дочери. Этнолингвистическая реконструкция языковых фактов производится на основе изучения текстов заговорной традиции. Анализ текстов позволил установить важнейший символ – это рука Айше-Фатимы, которой приписываются магические, целебные свойства. В статье выделены и проанализированы локативные и темпоральные характеристики агионима Айше-Фатима. Установлены две линии бытования: с одной стороны, агионим Айше-Фатима живет в языке как прецедентное имя; с другой стороны, в изученных нами текстах агионим имеет специфические черты в локальных вариантах культуры татар внутри их этнокультурного пространства. Выявлены параллели агионима Айше-Фатима в других тюркских языках.

Ключевые слова: локальные культурные традиции, тюркские параллели, этнолингвистическая реконструкция, агионим, Айше-Фатима

Для цитирования: Хазиева Г. С. Агионим Айше-Фатима в традициях тюркских народов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 25–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.535

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье вниманию читателя представлено исследование, посвященное этнолингвистической реконструкции агионима Айше-Фатима в локальных вариантах культуры татар на материале текстов заговоров и заклинаний. Фактологической базой послужили полевые записи автора, сделанные в фольклорно-диалектологических экспедициях по Республике Татарстан и другим регионам Российской Федерации, где проживают татары, а также материалы серии «Сокровищница научных экспедиций», опубликованные в Институте языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ¹.

В Словаре русской ономастической терминологии² Н. В. Подольская приводит следующее определение агионима: «агионим – имя святого». Будучи особым разрядом теонимии, агионим понимается как слово или словосочетание, служащее для именования лиц или объектов, в которых под-

черкивается святость. В культе Айше-Фатимы также подчеркивается святость. Локальный материал текстов заговоров и заклинаний показывает, что агионим Айше-Фатима является ведущим, стержневым по степени распространенности, активности бытования в традициях татар, и в том числе в тюркском контексте. Этнолингвистическая реконструкция позволит, во-первых, на конкретном примере показать внутреннюю связь и семантические параллели этого агионима в разных локальных вариантах, во-вторых, определить семантические параллели мифологических систем родственных тюркских традиций, в-третьих, выявить особенности культа Айше-Фатимы в локальных вариантах культуры татар.

Начало изучения агионимов в татарских заговорах и заклинаниях относится к XIX веку. В работах К. Насыри [8], И. Софийского³ собраны, систематизированы и изучены теонимы в сравнительно-сопоставительном плане, рассматривается

их специфика у разных тюркских народов. В татарском языкознании XX века агнионимы упоминаются и в текстах заговоров и заклинаний, найденных в татарских рукописях XVIII–XIX веков, которые были изучены М. И. Ахметзяновым [1], М. Х. Бакировым [2] и др. В данных работах затрагиваются принципиально важные вопросы теонимии, которые могут стать подспорьем для дальнейшего изучения агнионимов в ономастологическом аспекте. Современные изыскания в области изучения агнионимов представлены в работах Р. Р. Исхакова [4], Л. Р. Гильмутдиновой⁴, в которых рассматриваются ранние формы религиозно-мифологических представлений и обрядности татар Волго-Уральского региона, связанных с лечебной магией. На этнолингвистическом материале показаны мифологические образы и связанные с ними архаичные культы. Также следует отметить, что в современном тюркском языкознании данному вопросу посвящены труды, созданные на материале башкирского [7: 166–169] и азербайджанского языков [9].

В целом можно констатировать, что на сегодняшний день накоплен значительный объем фольклорно-этнографических текстов заговоров и заклинаний на татарском языке, который относится к описанию данного агнионима. Этот арсенал создает надежную основу для анализа его этнолингвистической специфики. Но, несмотря на довольно обширную литературу и наличие отдельных изысканий в тюркологии, не представлены все возможные аспекты исследования агнионима Айше-Фатима, в частности его представление в других тюркских языках. Поэтому данное исследование призвано восполнить этот пробел.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В татарской традиционной культуре Айше-Фатима известна как целительница от разных болезней, недугов, ее имя используется в заговорах и заклинаниях при лечении болезней, в повивальных обрядах. В заговорах и заклинаниях с образом Айше-Фатимы связываются влияние на окружающий мир, вызов желательного явления, обращение к религиозным мотивам. В татарском языке имя Айше-Фатимы представлено нарицательным глаголом «эйшэләү» (досл. ‘заговаривать на что-либо’)⁵.

Образ Айше-Фатимы занимает очень важное место в тюрко-исламской культуре. Айше – жена Мухаммеда, в исламской теологии именуется почетным титулом «Мать верующих».

Она толкователь Корана и шариата, свидетель последних лет жизни Мухаммеда, ставшая одним из достоверных передатчиков хадисов. Фатима – дочь Мухаммеда и Хадиджи, жена Али Аби Талиба, мать Хасана и ал-Хусайна, один из наиболее почитаемых женских образов в мусульманском мире⁶.

Образ Айше-Фатимы стал олицетворением легендарной личности, вокруг него сформировался особый культ. Согласно распространенному мнению, Айше-Фатима владела женским знахарским искусством, в первую очередь связанным с областью акушерства.

Вера в то, что Айше-Фатима является покровительницей женщин, восходит к древнетюркским традициям, из которых соответствующие воззрения перешли в исламскую культуру. В тюркских культурах функции Айше-Фатимы сближаются с функциями богини Умай. Как известно, у древних тюрков было женское божество, покровительствующее, охраняющее и защищающее женщин и детей, – Умай-ана⁷. Умай в мифологии древних тюрков – богиня, олицетворяющая женское, земное начало и плодородие. Она связывалась с деторождением, покровительствовала новорожденным и воинам, олицетворяла собой силу жизни [3: 24]. С приходом ислама Умай начинает забываться. Возможно, в этот период и появляется культ Айше-Фатимы, которая позже объединила в себе функции как древней богини тюрков, так и мусульманских святынь женщин, почитаемых в исламе.

Во многих мусульманских странах древний оберег – изображение ладони – получил название «рука Айше-Фатимы». С именем Айше-Фатимы связывается представление о магических целебных свойствах [7: 253]. Поэтому повитухи похлопывали по спине рожениц, говоря: «Это не моя рука, а рука Айше-Фатимы». При лечении различных заболеваний также говорили, что «рука это не моя рука, а рука нашей матери Фатимы». В татарской народной традиции рука Айше-Фатимы также имеет важную роль:

«Им булсын, минем кулым түгел, Әйшә-Фатыйма куллар дип такмаклап-такмаклап сабан баланы мунсада. Япырак белән сапканда бис искә төшеп тора вы. Тәүпиклы бала картнәсен дә картатасын да тыңлаусан була. Минем кулым түгел, Әйшә-Фатыйма кулы (Заговариваю, не моя рука, рука Айши-Фатимы, мою ребенка в бане. Парю ребенка веником, вспоминаю эти слова. Будь разумным для бабушки, для дедушки, будь послушным. Не моя рука, рука Айши-Фатмы. (Перевод мой. – Г. Х.)).

В локальных вариантах культуры татар в заговорах повитух, знахарок широко распространено выражение «рука Айши-Фатимы», «рука Аша-Батман» и др.

Минем кулым түгел
 Әйшә Батыма кулы
 Йакшыларның кулы
 Минем кулым түгел,
 Фатыйма белән Гайшәнең кул аягы,
 Йабышкан кулымның сихәте килеп,
 Изгеләрнең, әүлийәләрнең хәер-догаларында.
 Өшкөргән тынымның шифасын тисен,
 Бу бала сихәтләнсен.

Не моя рука
 Рука Айше Батмы
 Не рука – духов
 Не моя рука,
 Нога и рука Фатимы и Айши,
 Если польза будет от моей руки,
 От молитв духов, святых.
 Пусть излечит вдох моих молитв,
 Пусть ребенок излечится.

В локальных вариантах народной медицины татар имя Айше-Фатимы используется при лечении следующих болезней и недугов:

1. Лечение сглаза:

Ак күз, кара күз
 Белгән күз, белмәгән күз
 Зәңгәр күз, коныр күз, усал күз
 Чыксын да китсен,
 Бала өстендә тормасын
 Мин эшкәрмим
 Аша Батман карчыгы килгән
 Шал эшкерә, шал чыга.
 Белый глаз, черный глаз
 Знающий глаз, не знающий глаз
 Голубой глаз, карий глаз, злые глаза
 Пусть выйдет и уйдет,
 Не стоит над ребенком
 Я не заговариваю
 Пришла старуха Айше-Батман
 Она заговаривает, она пришла.

2. Лечение болячек:

Нәрсә булган? – Очан булган
 Нәрсә имнисен? – Очан имним
 Жиде – жилгә кузгалсын
 Биш – бизеп китсен
 Өч – очып китсен
 Бер – Берлексез булсын
 Минем кулым түгел, Гайшә-Батман кулы,
 бетсен-китсен, дип имнисен, тфү-тфү, дип.

Что случилось? – Болячка вышла
 Что заговариваешь? – Болячку заговариваю,
 Семь – пусть идет к ветру
 Пять – пусть пройдет
 Три – пусть улетит
 Один – пусть ничего не оставляет,
 Не моя рука, рука Айше-Фатимы,
 пусть пройдет, уйдет, заговариваешь.

3. Лечение красных прыщиков:

Нәстә имлисен? Менә канчау канчаулыым, Кайан
 килдең – шунда кит, Бүре күзенә бассан – бүрегә

кит, Кочок эзенә бассан – кочокка кит, Сихергә
 эләксен – сихерчегә кит, Бозыкка эләксен – бо-
 зучыга кит, Кем бозган – шуңа китсен. Минем
 кулым түгел, Әйшә-Фатыйма кулы.

На что заговариваешь? Вот лечу прыщи. Отку-
 да пришел – иди туда. Если наступишь на глаза
 волка – иди к волку, наступишь на следы соба-
 ки – иди к собаке, попадешься к колдовству – иди
 к колдунье, попадешься к порче – иди к колду-
 нье, кто навела порчу – иди туда. Не моя рука,
 это рука Айше-Фатимы.

4. Лечение водянки:

Су кизләү башы (чишмә башы) бик тотә диләр.
 Жатып су эчәсен бит кырда эшлэгәндә. Үләм
 (үләм) утам салабыз, кийеменнән жен алып сала.
 «Мин эчмәгән, Аша Батман карчык эчкән», дип.

Начало родника, говорят, удерживает. Лежа пьешь
 воду из родника, когда работаешь в поле. Все вы-
 брасываем, собираем, чтобы дьявол не тронул.
 «Я не пила, выпила Айше Фатима».

5. Заговор от испуга:

Әй, йөрәк, кайт, йөрәк,
 Ай кайтты, син дә кайт,
 Көн кайтты, син дә кайт!
 Куй башыдай көмеш йөрәк,
 Имләмәсәм – миңа язык,
 Им булмаса – сиңа язык.
 Минем кулым тугел,
 Гайшә-Фатыйма апалар кулы

Эй, сердце, возвращайся, сердце.
 Луна пришла, и ты приезжай,
 День пришел, ты приезжай!
 Серебряное сердце головой барана,
 Если я не заговариваю – мне плохо,
 Если нет заговора – тебе плохо.
 Не моя рука,
 Рука тети Айше-Фатимы.

Сибирскими татарами был зафиксирован об-
 раз Айше-Фатимы, имеющий отношение к сбору
 ягод и грибов [7: 45].

В первый банный день для новорожденного
 повитухи также прибегали к благопожеланиям,
 где использовался культ рук Айше-Фатимы, про-
 сили счастья:

Аю баласын чабам,
 Бүре баласын чабам.
 Аю кебек симез бул,
 Бүре кебек житез бул.
 Көндөз уйна, кич йокла,
 Бәхетле бул,
 тәүфыйклы бул.
 Әйшә-Батман куллары, –
 Име-йомы шул булсын, –
 дип, бәхет сорап чапканнар баланы.

Парю медвежонка,
 Парю волчонка,

Будь полным, как медвежонок,
Будь быстрым, как волчонок,
Днем играй,
Вечером спи,
Будь счастливым,
Будь благочестивым.
Руки Айше-Фатима
Заговаривают.

В тюркском контексте широко распространён культ Айше-Фатимы. В башкирской мифологии Гэйшә-Батима, Әйшә-Батман считается покровительницей детей, женщин, больных. В башкирских магических обрядах, заговорах, благопожеланиях Гэйшә-Фатима встречается в следующих словосочетаниях: Гэйшә-Фатима кулы (досл. 'рука Гайши-Фатимы'), Гэйшә-Фатима име (досл. 'лечебное средство Гайши-Фатимы'), Гэйшә-Фатима теле, заговор Гайши-Фатимы (досл. 'язык Гайши-Фатимы'). Например, башкиры в обряде *первая баня младенца* с целью наделения младенца счастьем, здоровьем, долголетием, а также защиты его от нечистых сил произносили заговор, в котором упоминается имя Гайше-Фатимы [7].

Подытоживая, можно сказать, что в народном сознании татар Айше-Фатима выполняет несколько функций. Во-первых, является покровительницей всех женщин, во-вторых, выполняет функцию посредника между человеком и Аллахом. В третьих, участвует в исцелении от болезней, порчи, сглаза и др. В-четвертых,

в функциональные обязанности Айше-Фатимы входят защита и сохранение потомства людей от невзгод и несчастий, обеспечение удачей, счастьем всех просящих. Кроме того, татары обращаются к данному культу для получения хорошего урожая, благополучия в доме, здоровья и т. д.

ВЫВОДЫ

Итак, наше исследование показало, что в общетюркском контексте агионим Айше-Фатима занимает особое место. В народных представлениях татар персонаж Айше-Фатима тесно связан с кораническими сюжетами. Данный персонаж представляет собой синтез различных напластований, относящихся к разным этнокультурным традициям. Фольклорные традиции татар переплетаются в нем с мусульманскими элементами. В заговорах и заклинаниях татар агионим Айше-Фатима преимущественно является именованьем покровительницы женщин, к ней обращаются за помощью в самых безвыходных ситуациях. Каждая тюркская культура воплощает свой колорит и представляет в традиционных текстах типы образа, наиболее близкие к своим локальным вариантам. В заговорах и заклинаниях агионим Айше-Фатима подвергнут трансформации, он утратил первоначальную мифологичность, сакральность, архаичность, начинает восприниматься в народном сознании в качестве покровителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Милли-мәдәни мирасыбыз: Актаныш. Казан, 2010. 415 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Апас. Казан, 2011. 422 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Мари Эль татарлары. Бәрәңге. Казан, 2012. 376 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары. Казан, 2015. 460 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Түбән Новгород. Казан; Түбән Новгород; Мәскәү: «Мәдинә» нәшрият йорты, 2011. 400 б.; Башкорт татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр. Уфа: Китап, 2018. 334 б.
- ² Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. С. 119.
- ³ Софийский И. Заговоры и заклинания крещеных татар Казанского края (лекция в Казанском миссионерском приюте) // Отдельный оттиск из Известий по Казанской епархии за 1878 г. Казань, 1878. № 2.
- ⁴ Гильмутдинова Л. Р. Лексика заговоров и заклинаний в татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 24 с.
- ⁵ Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленәң этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л). Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. Б. 129.
- ⁶ Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 315.
- ⁷ Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008. С. 1147.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А х м е т з я н о в М. И. Тексты татарских языковых заклинаний // Формирование татарского литературного языка. Казань. 1989. С. 51–61.
2. Б а к и р о в М. Татарский фольклор. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. 408 с.
3. Д а в л е т ш и н Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 431 с.
4. И с х а к о в Р. Р. Народные способы лечения и гадания у татар-кряшен Волго-Уральского региона (вторая половина XIX – начало XX в.). Семантика мифологических образов и магическая практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 101–104.

5. Мухаметзянова Л. Х. Татарский эпос «Идегей»: Эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 3. С. 537–550.
6. Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 211 с.
7. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. 400 с.
8. Насыри К. Сайланма әсәрләр. Ырымнар һәм им-томнар. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 318 б.
9. Qarayeva A. V. Azərbaycan Dilində Dini və Mifoloji leksika. Filologiya üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın aftoreferatı. Baku, 2017. 32 s.

Поступила в редакцию 30.01.2020

Guzaliya S. Khazieva, Doctor of Philology, Kazan State Institute of Culture
(Kazan, Russian Federation)
guzhaz@mail.ru

AYSHE-FATIMA AGIONYM IN THE TRADITIONS OF THE TURKIC PEOPLES

The article presents one of the famous characters of the Muslim world in Turkic mythology – the character of Ayshe-Fatima. However, despite the general Muslim origin of the character, the Tatars venerate her as their local saint, considered to be the patroness of sick women. The article explores the Ayshe-Fatima agionym in Tatar traditions and identifies the parallels of its use in other Turkic languages. Through the study of folklore and ethnographic materials the following local variants of the Ayshe-Fatima agionym were identified: Gaishə-Fatima kuly (literally ‘the hand of Gaishe-Fatima’), Gaishə-Fatima ime (literally ‘the remedy of Gaishe-Fatima’), Gaishə-Fatima tele or the spell of Gaishe-Fatima (literally ‘the language of Gaishe-Fatima’), Ayshə-Batman sulishy (literally ‘the sigh of Gaishe-Fatima’). These characters and their local variants were brought to Tatar culture together with Islam. Ayshe is the name of the wife of the Prophet Muhammad, and Fatima is the name of his daughter. The ethnolinguistic reconstruction of the linguistic facts was based on the study of the texts of traditional spells. The analysis of the texts revealed the most important symbol – the hand of Ayshe-Fatima, attributed with magic healing powers. The article identifies and analyzes local and temporal characteristics of Ayshe-Fatima agionym. Two lines of its existence were established: on the one hand, Ayshe-Fatima agionym lives in the language as a precedent name; on the other hand, in the studied texts the agionym is most closely comparable to the local variants of the Tatars’ culture within their own ethnocultural space. The research also revealed the parallels with Ayshe-Fatima agionym in other Turkic languages.

Keywords: local cultural traditions, Turkic parallels, ethnolinguistic reconstruction, agionym, Ayshe-Fatima

Cite this article as: Khazieva G. S. Agionym Ayshe-Fatima in the traditions of the Turkic peoples. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 25–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.535

REFERENCES

1. Akhmetzyanov M. I. Texts of Tatar language spells. *Formation of the Tatar literary language*. Kazan, 1989. P. 51–61. (In Russ.)
2. Bakirov M. Tatar folklore. Kazan, 2018. 408 p. (In Russ.)
3. Davletshin G. Essays on the history of spiritual culture of the ancestors of the Tatar people. Kazan, 2004. 431 p. (In Russ.)
4. Iskhakov R. R. Folk methods of treatment and fortune-telling among the Kryashen Tatars of the Volga-Ural region (the second half of the XIX – the beginning of the XX century). Semantics of mythological images and magic practice. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. 2015. No 12-2 (62). P. 101–104. (In Russ.)
5. Mukhametzyanova L. H. The Tatar epic “Edigü”: An echo through the centuries. *Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6. No. 3. P. 537–550. (In Russ.)
6. Seleznev A. G., Selezneva I. A., Belich I. V. The cult of saints in Siberian Islam: specificity of the universal. Moscow, 2009. 216 p. (In Russ.)
7. Khisamitdinova F. G. Mythological vocabulary of the Bashkir language (from the ethnolinguistic perspective). Ufa, 2016. 400 p. (In Russ.)
8. Насыри К. Сайланма әсәрләр. Ырымнар һәм им-томнар. Т. 2. Казан, 1975. 318 б.
9. Qarayeva A. V. Azərbaycan Dilində Dini və Mifoloji leksika. Filologiya üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın aftoreferatı. Baku, 2017. 32 s.

Received: 30 January, 2020

АНГЕЛИНА МИХАЙЛОВНА ДУНДУКОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
gelya@onego.ru

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СЕМЕНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olsemenova@bk.ru

**ПРИЧАСТИЯ В «ИЗБРАННЫХ СКАЗКАХ Ф. Н. СВИНЬИНА»
(к вопросу об идиолекте в фольклорном тексте)***

Статья продолжает и дополняет исследование языковых особенностей «Избранных сказок» Ф. Н. Свиньина, впервые вышедших в свет в 2016 году и поэтому еще практически не изученных. В работе анализируется влияние «книжной» традиции на формирование идиолекта поморского сказителя, причем впервые предметом изучения становятся причастные формы, активно употребляемые Свиньиным, но в целом не характерные для текстов устного народного творчества и поэтому не освещенные в работах лингвофольклористов. Представлен богатый языковой материал, в том числе случаи субстантивации и адъективации причастий, а также включения их в состав фразеологических оборотов. Доказывается, что неповторимый авторский почерк носителя богатейшей сказочной традиции формируется в результате объединения в произведениях фольклорного канонического материала и книжных источников. Материалы исследования показывают, что сказки Ф. Н. Свиньина можно рассматривать как пример перехода от фольклорной сказки к сказке литературной, что проявляется не только на уровне поэтики, но и на языковом – грамматическом – уровне.

Ключевые слова: Беломорье, Ф. Н. Свиньин, беломорские сказки, причастие, идиолект

Для цитирования: Дундукова А. М., Семенова О. В. Причастия в «Избранных сказках Ф. Н. Свиньина» (к вопросу об идиолекте в фольклорном тексте) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.536

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящей работы обусловлена уникальностью использования причастных форм в сказках Ф. Н. Свиньина. Причастия как принадлежность исключительно книжной речи практически не встречаются в языке устного народного творчества, поэтому специальные работы, посвященные функционированию причастий в фольклорном тексте, отсутствуют. Этот факт определяет также новизну исследования.

Целью работы являются анализ одной из грамматических особенностей языка сказок Ф. Н. Свиньина – употребления в них причастных форм – и доказательство того, что тексты этого сказителя испытывают влияние художественной литературы не только на поэтическом, но и на собственно языковом – грамматическом уровне.

Традиционные подходы к анализу фольклорного текста, такие как работа со всем корпусом

устнопозитических текстов (выявление общих особенностей и закономерностей развития языка народных произведений) или анализ текстов какого-то одного определенного фольклорного жанра (выявление его формально-языковой специфики, типологически сходных признаков с другими жанрами УНТ, разграничение вариантного и инвариантного как внутри жанра, так и между жанрами) [13], не всегда позволяют исследователю добиться поставленной цели. Иногда более продуктивным становится изучение языка определенного исполнителя фольклорных текстов, анализ индивидуальной сказительской манеры – идиолекта. Такое исследование, являясь элементом актуального и перспективного направления современного языкознания – антропологической лингвистики, представляется очень важным для изучения как традиционной народной культуры в целом, так и языка фольклора в частности, о чем свидетельствует растущее

число научных работ, посвященных проблеме идиолекта в произведениях устного народного творчества¹.

Язык сказок Федора Николаевича Свиньина – помора, жителя села Сумский Посад Беломорского (ранее Сорокского) района Карелии – почти не изучен: тексты, записанные от этого сказителя в 30–40-е годы XX века, впервые частично (13 из 60 сказок) были изданы лишь в 2016 году². Его сказки, биография, творческое наследие изучались лишь учеными-фольклористами [9]. М. К. Азадовский называл Свиньина не только сказочником-книжником, но и сказочником-сочинителем, мастерски объединившим в своем наследии фольклорный канонический материал и книжные источники [8]. Действительно, книжная традиция оказала на Федора Николаевича значительное влияние. Несмотря на то что в репертуаре Свиньина, который начал сказительство уже в детстве, большую часть составляют тексты, известные ему из устной передачи, хорошая память и множество прочитанных книг не могли не отразиться на поэтике и особенностях языка записанных от Федора Николаевича сказок. Мы уже писали о такой явно «книжной» черте идиолекта Свиньина, как обилие вставных и ремарочных конструкций [4], а также об онимах, отсылающих к литературной традиции [12]. Другой, также носящей «книжный» характер, грамматической особенностью текстов, записанных от этого сказителя, является использование причастий.

О том, что причастия чужды разговорной речи, пишет Л. А. Булаховский [2: 234]. Об этом говорит и автор «Стилистики русского языка» И. Б. Голуб: «“Книжность” причастий объясняется их историей: они восходят к старославянскому языку и поэтому издавна были принадлежностью письменной речи» [3: 322].

В современном языке стилистическая маркированность причастий сохраняется, исключением можно считать краткие страдательные причастия прошедшего времени, которые активно используются в бытовой речи.

Нам известны лишь единичные работы, в которых исследователи языка русского устного народного творчества (в отличие от исследователей языка художественной литературы – см., например, монографию Н. В. Патроевой [11: 31–54]) обращали свое внимание на причастные формы в фольклорных текстах, однако изучался в основном язык былин. При этом было отмечено,

что причастные образования в эпических песнях используются относительно редко³, несмотря на то что жанр былин – жанр поэтический, а следовательно, имеющий строго заданную каноническую форму – несколько ближе по языку к книжной речи. Жанр же народной сказки, язык которой прозаичен, а поэтому более свободен, менее выработан, чем в поэзии, «более совершенной и связанной традицией» [5: 17], более близок народно-бытовой обиходной речи, должен быть еще менее насыщен причастиями, чем язык былин. И это действительно так: например, в 143 волшебных сказках сборника А. Н. Афанасьева зафиксировано 3 598 предикатов, распространенных обстоятельствами места и времени, и лишь в 32 случаях сказуемые выражены краткими причастиями⁴ [15: 70, 73].

В сказках Ф. Н. Свиньина употребление причастных форм – явление довольно частое: в 13 текстах исследуемого сборника зафиксировано 176 причастных форм. В большинстве своем (133 словоупотребления) это, как и следовало ожидать, краткие причастия, выполняющие предикативную функцию и согласованные с подлежащим. Это страдательные формы прошедшего времени с суффиксами -Н- и -Т- (117 и 15 словоформ соответственно), с зависимыми компонентами и без них. Чаще всего (96 случаев) такие причастные формы используются со связкой «быть»:

От собора к моему дворцу чтобы был проведен такой же мост, как до государя, и от моего дворца к государю такой же (Мертвое кольцо, 29); Платье тоже все было забрызгано от неприятельской крови (Золотой заяц, 72) и пр.

Краткие причастия-предикаты без связки в сказках Ф. Н. Свиньина, как и в современном русском литературном языке, часто имеют перфектное значение, обозначая результат прошедшего действия, актуальный в настоящем:

Еще я хочу рассказать тайну: я околдован этим врагом, с которым ты будешь воевать (Золотой заяц, 72); Утром проснулся Наплав-молодец, он увидел, что у него отрублены руки и ноги (Наплав-молодец, 92) и пр.

Частью составного именного сказуемого в одном из примеров является также краткое страдательное причастие настоящего времени со связкой «быть»: <Витязи повиновались Ивану и исполняли его приказы> *Чтобы были любимы всем семейством с этим государством, с которым заключена дружба и братство (Иван – медвежье ушко, 130).*

Однако в «Избранных сказках Ф. Н. Свиньиной» встречаются не только краткие причастные формы. Полные причастия выполняют в этих текстах разные синтаксические функции. В роли предиката (части составного именного сказуемого) в текстах сборника выступают причастия страдательного залога прошедшего времени с суффиксами -НН- и -Т-, действительного залога прошедшего времени с суффиксом -ВШ- и действительного залога настоящего времени с суффиксом -ЮЩ-, как со связкой, так и без нее:

Приготовь, чтобы через два дня весь зал был установленной столами и покрыт персидскими скатертями чудесной работы (Мертвое кольцо, 33); *А этот любовник, наклонив чуть не до пояса голову, печальный и уничтоженный в своем оскорблении* (Мертвое кольцо, 47); *Ты, государь, омманутый своей дочерью и осудивший меня безвинно* (Мертвое кольцо, 48); *Иван-царевич был, наоборот: был красив, поражающий красотой своей* (Золотой заяц, 51)

– 6 случаев.

Еще три причастия в «Избранных сказках Ф. Н. Свиньиной» (формы страдательного залога настоящего и прошедшего времени и действительного залога настоящего времени) являются, по терминологии Г. А. Золотовой, «свободными синтаксемами» [6: 4–5], получившими в контексте предикативный статус: *Пусть бумага будет у его груди с надписью: «Обольщенный своей любовницей и любящий ю и опозоривший отца и мужа этой люблвицы»* (Мертвое кольцо, 48). Объявление на груди осужденного на всеобщее порицание любовника функционально близко заголовкам, драматургическим ремаркам и экспозиционным предложениям текста.

Определениями в текстах сборника являются 34 причастные формы. В этой функции чаще всего выступают страдательные причастия прошедшего времени с суффиксами -НН- и -Т- (14 и 3 словоформы соответственно). Такие определения, кроме одного случая, расположены постпозитивно и чаще всего (13 из 16) распространены:

Иван-царевич остановил своего скакуна, так как поле было сражения чисто, вынял шелковый платок, подаренный царевной (Золотой заяц, 71); *Когда мы улетели надолго, он нашел винного валеа, зарытого в назьме⁵, сел на корабль и уехал* (Винный валет, 108).

В одном из примеров в причастный оборот включена архаическая древнерусская форма творительного падежа множественного числа существительного «стол»: *Они зашли в гостиную, накрытую столы еды* (Царевна Светлана, 151). В 10 случаях в роли определений выступают действительные причастия прошедшего времени,

причем всегда постпозитивно и с зависимыми словами:

Тетенька, выслушай нас, твоего брата и зятя, осиротевшего от вашей племянницы, я прошу у вас вашей племянницы руки, соединиться на вечные узы (Мертвое кольцо, 50); *В этом полку, в котором выпала доля-счастьё стречи вора, находился один солдат, еще недавно поступивший на службу* (Золотой заяц, 57).

В одном случае при препозитивном расположении определения относительно главного слова форма действительного причастия прошедшего времени употреблена вместо формы страдательного причастия прошедшего времени: *Дочь стояла с гордо и высоко поднявшею головой, смотрела надменно* (Мертвое кольцо, 47).

Действительные причастия настоящего времени в роли определений выступают в 6 примерах, они употребляются и препозитивно (3 случая), и постпозитивно, в основном с зависимыми словами:

Кошка и собака смотрели пожирающими глазами на это кольцо (Мертвое кольцо, 45); *Мы люди странствующие из далекой страны* (Золотой заяц, 61); *Когда Наплав-молодец дорогой шел, он увидел идушего странника навстречу ему* (Наплав-молодец, 94).

Один раз функцию определения выполняет страдательное причастие настоящего времени, стоящее в постпозиции и имеющее зависимые слова: *Слуги выняли из коляски, и он <Василий> пошел, сопровождаемый своими слугами, в собор* (Мертвое кольцо, 33).

Помимо собственно причастий, в «Избранных сказках Ф. Н. Свиньиной» встречаются также субстантивированные и адъективированные причастия, а также причастия, входящие в состав фразеологических оборотов или их элементов. Субстантивация и адъективация причастий – процессы, зафиксированные еще в произведениях древнерусской письменности, когда нормы литературной речи только формировались. Несмотря на то что в современном русском языке субстантиваты и адъективаты функционируют в разных стилях, происхождение этих слов носит явно книжный характер. В исследуемых текстах достаточно много таких лексем, их употребление носит вполне традиционный характер. К субстантиватам (7) относятся, например, такие слова, как «служашие», «управляющий», «возлюбленный», «приближенные», «погибший», «содержимое» и пр., причем большая часть существительных встречается в тексте одной и той же сказки:

<...> из солдат и служаших никто этих тропинок не знал (Золотой заяц, 58); *Управляющий взял этого солдата и увел на конюшню* (Золотой заяц, 63); *В это время*

царевна пошла задним ходом предупредить своего возлюбленного о грозящей их опасности (Золотой заяц, 70).

Стоит отметить, что в этой сказке Ф. Н. Свиньина литературное влияние – и на уровне поэтики (характеристики персонажей, отдельные эпизоды), и на языковом уровне (лексика высокого стиля, сложные и осложненные синтаксические конструкции) – выражено очень заметно.

К адъективатам, встречающимся в текстах «Избранных сказок» (12), относятся, например, такие прилагательные, как «назначенное» (время), «презренная» (тварь), «несказанная» (заслуга), «непрошенные» (гости), «поношенные» (башмаки), «неописуемая» (красота), «непроходимые» (болота), «цвятушие» (лета) и пр.:

<Василий> Положил часы против глаз и следил за стрелками, когда она придут к назначенному времени (Мертвое кольцо, 28); *Брат Петр, придя на пашины, зайдя на возвышенное место, стал каравулить вора* (Золотой заяц, 53).

В четырех сказках («Золотой заяц», «Иванушка-дурачок», «Таинственные трубки», Марко богатый и Василий несчастный) анализируемого сборника встретились также 3 фразеологических оборота (5 употреблений), которые включают в свой состав причастные формы. Все фразеологизмы построены по одной и той же модели: «союз КАК + полное страдательное причастие прошедшего времени с суффиксом -НН-»: «как вкопанный», «как ужаленный», «как пригвожденный»⁶:

Он <заяц> не предвидел, что его караулят, стал как вкопанный от изумления (Золотой заяц, 54); *Сивка стала как вкопанная перед ним <Иваном>* (Иванушка-дурачок, 135); *Оне <мужики> скочили как ужаленные и начали одеваться* (Таинственные трубки, 166); *Когда <Марко богатый> пристал к берегу, хотел выйти, но остался на одном месте, как пригвожденный, не мог сдвинуться с места ни одного дюйма* (Марко богатый и Василий несчастный, 177).

Последнее из устойчивых сочетаний – «как пригвожденный» – до сих пор носит явно книжный характер: об этом говорят, например, обязательность его употребления в качестве сравнения и выделение на письме с помощью запятой.

Причастия в сказках Ф. Н. Свиньина чаще всего используются для описания и характеристики неодушевленных предметов (столовой, мостовой, ковров, платьев, стен, кареты, колодцев, клетки и пр.), несколько реже – героев-людей, и в единичных случаях – живот-

ных. Попытки Свиньина описать элементы интерьера, а также дать персонажам сказки некоторую портретную и психологическую характеристику там, где в фольклорном тексте используются только традиционные формулы, также, на наш взгляд, свидетельствуют о явном влиянии на стиль сказителя литературной традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ функционирования причастий в сказках Ф. Н. Свиньина позволяет говорить о достаточно сильном влиянии книжной традиции на особенности идиолекта этого сказителя. Свиньин старается подражать прочитанным текстам (прежде всего любовно-приключенческим романам и повестям) не только на уровне поэтики (например, из его сказок исчезают традиционные фольклорные повторы, формулы и, наоборот, в них появляются реалистические детали и характерные для литературы средства выразительности), но и на уровне грамматики. Наиболее подверженными влиянию оказываются волшебные сказки, сюжеты которых ближе романским, чем сюжетам бытовых сказок. Желание Свиньина сказать «покрасивее, как в книге» ведет, в частности, к появлению в его речи большого, в сравнении с фольклорным канонем, количества разных причастных форм, которые употребляются достаточно грамотно. Так, диалектизмы типа *омманутый* (Мертвое кольцо, 48); *пошел, сопровождаемой своим слугами* (Мертвое кольцо, 33); *зал был уставленной столами* (Мертвое кольцо, 33), *осиротевшего от вашей племянницы* (Мертвое кольцо, 50) и некоторые другие, как и случаи инверсии (*идущего странника навстречу ему* (Наплав-молodeц, 94)), встречаются у Ф. Н. Свиньина нечасто, а зафиксированные в севернорусских говорах в качестве активных безлично-пассивные конструкции типа *У него уйдено* отсутствуют совершенно. Таким образом, сказитель, употребляя причастия, ориентируется в большей степени на книжную традицию, что, наряду с другими языковыми особенностями, формирует его неповторимый, «авторский» почерк.

Сказки Ф. Н. Свиньина, на наш взгляд (и это подтверждается не только на уровне анализа поэтики, но и, что важно, на грамматическом языковом уровне), можно считать примером своеобразного перехода от традиционной, фольклорной, сказки к сказке нового времени – сказке литературной, авторской.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: [1], [16].
- ² См.: Избранные сказки Ф. Н. Свиньиной / Сост. О. Г. Большакова и В. Р. Дмитриченко; Подгот. к публикации А. С. Лызловой. Петрозаводск: Изд-во ООО «Издат-Принт», 2016. 200 с. Этим изданием мы будем в дальнейшем пользоваться и на него ссылаться: после цитаты, выделенной курсивом, в круглых скобках указываются соответственно название текста и номер страницы, в случае необходимости для облегчения понимания смысла цитаты в косых скобках приводятся пояснения; причастные формы подчеркнуты.
- ³ См., например: [7], [10].
- ⁴ В целом для русской народной сказки характерно чаще всего глагольное (простое, усложненное и составное) сказуемое (См. об этом, например: [14: 555–556]).
- ⁵ «Назём» – «навоз» (См.: Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 19. Л.: Наука, 1983. С. 280).
- ⁶ «Как [будто, словно, точно] вкопанный – неподвижно замерев на месте (стоять, останавливаться и т. п.); «как [будто, словно, точно] ужаленный – стремительно (вскочил, выбежал и т. п.) – см.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 2-е. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 70, 491; «как пригвожденный – в сравн.: словно «прикрепленный гвоздями к чему-л.; прибитый» – см.: Большой академический словарь русского языка / Под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. Т. 20. М.; СПб.: Наука, 2012. С. 137.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Сказительский идиолект Т. Г. Рябинына (на материале словаря былинной лексики) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 19–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.396
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку: Пособие для студентов педвузов и ун-тов и для преподавателей средней школы. Киев, 1958. 488 с.
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. Изд-е 3-е, испр. М.: Рольф, 2001. 448 с.
4. Дундукова А. М. Вставные и ремарочные конструкции в «Избранных сказках Ф. Н. Свиньиной» // Притяжение Севера: язык, литература, социум [в 2 ч.]: Материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 1. С. 602–607.
5. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 346 с.
6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
7. Кунавин Б. В. Синтаксис причастных форм в русских былинах // Язык русского фольклора: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1988. С. 51–63.
8. Лызлова А. С. Тезисы докладов конференции «Наивная литература. Шаг третий». Москва. РГГУ. 22 сентября. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=2633085> (дата обращения 22.07.2020).
9. Лызлова А. С. Поморский сказочник Ф. Н. Свиньин: биографические сведения в материалах фольклорных коллекций НА КарНЦ РАН // Русский Север: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию со дня рождения К. В. Чистова: Сб. науч. статей. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 155–164 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-332-3/978-5-88431-332-3_12.pdf (дата обращения 20.07.2020).
10. Маркова Н. В. Предикативные причастия с суффиксами -Н-, -Т-, соотносительные с переходными глаголами в онежских былинах // Язык и поэтика фольклора: Доклады Междунар. конф. 15–18 сентября 1999 г. Петрозаводск, 2001. С. 256–261.
11. Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск, 2002. 334 с.
12. Семенова О. В. Ономастикон сказок Ф. Н. Свиньиной // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 296–298.
13. Тарланов З. К. Предисловие // Язык жанров русского фольклора: Межвузовский науч. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1979. С. 3.
14. Тарланов З. К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения // Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 530–563.
15. Тищенко Н. В. Предикаты, распространяющиеся обстоятельствами места и времени в русской волшебной сказке // Язык русского фольклора: Межвузовский сб. Петрозаводск, 1985. С. 70–76.
16. Холтобина А. С. Идиолектные наименования в былинных текстах Т. Г. Рябинына // Лингвофольклористика. 2015. Вып. 22. С. 22–31.

Поступила в редакцию 18.08.2020

Angelina M. Dundukova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
gelya@onego.ru

Olga V. Semenova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
olsemenova@bk.ru

PARTICIPLES IN THE *SELECTED FAIRY TALES BY F. N. SVINYIN* (idiolect of the folklore text)*

The article continues and develops the study of the linguistic features of the *Selected Fairy Tales by F. N. Svinynin*, which were first published in 2016, but have not been thoroughly studied so far. The paper analyzes the influence of the “book” tradition on the formation of the Pomor storyteller’s idiolect. For the first time, the study is focused on the participial phrases actively used by Svinynin, but generally not typical for oral folk texts and therefore not addressed by linguo-folklorists. The article presents extensive linguistic material, including the cases of substantivization and adjectivization of participles, as well as their inclusion into the phraseological expressions. It is proved that the unique individual style of Svinynin, the bearer of the richest fairy tale telling tradition, was formed as a result of combining canonical folk material and book sources in his tales. The research materials show that F. N. Svinynin’s tales can be viewed as an example of the transition from a folk tale to a literary author’s tale, which manifests itself not only at the level of poetics, but also at the linguistic (namely grammatical) level.

Keywords: White Sea area, Fyodor Nikolaevich Svinynin, White Sea tales, participle, idiolect

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No 18-012-00810).

Cite this article as: Dundukova A. M., Semenova O. V. Participles in the *Selected Fairy Tales by F. N. Svinynin* (idiolect of the folklore text). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 30–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.536

REFERENCES

1. Bobunova M. A., Khrolenko A. T. Idiolect of a Russian storyteller Trofim Ryabinin (drawing on the lexical dictionary of Russian bylinas). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 19–25. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2019.396
2. Bulakhovskiy L. A. Historical commentary on the literary Russian language: Textbook for university students and secondary school teachers. Kiev, 1958. 488 p. (In Russ.)
3. Golub I. B. Stylistics of the Russian language. Moscow, 2001. 448 p. (In Russ.)
4. Dundukova A. M. Parenthetical and aside constructions in the *Selected Fairy Tales by F. N. Svinynin*. *Gravity of the North: Language, Literature, Society [in 2 parts]: Proceedings of the I international research and practice conference*. Petrozavodsk, 2018. Part 1. P. 602–607. (In Russ.)
5. Evgen'eva A. P. Essays on the language of Russian oral poetry recorded between the XVII and the XX centuries. Moscow, Leningrad, 1963. 346 p. (In Russ.)
6. Zolotova G. A. Syntactic dictionary: the fundamental units of Russian syntax. Moscow, 2006. 440 p. (In Russ.)
7. Kunavin B. V. The syntax of participial forms in Russian bylinas. *The language of Russian folklore: Interuniversity collection of articles*. Petrozavodsk, 1988. P. 51–63. (In Russ.)
8. Lyzlova A. S. Abstracts of the conference “Naive Literature. Step Three”. Moscow. Russian State University for the Humanities. September 22, 2014. Available at: <http://ivgi.rsu.ru/article.html?id=2633085> (accessed 22.07.2020). (In Russ.)
9. Lyzlova A. S. A Pomor storyteller F. N. Svinynin: biographical information in the materials of the folklore collections at the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. *Russian North: Identities, memory, biographical text. Commemorating the 95th birth anniversary of K. V. Chistov: Collection of articles*. St. Petersburg, 2017. P. 155–164. Available at: <http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-332-3> (accessed 20.07.2020). (In Russ.)
10. Markova N. V. Predicative participles with suffixes -H- and -T- correlating with intransitive verbs in Onega bylinas. *Language and Poetics of Folklore: Proceedings of international conference, September 15–18, 1999*. Petrozavodsk, 2001. P. 256–261. (In Russ.)
11. Patroeva N. V. Poetic syntax: category of complication. Petrozavodsk, 2002. 334 p. (In Russ.)
12. Semenova O. V. Onomasticon of F. N. Svinynin’s fairy tales. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the IV international research conference*. Ekaterinburg, September 9–13, 2019. Ekaterinburg, 2019. P. 296–298. (In Russ.)
13. Tarlanov Z. K. Foreword. *The language of Russian folklore genres: Interuniversity collection of articles*. Petrozavodsk, 1979. P. 3. (In Russ.)
14. Tarlanov Z. K. Language of Russian folklore as a subject of linguistic study. *Selected works on linguistics and philology*. Petrozavodsk, 2005. P. 530–563. (In Russ.)
15. Tishchenko N. V. Predicates expanded by adverbial modifiers of place and time in Russian fairy tales. *Language of Russian folklore: Interuniversity collection of articles*. Petrozavodsk, 1985. P. 70–76. (In Russ.)
16. Kholobina A. S. Idiolectic names in Trofim Ryabinin’s bylinas. *Linguofolkloristics*. 2015. Issue 22. P. 22–31. (In Russ.)

Received: 18 August, 2020

ЖАННА ВИКТОРОВНА МАРФИНА

кандидат филологических наук, доцент, и. о. ректора
Луганский государственный педагогический университет
(Луганск, Луганская Народная Республика)
lib_inpu@ukr.net

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ НАЗВАНИЙ РОДСТВА В УКРАИНСКОМ НАРОДНО-ПЕСЕННОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ

Исследование выполнено в контексте актуального лингвокультурологического направления современного языкознания. Впервые в восточнославянской лингвистике представлена модель концептуального анализа текстовых функций названий родства, мотивированных их лексико-грамматическими связями в украинском социально-бытовом песенном фольклоре. Соответственно лингвокультурологическое наполнение концептуальных цепочек с опорными фольклорами – названиями родства – смоделировано с учетом обусловленных конкретными социально-историческими обстоятельствами, то есть бурлакование, чумакование, наемный труд, казачество и под., сценариями поведения человека как представителя рода. Основу методики анализа составило построение концептуальных цепочек, в которых ведущим является название родства. Между ними благодаря означаемым словам (существительные, прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов) установлены стойкие семантические отношения, выражающие в результате их раскодирования и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Означаемые слова в основном и определили концептуальную мотивацию названий родства в украинских народно-песенных текстах. В результате проведенного исследования отмечено, что концептуализация общественной мотивации отношений между членами нуклеарной семьи отражена в вербализаторах понятий «чужой – родной», «смерть – жизнь», «воля – неволя», «плач, слезы», «память», «прощанье – встреча». При этом отмечена роль предметных, растительных, орнитологических слов-символов. Сделан вывод о том, что названия родства, функционируя в народно-песенной календарно-обрядовой и семейно-обрядовой лирике, приобретают качество фольклором, что представляется их наиболее характерной особенностью. Именно бытовая лингвокультура является средой сохранения и продолжения, воспроизведения тех или иных обрядовых действий, ритуалов, в которых актуализируются вторичные номинации-оценки названий родства, а также названия действий и взаимодействий членов семьи в ритуально-обрядовых текстах как презентантах высокого стиля в народной культуре.

Ключевые слова: названия родства, фольклорема, слово-символ, народно-песенное субпространство, концептуальная цепочка, концептуальный мотив

Для ц и т и р о в а н и я : Марфина Ж. В. Концептуальная мотивация названий родства в украинском народно-песенном субпространстве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 36–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.537

ВВЕДЕНИЕ

Важным направлением современных лингвистических исследований является изучение языковых явлений, отражающих традиционную народную культуру. В связи с этим актуальным становится обращение к фольклорным контекстам, которые широко демонстрируют традиции, уклад жизни, морально-этические установки и устоявшиеся, отшлифованные временем нормы взаимоотношений определенного этноса, коммуникативные каноны, то есть национальную лингвокультуру. В свое время Д. С. Лихачев указывал на прямую зависимость содержательного богатства концептосферы национального языка от бо-

гатства фольклора (равно как и от литературы, науки, изобразительного искусства) [5]. Многие исследователи отмечали, что народная песня занимает особое место в фольклоре восточных славян. С точки зрения лингвистов второй половины XX столетия, текст народной песни, отражающий духовные и эстетические ориентиры этноса, можно рассматривать как языковой эстетический знак национальной культуры, как основу народно-поэтической составляющей современного литературного языка [6], [11], [12], [14].

Образно-эстетический и ценностно-аксиологический компоненты семантики неразрывны и хранятся в «контейнерах» внутренних форм

лексем, представляющих народно-песенный словарь определенной культуры. Мера глубины, на которую может проникнуть лингвист в познании различных культурных коннотаций, определяет широту концептуального наполнения определенного «контейнера», его объем. Сканировать временно-пространственную динамику в семантике тех или иных знаков культуры мы не можем без опоры на определенные контексты, которые воспринимаем как некие субпространства единого функционального континуума национальной культуры. Среди некоторого множества терминов для обозначения единиц народно-песенного словаря отмечаем лингвокультурологический концепт, поскольку считаем, что апелляция именно к «концепту» позволяет комплексно рассматривать содержательное наполнение текстовых единиц, песенного фольклора в том числе. Вне всякого сомнения, народные песни восточнославянских народов – это огромные пласты этнокультур. Соответствующий лексикон отражает социально-культурную мотивацию оценки человека, в частности человека семейного, человека как члена рода. Таким образом, лингвокультурологический концепт «род / родство» для носителей и русского, и украинского языков является одним из наиболее значимых, универсальных, ключевых, ценностных для славянской культуры, на что неоднократно указывали в своих исследованиях лингвисты [1], [2], [4], [7], [8], [9], [15], [16]. В народно-песенной русской и украинской культуре общественная мотивация отношений членов семьи наиболее выражена в текстах, которые отражают историю этих народов начиная со времен становления Древнерусского государства (XI век) и до второй половины XIX века. Каждый раз, согласно текстовым сюжетным линиям, члены рода вплетаются в определенные стереотипные сценарии их взаимодействия. Последние коррелируют с социально-историческими обстоятельствами бурлачества, чумачества, казачества, крепостной зависимости и пр. Благодаря стабильности текстообразующих, понятийных и ценностно-аксиологических функций названия родства (далее – НР) приобрели статус фольклором и одновременно взяли на себя жанрово-стилевые особенности семантики, концептуального воплощения определенных социально-бытовых сценариев поведения (концептуальных мотивов) представителей того или иного народа в историческом прошлом. Эти особенности семантики наиболее конкретно отражают так называемые «концептуальные цепочки» – модели текстовых

связей НР, в которых сохранена архетипическая проекция тех или иных сценариев поведения, отношений отдаленных общественно-историческими обстоятельствами родственников.

Цель нашего исследования – установление ведущих концептуальных мотивов, связанных с текстовыми функциями НР в украинском народно-песенном субпространстве; определение оппозиционных концептов как направлений вербализации концептуальной общественной мотивации отношений между членами украинской нуклеарной семьи; моделирование на основе предыдущих когнитивных операций концептуальных цепочек, отражающих образно-эстетическое и ценностно-аксиологическое наполнение НР как субконцептов лингвокультурного концепта «род / родство».

Материалом исследования стали тексты украинских народных социально-бытовых песен, выбранные из сборников фольклора.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Основной метод анализа народно-песенных контекстов – моделирование концептуальных цепочек [13: 50], в которых может быть ведущим или одно (в нашем случае – НР), или два (концепты одной либо отличных лексико-семантических парадигм) понятия (они выделены в представленных моделях полужирным начертанием, что указывает на их основную роль в типологическом народно-поэтическом микроконтексте, на основе которого и составляется семантическая модель, на их функцию опорного слова, определяющего формирование высказывания). Между ними, благодаря означаемым словам (прилагательные, глаголы, составляющие высказывания в роли предикатов), установлены стойкие семантические отношения, выражающие в результате раскодирования их внутренней формы и ценностно-аксиологическое наполнение высказывания в целом. Дополнительные знаки (\leftrightarrow (корреляция вербализаторов концептов), \leftarrow , \rightarrow (следствие, результат взаимодействия сем, семем), $:$ (сопоставление культурных концептов), $+$ (наложение сем, семем), $=$ (отождествление семантики вербализаторов концептов), \approx (семантическое уподобление)) указывают направления семантического взаимодействия составляющих высказывания. Кроме того, использован ряд скобок: фигурные ($\{ \}$) – для обозначения отдельной модели концептуальной цепочки; квадратные ($[]$) – для выделений структурных элементов концептуальной цепочки; косая черта ($/$) – для отделения синонимических, гиперо-гипонимических составляющих

или лексико-тематических вариантов в пределах одного из компонентов концептуальной цепочки. Заглавными буквами отмечены словесно-образные, ситуативные мотивы, воплощенные в анализируемом материале.

С понятием концептуальной мотивации связаны ключевые темы, микротемы, выделенные в украинском народно-песенном субпространстве концепта «род / родство». Согласно им и структурирован подготовленный для анализа материал. Реализация того или иного мотива отражена в семантических связях компонентов лексико-тематической парадигмы НР (вербализаторов макроконцептов «род», «семья», микроконцептов «отец» («отец» – «мать»), «мать» («мать» – «сын», «мать» – «дочь»), «сестра», «дети», «жена» с учетом реализации в текстах их основного значения) с вербализаторами микроконцепта «сын как представитель какой-либо социальной группы» («казак», «чумак», «бурлак»).

Выстроенные концептуальные цепочки являются ситуативными моделями, отражающими определенные концептуальные мотивации, которые обозначены конкретными понятиями, обобщающими смысл той или иной концептуальной цепочки.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Направление концептуальной мотивации НР восходит к макроконцепту «**род**». Его вербализаторами в украинском народно-песенном субпространстве являются фольклоремы *рід* (рус. *род*), *родина* (рус. *семья*), *родинька* (рус. *семейка*, *семейство*). Кроме обобщающих НР, в народных песнях активны микроконцепты-фольклоремы: *отець-мати* (рус. отец с матерью), *отець*, *батько*, *батенько* (рус. *отец*, *батьюшка*), *матір*, *матуся*, *матінка*, *нень*, *ненька* (рус. *мать*, *мачочка*, *мама*), *жона*, *дружинька* (рус. *жена*, *женушка*), *брат*, *братик* (рус. *брат*, *братик*), *сестра*, *сестриця* (рус. *сестра*, *сестренка*), *діти* (рус. *дети*), *син*, *синок* (рус. *сын*, *сынок*), *доня* (рус. *дочка*).

Показательной является концептуальная мотивация ОДИНОЧЕСТВО. И в бурлацких, и в крепостнических текстах, в песнях наемных работников лирический герой (представитель рода) признается в своем одиночестве, сиротских чувствах, которые переполняют его в чужой стороне. В основном эти переживания он обозначает через утверждение отрицания общности с далеким родом, семьей – *нема роду; нема родини, вірної дружини*:

Сидить хлопець у неволі, / Сорочку латає, / Ніхто ж його не спитає, / Бо роду немає. / «...Соловейку маленький, / В тебе голос тоненький! / Защебечи ти мені, / Бо я в чужій стороні: / Нема роду, родини, / Ні вірної дружини»¹.

Ассоциативно-образное содержание представленных контекстов позволяет выделить следующие концептуальные цепочки: {крепостной, бурлак, наемный работник (работница)} ↔ [(нет) **род / семья**] → [тоска, горе], {крепостной, бурлак, солдат, наемный работник (работница)} ↔ [(нет) **род / семья**] → [чужой].

В подобных контекстах актуализированы орнитосимволы – *орел*, *лебедь*, *соловей* как ассоциаты духовной связи с родом, семьей, тоски по семье, искренности чувств [10: 446]:

Соловейко маленький, / В тебе голос тоненький! / Защебечи ти мені, / Бо я в чужій стороні. / Бо я в чужій стороні, / – Нема роду при мені. / Я одбилася од роду, / Як той камінь у воду!; Гиля, гиля, лебедята, / На тихую воду, / Перекажіть, лебедята, / Аж до мого роду!²

В связи с таким семантическим наполнением микроконтекстов смоделированные концептуальные цепочки могут быть модифицированы: {крепостной, бурлак, наемный работник (работница)} → [**соловей**, **лебедь**, **орел**] ↔ [(нет) **род / семья**] → [тоска, горе]. Ср. как слово-символ зозуля олицетворяет тоску матери, сестры о сыне-брате, ушедшем на воинскую или другую тяжелую службу:

Да лежить син неділю, да лежить син другу; / Да на третю неділю вилетіли три зозулі. / Да що й одна біленька – то й то моя ненька. / Да й а друга біліша – то сестра рідніша (Закувала зозуленька...).

Украинские народно-песенные контексты транслируют архетип «сиротство» как ‘беззащитность’, ‘одиночество’ – чувства, которые испытывает подневольный труженик ({крепостной, бурлак, наемный работник} ↔ [**сирота** = (нет) **род / семья**] → [беззащитность, одиночество, тоска, горе]):

Розлилися води / На чотири броди, / Виряджала мати дочку / На чотири годи; Розлилися ріки і бистрії води: / «Не очідай мене, ненько моя, і в чотири годи!» / Розлилися води і бистрії ріки, / Помер отец і матуся – сирота навіки! (Закувала зозуленька...).

Таким образом, в украинской народной песне сирота – это подневольный человек без рода, лишенный опеки, непосредственной защиты близких.

В народно-песенном субпространстве анализируемой тематики актуализирована микроконцептуальная корреляция «отец – мать / батько –

матір». Стереотипные образы *старого, сивого, родного батька* и *старой, сивой, родной матери* – это НР-фольклоремы, лингвокультурные коды, на которые опирается лирический герой в своей памяти, в размышлениях о доме, семье, родителей, их судьбах:

«Здоров, здоров, сивий орле, / Що там в нас чувати? / Чи ще живий батько сивий, / Старесенька мати?» / «А вже давно старесеньку / В садку поховали, / А твій батько сивесенький / В корчмі п'єгуляє»; Батько рідний, мати рідна, / Де ж ви долю заподіли? / Да гей, гей, доле моя! / Деся ти водою запливла! (Українські народні пісні...)

На основании таких контекстов можно выделить концептуальную цепочку {крепостной, бурлак, наемный работник} ↔ [(нет) род / семья / судьба] → [тоска, горе, слезы].

Мотив ПРИПОМИНАНИЯ (*споминає, згадай*), ПАМЯТИ важен как одно из связующих звеньев. Это направление концептуальной мотивации помогает, с одной стороны, удерживать в народном сознании идеалему отношений в семье, традиций рода:

«Згадай мене, ненько, / В суботу пізенько, / Як дівчата помиються / Її плетуть дрібенько. / Згадай мене, ненько, / В неділеньку вранці, / А я тебе ізгадаю / В сороченці-дранці (Закувала зозуленька...)

С другой стороны, подчеркнуть беспомощность существования лирического героя, его бездельность (ср. выражения с актуализированной мифемой Доля, Щастя-доля):

Білий сніжок випадає; / Бурлак ноги підгинає, / Отця ї неньку споминає; / «Мати ж моя старенька! / Нащо мене породила, / На біленький світ пустила, / Щастя-долі не вділила!» (Українські народні пісні...); Гей, гей, дробен дощик покрапляє, / Бурлак ніжки підношає, / Гей, гей, свою матір споминає; / «Мати ж моя чорнобрива, / Гей, гей, нащо-с мене породила?» (Закувала зозуленька...).

Соответственно лингвокультурологическое наполнение концептуальной цепочки таких контекстов может быть смоделировано так: {крепостной, бурлак, наемный работник} ↔ [память] : [род – отец, мать] : [судьба] → [тоска, печаль, слезы]. Согласно народно-песенному концептуальному наполнению бинарная фольклорема отец-мать вмещает в своей внутренней форме семантику дарителя Судьбы:

Деся у тебе, козаченьку, / Отець-мати жива, / А що тобі, молодому, Фортуна служила! / Деся у тебе, козаченьку, / Є рідная мати, / Що як станеш на камені, / То й слідочки знати! (Закувала зозуленька...)

Актуализация образов родни – сестры, детей, жены, ожидающих и страдающих от тягот жизни, сопровождается словесными про-

странственными образами *луга, поля, долины, гая* (ассоциаты печали, горя, хлопот [3: 366], [12: 203]). В соответствующем лингвокультурологическом наполнении концептуальной цепочки ключевую роль вновь играют идеалемы «память» (*згадаю*), «встреча» (*зустріну*), «разговор» (*питає*) и эмоционально-оценочные маркеры:

Маю жінку, маю діти, а я їх не бачу; / Як згадаю про їх долю, та й гірко заплачу!; Ой піду я лугом, / Лугом-долиною, / А чи не зустрінусь / З родом, з родиною. / Ой там моя сестра / Пшениченьку жала, / Сказав я їй «здраслуй», / «Здоров» не сказала; Ой у гаю-гаю / Там вітру немає, / Тільки брат сестриці / Про життя питає... (Закувала зозуленька...)

Антропоморфизированная природная стихия (*берег* как символ погруженного в печаль человека [10: 336], *ветер* как способ донести весть к родному дому и как источник плохих вестей из дома; *воды рек* как связующее звено с родным краем) отражает мифологизированное восприятие связей «человек – природа», особенно в моменты ощущения безысходности, одиночества, которые испытывает лирический герой:

Крутий берег, крутий, річенька бистренька; / Далеко від мене рідна сторонька. / Ой повій же, вітре, з рідної країни, / Принеси вістоньку любій дружини! / Ой повій же, вітре, з моїх стороньки / Та скажи, що роблять дрібні дітоньки!.. (Закувала зозуленька...)

Соответственно контекстной семантике и модели концептуальной цепочки: {крепостной, бурлак, наемный работник, солдат} ↔ [берег / ветер / вода] ↔ [род – жена, дети] ↔ [тоска, печаль, слезы].

Рекрутско-солдатский цикл украинской народно-песенной субкультуры характеризуется актуализацией не только НР-фольклорем, но и орнито- и растительной символики, которая опосредует духовную связь родителей и детей. В частности, речь идет о сыновьях, которых родители должны отдать в войско: *зозуля* – ‘мать’, ‘печаль, горе’; *вороной конь* – ‘верный друг’, ‘опора’; *орел* – ‘символ имперской власти’; *дуб, дубрава* – ‘опора’, ‘сила’, ‘жизнь’; *калина* – ‘краса’, ‘молодость’; *барвинок* – ‘жизнь’; *сад* – ‘отцовский дом; отец-мать’. В целом из смыслового наполнения анализируемых текстов можно установить ведущую роль нескольких мотивов:

МАТЬ ВЕДЕТ / БЛАГОСЛОВЛЯЕТ СЫНА НА СЛУЖБУ – {мать} ← [провода] → [сын-солдат]:

Ой зродила мати сина – / У солдати нарекла, / Гей, та взяла ж його за рученьку, / До прийому одвела; Виряджала мати в військо свого рідного сина (Українські народні пісні...);

СЫН ПРОЩАЕТСЯ С СЕМЬЕЙ – {[отец-мать, сестра, брат, жена, дети] ← [прощание, слезы] → [сын-солдат]}:

За обозами солдатів женуть, / За солдатами матусі ідуть! / Вони плачуть, убиваються... / Що брат з сестрою прощаються!.. / Прощай, отець і матуся стара, / І ти, жона молодьохенькая! / Прощай, отець і сестриця родна, / І ви, брати все родньохенькі! (Українські народні пісні...);

СЕМЬЯ ПЛАЧЕТ, ПРОЩАЯСЬ С СЫНОМ – {[отец-мать; жена, дети] ← [печаль, слезы] → [сын-солдат]}:

Ой у лісі на дубочку зозуля кувала, / Там у саду у вишневій мати заплакала. / Не така вона заплакала, як заговорила, / Виправляла на війноньку рідненького сина (Закувала зозуленька...).

Орнитосимволика характерна і для народно-песенних текстів о крепостничестве: дети-соколы отчуждены орлом-невольником для службы господину ({[отец-мать] → [печаль, слезы] → [дети-крепостные]}):

А на третє літо сокіл прилітає, / Сокіл прилітає і орла питає: / «Ой брате, мій брате, сизокрилий орле, / Де ж подівав ти всі розкоші мої, / Де ж подівав ти мої малі діти?» (Закувала зозуленька...).

Традиційно маркером оберега в українському народно-песенному субпространстві виступає біленька сорочка, котра в ієрархії значимих складових солдата, бурлака, чумака перебуває в одному ряду з отцом-матерью, сестрой, то єсть з образами берегів, захитників, опори (концептуальна цєпочка {[мать] → /защита/ → [сорочка] → /защита/ → [сын]}):

Чому в тебе, бурлаченку, сорочка не біла? / «Якби я мав сестру рідну та неньку стареньку, / То дала б мені щонеділі сорочку біленьку»; «Чому в тебе, чумаченку, сорочка не біла?» / «Не випере сестра моя, не випере мати; / А далеко од дівчини, щоб сорочку прати» (Українські народні пісні...)

Верный друг сына-солдата – конь, он же несет семье весть о трагической судьбе сына, умершего или погибшего в рекрутах. Традиционным символом смерти в лирических контекстах является и ворон [3: 324], [12: 316]:

«Не стій, коню, надо мною, / Бо ти видиш біду мою. / Иди, коню, дорогою / До матінки з новиною» (Закувала зозуленька...). *«Коню ж ти мій вороненький, / Де мій синок молоденький?» / «Ой цит, мати, не жири сі, / Вже твій синок оженив сі. / Взєси за жінку мураву, / Під головоньку купину, / А очу накрив хустинов»; Червона калина / Біленько зацвіла; / Породила бідна вдова / Жовнярика-сина (...)* / *Кряче ворон, кряче, / Матусянька плаче: / Поховали її сина в полі край дорожки* (Українські народні пісні...).

Определенные особенности проявляются в концептуальной мотивации НР в песнях, связанных с таким общественно-историческим феноменом, как чумакование. Ср. ряд таких мотивов:

ПАМЯТЬ: *память и уважение* – {[отец-мать] ← [память, уважение] → [чумаки]}:

(Ой як став же той чумаченько у дорозі помирати, / Ой і став же він свого товариша вірненько прохати: / «(...) Ой як будете, вірне товариство, на Подолі становитись, / То не забувайте, вірне товариство, отцю й неньці поклонитись!» (Закувала зозуленька...);

память и забытье – {[отец-мать] ← [память, забытье] → [чумаки]}:

(Росла, рослазелена трава, стала посихати; / Ждала, ждала мати сина, стала забувати (Закувала зозуленька...);

память и смерть – {[мать ‘зозуля’; батько, отець, сестри, брати, рід] ← [память, смерть, слезы] → [сын-чумаки]}:

(Прилетіла зозуленька та й сказала: «Ку-ку! / Подай, сину, подай, орле, хоч правую руку!» / «Ой рад би я, моя мати, обидві подати, / Та налягла сира земля – не можна підняти!» (Українські народні пісні...);

ЗАБОТА: *забота* – {[мать] ← [забота] → [сын-чумаки]}:

(Ой мати сина породила / І вірненько кохала, / Вона ж його в дороженьку / Сильно не пускала (Закувала зозуленька...);

ОТЧУЖДЕНИЕ: *забытье, проклены* – {[ДОМ: отец, мать, жена, дети] ← [проклены] → [ЧУЖАЯ СТОРОНА: сын-чумаки]}:

(Гей, дома жінка молодая, / Ще й дитиночка малая, / Іще й ненька старенькая. / Гей, іще й ненька старенькая, / Вона ж мені рідненькая. / Ой вони ж мене дожидають / Та чумачку проклінають (Українські народні пісні...);

ПЬЯНСТВО: *пьянство* – {[ДОМ: отец-мать] ← [гулянье] → [ШИНОК: сын-чумаки]}:

(Наливай, наливай, шинкаро, / А я буду пий! / Ой є в мене отець-мати, / Викуплять мене! (Українські народні пісні...);

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ РОДА, ЖЕНЫ – {[ДОМ: жена, дети] ← [разлука] → [сын-чумаки]}. В таких микроконтекстах актуалізується трагическая коннотация слова-символа *калина* (ассоциация с покинутой женщиной):

Зацвіла калина у лузі да попустила квіти, / Не один чумаки киди жінку і дрібненькі діти; В темнім лузі червона калина / Ісхилила віти: / Не один чумаки киди свою жінку / І маленькі діти (Закувала зозуленька...).

Народно-песенное субпространство транслирует негативное отношение матери к желанию

дочери выйти замуж за чумака ({[ДОМ: мать] → [запрет] → [дочь : чумака – сватанье]}):

«Ой піду я, моя мати, / Та за його [чумака]заміж; / Як ти мене та й не ддаси – / Дак я й умру зараз». / «Легше ж мені тебе, доню, / Дома поховати, / Аніж мені т за його / Заміж тебе дати» (Закувала зозуленька...).

Примечательна как семейно-бытовая, так и социально-бытовая песенная культура и обобщением отношений членов рода, связанных с тем, что в семье есть казак. Внешний портрет, как принято в народных песнях, ассоциативно-образный: казак отождествляется с барвинком, символом красоты, чистоты и молодости сына, с маком – по цвету обмундирования ({[казак: барвинок, мак] = [красота]}):

Козаченьку молоденький, / Барвіночку зелененький! / Ой не пий ти горілок, / Не люби чужих жінок – / Будеш як барвінок! (Українські народні пісні...)

Как и в предыдущих социально-бытовых народно-песенных контекстах, в казацких песнях проявляет себя концептуальная мотивация ОТЧУЖДЕНИЕ ({[казак] ↔ /кладка, мост/ ↔ [род]}). С ней связаны предметные символы моста, речки, кладки, которые разделяют род и казака (сына):

Ой у степен річка, через річку кладка: / Не покидай, козаченьку, рідненького батька! / Як батька покинеш, сам марно загинеш, / Річенькою бистренькою за Дунай заплинеш (Українські народні пісні...).

Выделенный концепт находится в корреляции с концептом «Отдания – проводов» ({[казак] ↔ /служба/ ↔ [род]}):

Ой хто сини має, то хлібом годуйте / Да до війська готуйте, / А хто їх не має, то ті наймайте / Да громаду заступайте! (Закувала зозуленька...).

В этом ритуале принимает участие вся семья (символ – вишневого сада), с каждой НР-фольклоремой связана акциональная символика: отец – дает совет, мать – готовит защиту-сорочку, брат – снаряжает коня, верного друга, сестра – готовит платочек как символ нежности и любви (в некоторых контекстах – также подает коня), ср.:

Ставлю коня в вишневому саду, / А сам піду к батьку на пораду. / (...) Моя нянька по кімнаті ходить, / На рученьках сороченьку носить: / (...) А мій братик по сімечках ходить, / На рученьках сиделечко носить (...) А моя сестра по двірочку ходить, / На рученьках хустиночку носить: / «На, братику, хусточку, не гайся, / Щоб ти з свого війська не зостався!» (Українські народні пісні...).

Одним из ведущих является и мотив РАССТАВЛЕНИЯ. В связи с этим в народно-песенных

контекстах актуализирован образ плача, слез (материнских), печали (жури) ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /слезы, печаль/ ↔ [род]}):

А мій милий коня веде, / На ратище підпирється, / За ним, за ним стара мати / Слізочками умивається: / «Годі ж тобі, мій синочку, / На ратище підпиратися, / Ачей же я перестану / Слізочками умиватися...» (Закувала зозуленька...).

Наиболее близкий ассоциат самого образа казака – конь ‘верный друг’, ‘помощник’, который также выступает связующим звеном между служивым и его родом, к которому конь может донести и самого казака, и весть о нем, поклон ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /конь/ ↔ [род]}):

Став козак до коня розмовляти: / «Бийся ти, коню, вибивайся, / До отця, до няньки поклоняйся. / До моєї жінки-удівоньки, / До моїх діточок-сиріточок, / До моїх братиків-порадників, / До моїх сестричок-жалібничок, / До моїх вороженьків-розлучників» (Закувала зозуленька...).

Через мотив разговора с конем, дороги в терниях трансформируется духовная связь с родом, семьей казака:

Ой а у полі, гей, терен, теренок, / Попід тереном та доріженька йде. / По доріженці, гей запорожець йде, / А коника отець-мати веде. / (...) «Тобі, мати, гей, та і не питає, / Тобі, мати, та й додому рушать...» (Українські народні пісні...).

Народно-песенный образ матери казака – это его оберег, основа духовного единства с родом ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /мать/ ↔ [род]}):

Мати ж моя рідная, / Порадонько вірная! / Исправ мені три труби, / Да й усі три мідяні; / А четвертю трубу / Исправ мені золоту! (Закувала зозуленька...)

Предметным символом материнских слез в народнопесенных лирических контекстах является дождь, омывающий раны казака-воина:

Нещаслива годинька була, (...) / Ой не жалкуй, мійсину, на мене: / «Не дай боже пригоди на тебе; / Як ти будеш пострілян, порубан, / Ой хто ж тобі раноньки промиє?» / «В полі, мати, дрібен дощик іде, / Ой той мені раноньки промиє!» (Закувала зозуленька...);

а символом страдающей матери, ожидающей своего сына, – кукушка (зозуля):

Приблудився він [молодий козак] до гаю, / До дрібненького ручаю / І став коня напувати, / Стала зозуля кувати, / Став він зозулі питати: / «Зозуленько, моя нянько, / Скажи мені доріженьку, / Скажи мені слід-дорогу / До мого рідного роду!» (Українські народні пісні...).

Туча (синяя) – символ беды, грядущего несчастья, трудностей, которые переживает сын-казак,

родители же ассоциированы с соловьями, которые всегда готовы быстро прийти на помощь:

То ж не синяя хмарочка наступає, / Дрібний дощик накрапає, / Чорне море вітер-буря колихає, / Там турецький корабель розбиває, / Сорок тисяч козаченьків потопає (...) Як прилетів батенько соловейко: / «Діти ж мої, діти солов'ята! / А хто ж буде у садочку щебетати, / Мене, старенького, розважати!» / Як прилетіла матінка солов'їха: / «А хто ж буде у садочку щебетати, / Мене, стареньку, розважати!» (Українські народні пісні...).

Синтезирован словесный образ семьи-рода в ассоциативно сближенных номинациях *сад* и *зозуля* 'кукушка':

Сади мої, сади процвітали, / Та сади процвітали, рано опалили, / А сива зозуля з садів вилітала, / Та синєє море вона поглядала (...) / А за сиву гривку козак ухопився. / «Бийся, коню, бийся, вибивайся! / На крут бережечок ой вигрібайся, / До отця, до неньки ой поспішайся! / Та не так же до неньки, як до дружиноньки, / Не так до дружини, як до дитини» (Закувала зозуленька...).

Растительная символика – это образная основа семьи казака: матери-отца как дуба и березы, опирающихся друг на друга:

Ой дуб на березу / Гіллям похилився, / А син своїй неньці / Низенько вклонився: / «Нене ж моя, нене, / Чом не жениш мене?» (Українські народні пісні...).

Максимально обобщен образ матери, переживающей за своих сынов-казаков. Его воплощает ассоциативно-образная связь *мать* = *Украина*:

Зажурилась Україна, бо нічим прожити, / Витоптала орда кінями маленькій діти, / Котрі молодії, у полон забрато (Закувала зозуленька...).

Кроме концептуальной мотивации ОТЧУЖДЕНИЕ, для казачьих песен характерна мотивация ВОЛЯ – НЕВОЛЯ, в определенной мере взаимодействующая с мотиватором СУДЬБА. Поскольку воины попадают в плен, они обращаются в молитвах, в душе к Фортуне:

Що узяли козаченька / В велику неволю; / Як узяли в неволенку, / Забили в кайдани (...) / Ударились вражі пани / Об поли руками: / «Десь у тебе, козаченьку, / Отець-мати жива, / А що тобі, молодому, / Фортуна служила...» (Українські народні пісні...).

В исследуемых текстах отмечаем и актуальность концептуального мотиватора СМЕРТЬ, ассоциатами которого являются пространственные, орнитологические, предметные символы *высокая могила, гора, землянка, сырая земля, темный лес, сивый голубь* (душа умершего), *белый снег, ворон, пугач* – предвестники смерти:

*Не питай, ненько, що у військо пішов, / Що військо пішов, розуму дійшов, / Лиш **питай, ненько, високою могили, / Високою могили, глибокою долини; За городом сніжок припав...** / Їхав козак, з коня упав. / Накрив личко китайкою, / Білі ручки нагайкою (...) **Мати вчула – сама вийшла. / «Ой ти, коню вороненький, / Де ж мій синок молоденький?»**; ...За обом кінь турецький, / На тім коню син козацький (...) / Летить ворон, сумно кричить, / Іде мати, ревно плаче, / Своім життям проклінає, / Свого сина не пізнає (Закувала зозуленька...).*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, украинское народно-песенное субпространство по-своему дополняет представление о лингвокультурологическом концепте «род / родство». Основными направлениями концептуальной мотивации в данных текстах являются ОДИНОЧЕСТВО, ПАМЯТЬ, ВСТРЕЧА, РАЗГОВОР, БЛАГОСЛОВЛЕНИЕ, ПРОЩЕНИЕ, ЗАБОТА, ОТЧУЖДЕНИЕ, ВОЛЯ-НЕВОЛЯ, ОТРЕЧЕНИЕ, РАССТАВАНИЕ, СМЕРТЬ, СУДЬБА и некоторые другие. Большую роль при этом играют предметные (этнокультурные, народно-поэтические), растительные, орнитологические, зоологические слова-символы, реже – мифемы.

В народно-песенной социально-бытовой лирике функционирование НР-фольклором – это одна из ключевых особенностей, поскольку именно повседневная бытовая лингвокультура является средой сохранения и продолжения, воспроизведения тех или иных обрядовых действий, ритуалов. В них актуализируются вторичные номинации-оценки НР, а также названия действий и взаимодействий членов семьи в ритуально-обрядовых текстах как репрезентантах высокого стиля в народной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові / Упоряд. О. М. Хмилевська. Київ: Музична Україна, 1967. 735 с. Далее в тексте будет указано: Українські народні пісні...

² Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості: пісні, прислів'я, загадки, скороговки / Упоряд. Н. С. Шумада. Київ: Веселка, 1989. 606 с. Далее в тексте будет указано: Закувала зозуленька...

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Гасанова Г. А., Набиева С. Г. Пареміологічні засоби вираження концепта «сім'я» в російській мовній картині світу // *Мир науки, культури, освіти*. 2019. № 3 (76). С. 445–446.
2. Голованова Е. И. Русский язык и традиционные ценности славянской культуры // *Известия ВГПУ. Гуманитарные науки*. 2015. № 1 (266). С. 153–155.
3. Костомаров Н. И. Славянская мифология. М.: Чарли, 1994. 688 с.
4. Кострубина Е. А. Типы концептов: гиперконцепт СЕМЬЯ–ДОМ // *Вестник Пермского университета*. 2010. № 6 (12). С. 51–57.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // *Русская словесность: Антология*. М.: Academia, 1997. С. 28–37.
6. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/nikitina/Contents_rus.htm (дата обращения 02.06.2019).
7. Николенко О. Ю. Лингвистическое изучение феномена родства // *Уральский филологический вестник*. 2012. № 3. С. 215–220.
8. Пименова М. В. Терминология когнитивной лингвистики: концептуальная система и концептуальная картина мира // *Термінологічний вісник*. 2013. Вип. 2 (1). С. 129–134.
9. Попова Л. Г., Головин А. С. О степени изученности лингвокультурного концепта «родство» в современном языкознании // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. 2012. № 11. С. 98–100.
10. Потехина А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.
11. Єрмоленко С. Я. Мовно-естетичні знаки української культури. Київ: Ін-т укр. мови НАН України, 2009. 352 с.
12. Жайворонок В. В. Антологія знаків української етнокультури: Словник-довідник. Київ: Наукова думка, 2018. 760 с.
13. Жайворонок В. В. Магія слова – обрядові мовні формули на етнокультурному тлі // *Мовознавство*. 2017. № 4. С. 49–58.
14. Жайворонок В. В. Мовні знаки української етнокультури в антропоцентричному висвітленні // *Мовознавство*. 2012. № 2. С. 58–64.
15. Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу. Київ; Івано-Франківськ: Плай, 2004. 248 с.
16. Макарець Ю. С., Сліпчук О. М. Концепти *рід, родина, сім'я* в мовній картині світу українців // *Філологічні науки*. 2013. Кн. 1. С. 75–78.

Поступила в редакцію 07.02.2020

Zhanna V. Marfina, PhD in Philology, Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, Lugansk People's Republic)
lib_inpu@ukr.net

CONCEPTUAL MOTIVATION OF KINSHIP TERMS IN THE UKRAINIAN FOLK SONG SUBSPACE

The research was carried out in the context of the current linguoculturological trend of modern linguistics. For the first time in East Slavic linguistics, the article presents a model of the conceptual analysis of the textual functions of kinship terms motivated by their lexical and grammatical connections in Ukrainian social and everyday song folklore. The linguoculturological content of the conceptual chains with core folkloremes (i. e. kinship terms) is modelled accordingly, taking into account the behaviour scenarios of a human being as a representative of their kin, determined by the specific socio-historical circumstances of certain categories, such as barge haulers, commercial carriers, wage workers, the Cossacks, etc. The analysis was based on the construction of conceptual chains, with a kinship term being a leading component. The said words (nouns, adjectives or verbs playing the role of predicates in the statements) helped to establish strong semantic relationships between the chains, which, after their decoding, expressed the axiological content of the statement as a whole. The words in question mainly determine the conceptual motivation of kinship terms in Ukrainian folk song texts. As a result of the study, it was observed that the conceptualization of the social motivation of relationships between a nuclear family members is reflected in the verbalizers of the concepts “alien-native”, “death-life”, “freedom-servitude”, “crying, tears”, “memory” and “parting-meeting”, with presentive, botanical and ornithological words-symbols playing a particular role. The principal conclusion is that while functioning in seasonal and family ritual folk songs kinship terms acquire the characteristics of folkloremes, and this is one of their key features. It is the everyday language culture that serves as a medium for preserving and continuing (reproducing) certain ritual actions

or rituals, which actualize the secondary evaluative nominations of kinship terms, as well as the names of actions and interactions of family members in ritual texts representing the high style in folk culture.

Keywords: kinship terms, folklore, word-symbol, folk song subspace, conceptual chain, conceptual motif

Cite this article as: Marfina Zh. V. Conceptual motivation of kinship terms in the Ukrainian folk song subspace. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 36–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.537

REFERENCES

1. Gasanova G. A., Nabieva S. G. Paremiological means of expression of a concept “family” in the Russian language picture of the world. *The World of Science, Culture and Education*. 2019. No 3 (76). P. 445–446. (In Russ.)
2. Golovanova E. I. The Russian language and traditional values of Slavic culture. *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University. Humanities*. 2015. No 1 (266). P. 153–155. (In Russ.)
3. Kostomarov N. I. Slavic mythology. Moscow, 1994. 688 p. (In Russ.)
4. Kostrubina E. A. Types of concepts: hyperconcept FAMILY-HOME. *Bulletin of Perm University*. 2010. No 6 (12). P. 51–57. (In Russ.)
5. Likhachev D. S. Concept sphere of the Russian language. *Russian literature: Anthology*. Moscow, 1997. P. 28–37. (In Russ.)
6. Nikitina S. E. Oral folk culture and language consciousness. Moscow, 1993. Available at: http://philologos.narod.ru/nikitina/Contents_rus.htm (accessed 02.06.2019). (In Russ.)
7. Nikolenko O. Yu. Linguistic studying of a phenomenon of relationship. *Ural Philological Bulletin*. 2012. No 3. P. 215–220. (In Russ.)
8. Pimenova M. V. Terminology of cognitive linguistics: conceptual system and conceptual picture of the world. *Terminologichnyi Visnyk*. 2013. Issue 2 (1). C. 129–134. (In Russ.)
9. Popova L. G., Golovin A. S. About degree of study the linguacultural concept “relationship” in the modern linguistics. *The Buryat State University Bulletin. Language. Literature. Culture*. 2012. No 11. P. 98–100. (In Russ.)
10. Potebnya A. A. Symbol and myth in popular culture. Moscow, 2000. 480 p. (In Russ.)
11. Єрмоленко С. Я. Мовно-естетичні знаки української культури. Київ, 2009. 352 с.
12. Жайворонок В. В. Антологія знаків української етнокультури: Словник-довідник. Київ, 2018. 760 с.
13. Жайворонок В. В. Магія слова – обрядові мовні формули на етнокультурному тлі. *Мовознавство*. 2017. № 4. С. 49–58.
14. Жайворонок В. В. Мовні знаки української етнокультури в антропоцентричному висвітленні. *Мовознавство*. 2012. № 2. С. 58–64.
15. Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу. Київ, Івано-Франківськ, 2004. 248 с.
16. Макарець Ю. С., Сліпчук О. М. Концепти *рід, родина, сім'я* в мовній картині світу українців. *Філологічні науки*. 2013. Кн. 1. С. 75–78.

Received: 7 February, 2020

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА СОКОЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики
Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Российская Федерация)
msok71@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗНЫХ ПОЛЕЙ «ТОПОЛЬ – ЧЕЛОВЕК» И «КЛЕН – ЧЕЛОВЕК» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Рассматриваются дендронимы *тополь* и *клен* в составе компаративных тропов в поэтических текстах XIX–XX веков с позиции образного поля. Впервые проводится разноаспектная сопоставительная характеристика образных полей «тополь – человек» и «клен – человек» по составу образных парадигм, по областям поля и актуализируемым семантическим признакам. При систематизации образных средств языка автор придерживается принципа семантического поля, идеографического принципа, теории воспроизводимости и парадигматичности поэтического образа. Выявляется состав образных парадигм в структуре рассматриваемых полей по общности образов сравнения: 1) «тополь / клен – поведение человека»; 2) «тополь / клен – социальные признаки человека»; 3) «тополь / клен – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»; 4) «тополь / клен – части тела человека»; 5) «тополь / клен – библейские, мифологические и т. п. существа»; 6) «клен – совокупности людей». Описывается структура рассматриваемых полей по областям поля (ядро, центр, периферия) на основе общего количества образов сравнения, количества повторяющихся образов сравнения и частотности их воспроизводимости в поэтических контекстах. Определяются семантические признаки, актуализируемые устойчивыми, повторяющимися образами сравнения, характеризующими обозначенные дендронимы: 1) общие признаки: ‘звук’ (*шептать*), ‘деятельность’ (*смотреть*, *слушать*, *ходить*), ‘состояние’ (*спать*), ‘форма’, ‘место расположения’ (*голова*); 2) специфические признаки дендронима *тополь*: ‘звук’ (*петь*), ‘деятельность’ (*бегать*), ‘признак’ (*сиротливый*, *ленивый*), ‘возраст’ (*молодой*), ‘форма’ (*высокий*, *стройный*), ‘форма’ и ‘место расположения’ (*глаза*, *руки*); 3) специфические признаки дендронима *клен*: ‘состояние’ (*тосковать*), ‘возраст’ (*старый*), ‘форма’ (*кудрявый*), ‘форма’ (*сердце*), ‘цвет’ (*кровавый*). Разработанная методика структурирования образных полей дендронимов *тополь* и *клен* в русской поэзии может быть применена к изучению образного потенциала других групп лексики семантического поля «Растения».

Ключевые слова: русская поэзия, дендронимы, тропы, образное поле, образная парадигма, поэтический образ, семантический признак, антропоморфизм

Для цитирования: Соколова М. Г. Сопоставительная характеристика образных полей «тополь – человек» и «клен – человек» в русской поэзии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 45–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.538

ВВЕДЕНИЕ

Тропеическое употребление языковых единиц является одним из важнейших семантических механизмов развития поэтического языка [9]. Именно в художественном тексте тропеизация приобретает самые широкие творческие возможности, становится мощным источником выразительности поэтического слова, необходимой составляющей эстетического потенциала слова [3].

В настоящее время в языкознании отмечается актуализация проблемы систематизации образных единиц поэтического текста. Об этом свидетельствует появление серии словарей поэтиче-

ского языка, построенных по принципу образных парадигм¹, гнезд тропов [5], денотативных множеств². В основе всех перечисленных объединений образных средств лежит семантическая полевая организация, предполагающая иерархическое строение (наличие больших и малых парадигм или гнезд, например, «дерево – человек»: «дерево – части тела человека») и семантические отношения между обозначениями реалий и их образными соответствиями (родовидовые, части и целого, «растения – жизненный цикл растений» и т. п.) [2], [11], [13].

Активно применяется полевой принцип при изучении идиостилей авторов [6], [7], [19]

и отдельных художественных произведений [15], [20], текстов различных дискурсов [4], [8]. В последнее время в лингвистических работах выделяется образное поле в связи с изучением авторских художественных картин мира [12], [18], метафорической картины мира в системе языка [14], [16], [23], в сопоставительном аспекте [22]. Несмотря на активное функционирование термина «образное поле» в научной литературе, отсутствует единство в его толковании, требуется также дальнейшая разработка методологии его применения в практике анализа художественного произведения, что и обуславливает актуальность предлагаемого исследования.

Предмет изучения в настоящей статье – дендронимы *тополь* и *клен* в составе компаративных тропов в поэтических текстах XIX–XX веков, рассматриваемые с позиции образного поля. Цель статьи – выявить структуру образных полей «тополь – человек» и «клен – человек» в русской поэзии XIX–XX веков в сопоставительном аспекте. Новизна предлагаемого исследования, в отличие от имеющихся публикаций автора, посвященных образным полям отдельных тематических сфер [17], заключается в комплексном описании образных полей двух дендронимов тематической сферы «Человек» в сопоставительном аспекте.

В предлагаемом исследовании при изучении образных полей дендронимов *тополь* и *клен* в русской поэзии XIX–XX веков мы придерживаемся принципа семантического поля [1], [10], [21], идеографического принципа систематизации образных средств языка, теории воспроизводимости и парадигматичности поэтического образа [11].

Под образным полем мы понимаем иерархическую структуру, состоящую из компаративных тропов, характеризующих общий денотат и актуализирующих общую образную парадигму. Компаративные тропы рассматриваются как «встреча образов двух разнородных (то есть не относящихся к одному роду) денотатов, частично перекрещивающихся своими признаками» [9: 167]. Образная парадигма понимается как устойчивая модель переноса признаков понятия из одной семантической сферы в другую [11]. Данная модель включает предмет сравнения (изображаемый денотат) и образ сравнения (денотат, признаки которого переносятся на изображаемый денотат). В образных полях единицами распределения по областям (ядро, центр и периферия) являются образные парадигмы как группы сходных образов сравнения, соотносимые с компаративными тропами.

Большие парадигмы являются наименованиями образных микрополей в рамках определенной тематической сферы и включают на основе тех или иных семантических отношений производные (частные) тропы, например: «тополь – части тела человека» – «тополь – нога, уши, язык» и т. п. Критериями распределения образных парадигм по областям семантического поля являются: общее количество образных соответствий, количество повторяющихся образных соответствий и частотность их воспроизводимости в поэтических контекстах.

Изучение образных полей дендронимов *тополь* и *клен* в поэтическом языке XIX–XX веков позволит, на наш взгляд, выявить особенности эстетического значения дендронимов, формируемого в контексте поэтических произведений на ассоциативно-образном уровне, а посредством этого понять общие и индивидуально-авторские закономерности поэтической картины мира.

Материалом для исследования послужили поэтические фрагменты, репрезентирующие компаративные тропы с дендронимами *тополь* и *клен* как предметами и образами сравнения тематической сферы «Человек», отобранные из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка³. Объем выборки составил 446 фрагментов с дендронимом *тополь* и 316 фрагментов с дендронимом *клен*.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗНЫХ ПОЛЕЙ «ТОПОЛЬ – ЧЕЛОВЕК» И «КЛЕН – ЧЕЛОВЕК» ПО СОСТАВУ ОБРАЗНЫХ ПАРАДИГМ

В структуре образных полей «тополь – человек» и «клен – человек» выделяется по 5 одинаковых парадигм (микрополей) по общности образов сравнения:

1) «тополь / клен – поведение человека»: *И грезит пруд, и дремлет тополь сонный* (А. А. Фет. Знакомке с юга. 1854); *Обнимается зеленый клен с сосной* (К. К. Случевский. На кладбище. 1860); *Неклену клен объясняет: «Хрупки вы, слабый народ!»* (К. К. Случевский. Черноземная полоса. 1883); *Пели над окнами клены* (И. А. Савин. «Пели над окнами клены...». 1922–1927); *Встрепенулись по заречью клены, / Отогнали сердце и пришли / К радостной воде* (А. А. Прокофьев. Утро. 1934); *Качался клен, крича от боли* (Н. А. Заболоцкий. Начало осени. 1928); *Для того и клены пляшут* (И. Л. Сельвинский. Клен. 1934); *Смотрит в комнату старый клен / И, предвидя нашу разлуку, / Мне иссохшую черную руку, / Как за помощью, тянет он* (А. А. Ахматова. Эпиграмм. 1940–1965) и др.;

2) «тополь / клен – социальные признаки человека»: *Вокруг зеленою семьею / Ряд стройных тополей стоит* (С. Я. Надсон. Христианка. 1878); *Клены длиннополые, как сваты* (А. А. Прокофьев. «По волнам, по дням,

по перекатам...». 1933); *Парней-кленов и девушек-вишен* / *Круг сходил к вечеру в дом* (В. В. Державин. Снеговая корчага. 1934); *Подростков-тополей чреду* (А. Т. Твардовский. Еще о Сибири. 1958) и др.;

3) «тополь / клен – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»: *Желтеет мой любимец, гордый клен* (В. К. Кюхельбекер. К брату. 1833); *Средь кленов девственных* (А. А. Фет. Сосны. 1854); *А нежный тополь, что шумел весной / В лазури утренней и пел про счастье, / Теперь дрожит под холодом ненастья* (Д. С. Мережковский. Вера. 1890); *Клены-смутьяны хрипят в облаках черного бунта* (С. В. Петров. «Накапливаясь по каплям, как детство...». 1934); *...и одинокий клен вздремнул, как инвалид* (С. В. Петров. «В пустом глазу, похожем на стакан...». 1939); *Зеленый клен шумит, подобен краснобаю* (С. В. Петров. «В безмыслии вещей я прозябаю...». 1943); *Тополь-ленивец, разбужен* (С. В. Петров. Рынок. 1940); *Тополь встал у забора, / Высокий, рыжебородый* (В. А. Луговской. На смерть друга. 1956); *Клен законный, взлохмачен и рыж!* (И. В. Елагин. «Какая-то чушь, какая-то блажь...». 1976–1982); «внешние признаки и внутренние качества и свойства человека – тополь / клен»: *Стройна под ношею своей, / Как тополь, царь ее полей!* (М. Ю. Лермонтов. Мцыри. 1839); *Она стройна, как гибкий клен* (А. А. Фет. «Она легка, как тонкий пар...». 1840); *И в Лувре океана дочь / Стоит прекрасная, как тополь* (О. Э. Мандельштам. Американка. 1913); *Был и я, как этот тополь, юн* (Вс. А. Рождественский. Без возврата. 1926); *Его сравнила с тополем высот* (А. П. Ладинский. «Пример солдата – верность, постоянство...». 1938) и др.;

4) «тополь / клен – части тела человека»: *Кудрявый мой тополь, с тобой нам равно тяжело / Склонить и погнуть перед силою ветра чело* (А. А. Григорьев. Тополю. 1847); *А тоска у прямящегося тополя / Звонит и звонит серебряными нервами* (К. А. Бальшаков. Шаги тревоги. 1914–1915); *Каждый стих / Глодается ушами тополей* (В. А. Момина. «В теплынь птиц...». 1923–1924); *Тополь по осень / Гордится Золотистой шевелюрой* (И. П. Уткин. Песня бодрости. 1927); *Тополя простирали к нам руки* (Е. Г. Полонская. Черный агат. 1930); *Сразу тополи стали глазастыми, / Растопырив ресницы впервые* (В. Ю. Янковская.

«Ночью я зачиталась нечаянно...». 1930); *И тычутся ветра холодные руки, / Хватаясь за головы тополей* (В. Т. Шаламов. «Кусты разогнутся с придушенным стоном...». 1937–1956); *Над головой в горбатых ветвях клена / Запуталась луна* (И. В. Елагин. «Усталый город пал в ночное лоно...». 1939–1953); *Целый день осыпаются с кленов / Силуэты багровых сердец* (Н. А. Заболоцкий. Осеннее утро. 1955); *Евангельский сюжет изображает клен – / Сиянье, золотое облаченье / И поворот лица, и головы наклон* (Д. Самойлов. «А иногда в туманном освещенье...». 1986); *И тополя, к спине спина* (М. Н. Айзенберг. «Вот пух: он так же сам собой...». 1991) и др.;

5) «тополь / клен – библейские, мифологические и т. п. существа»: *Тополи над спящими водами, / Как призраки, стоят* (А. Н. Плещеев. Странник. 1845); *Вот приходит осень / С цепью кленов голых, / Что шумит, как восемь / Чертенят веселых* (С. А. Есенин. Сказка о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве. 1925) и др.

К отличительным признакам образного поля «клен – человек» можно отнести наличие в его структуре еще одной парадигмы – «клен – совокупности людей»:

Что ломаются в комнату липы и клены, / Гудит и бесчинствует табор зеленый (А. А. Ахматова. «Опять подошли “незабвенные даты”...». 1944–1945); *Молоденькие клены, стоя в парах, / Все ветви устремили в высоту* (Е. Г. Полонская. Ранней весной на Неве. 1962) и др.

Как отмечалось выше, в состав каждого микрополя входят частные парадигмы, отражающие лексическое и формальное варьирование образного инварианта. С этих позиций представленные микрополя двух дендронимов в поэтическом языке отличаются по составу и количеству образов сравнения, по частотности их воспроизводимости. Покажем это на примере микрополей «тополь / клен – части тела человека» (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставительная характеристика микрополей «тополь / клен – части тела человека»

Table 1. Comparative characterization of the microfields «poplar / maple – human body parts»

Область поля	Общее количество образов сравнения (%)	Количество устойчивых образов сравнения (%)	Воспроизводимость образов сравнения (%)
1) «тополь – части тела человека»	11,5	1,6	«тополь – голова» – 5,4 «тополь – руки» – 4,3 «тополь – глаза» – 3,2
2) «клен – части тела человека»	6,9	2,6	«клен – кровь» – 13,4 «клен – голова» – 10,5 «клен – сердце» – 4,5

Образная парадигма «тополь – части тела человека» содержит 11,5 % образов сравнения, составляющих частные парадигмы на основе отношений части и целого: «тополь – брови, волосы, глаза, голова, грудь, жилы, кровавый, кровь, нервы, ноги, рана, ресницы, рот, руки,

походка, прическа, сердце, спина, тело, уши, чело, язык»:

Брови тополей изогнулись торчком (В. Г. Шершеневич. «Вы все грустнее...». 1913–1915); *А то, что у тополя жилы полопались* (Б. Л. Пастернак. После дождя. 1915–1928); *Как же сможешь ты тополю помочь?*

Чем залечишь ты его деревянные *раны*? (С. А. Есенин. Пугачев. 1921); *Как будто тополь, в ночь разлуки / Грозу качающий в груди* (Вс. А. Рождественский. «В столовой музыка и пенье...». 1923–1926); *И тополей неснящих, / Зеленых языков, / Шуришащих и дразнящих* (В. Т. Шаламов. «Неосторожный юг...». 1937–1956) и др.

Образная парадигма «клен – части тела человека» содержит 6,9 % образов сравнения в составе парадигм: «клен – голова, горло, кровь, ладонь, ноги, лицо, руки, сердце, уши»:

Стережет голубую Русь / Старый клен на одной ноге (С. А. Есенин. «Я покинул родимый дом...». 1918); *У жидких кленов / горлом / хлещет кровь* (Г. С. Семенов. В дремوتный лес. 1937–1941); *Клен, выведенный крупными листьями, вниз головою держится в воде* (А. С. Присманова. Клен. 1946); *Который человек не чувствовал родства с оторванной ладонью клена* (В. Б. Кривулин. «Который человек не чувствовал родства...». 1972) и др.

Рассматриваемый материал демонстрирует, что антропоморфный образ тополя оказывается более детализированным в поэтическом языке по количеству тропов, обозначающих части тела. В основе ассоциативного уподобления клена человеку часто находятся образы сравнения, имплицитные красный цвет («клен – кровь», «клен – сердце»), что связано с восприятием красных осенних листьев дерева, а также их формы. В то время как поэтическое изображение тополя основано на передаче сходства строения дерева и строения человека.

Из всех образов сравнения, составляющих анализируемые микрополя, к устойчивым, воспроизводимым в поэтическом языке относятся следующие: «тополь – голова» (повторяется у А. С. Пушкина, А. Н. Майкова, А. А. Григорьева, В. Т. Шаламова), «тополь – руки» (используют И. И. Доронин, Е. Г. Полонская, В. К. Обухов, А. Н. Николев (Егунов)), «тополь – глаза» (употребляют Б. Л. Пастернак, В. А. Моница, В. Ю. Янковская), «клен – кровь» (встречается у С. М. Городецкого, В. И. Нарбута, С. М. Соловьева, Г. С. Семенова, М. В. Щербакова, Д. Л. Андреева, М. И. Цветаевой), «клен – голова» (наблюдается у А. С. Хомякова, А. М. Добролюбова, С. А. Есенина, А. А. Прокофьева, Д. Самойлова, В. Т. Шаламова, А. С. Присманова), «клен – сердце» (воспроизводится у Н. А. Заболоцкого, А. А. Прокофьева, И. Л. Сельвинского). Регулярность их воспроизведения представлена в табл. 1.

В целом можно отметить, что образные поля «тополь – человек», «клен – человек» являются самыми продуктивными по общему количеству образов сравнения, характеризующих *тополь* и *клен*: 66 % (183) образов сравнения входят в состав поля «тополь – человек» и 58,3 % (116) –

в состав поля «клен – человек». Продуктивность тематической сферы «Человек» в качестве источника метафорических образов сравнения объясняется, по нашему мнению, несколькими факторами: реализацией принципа антропоцентризма в основе языковой и поэтической картин мира; онтологическими свойствами самих изображаемых реалий (например, сходством частей дерева и частей тела человека по форме, местоположению и т. п.); взаимосвязью дерева и человека в поэтических контекстах (так, дерево может выступать как собеседник лирического субъекта).

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗНЫХ ПОЛЕЙ «ТОПОЛЬ – ЧЕЛОВЕК» И «КЛЕН – ЧЕЛОВЕК» ПО ОБЛАСТЯМ ПОЛЯ И СЕМАНТИЧЕСКИМ ПРИЗНАКАМ

Представим структуру образного поля «тополь – человек». При этом ограничимся только распределением образных парадигм по областям поля, так как соответствующие иллюстративные примеры были приведены выше при описании состава образных полей. Ядерными являются образы сравнения двух парадигм по количественному критерию и по наличию устойчивых, регулярно воспроизводимых образов сравнения: «тополь – поведение человека» (52 % от общего количества образов сравнения в рамках тематической сферы «Человек»), «тополь – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека» (21,3 % от общего количества образов сравнения). Парадигма «тополь – поведение человека» включает следующие устойчивые, воспроизводимые в поэтическом языке образы сравнения с частотностью воспроизведения 52,7 %: «тополь – спать», «тополь – шептать», «тополь – смотреть», «тополь – слушать», «тополь – бегать», «тополь – петь», «тополь – кричать». В состав парадигмы «тополь – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека» входит 2 % устойчивых образов сравнения («тополь – высокий», «стройный / стройная – тополь», «молодой / молодая – тополь» и др.).

Центр поля представлен парадигмами, которые уступают ядерным парадигмам по критерию частотности воспроизводимости устойчивых образов сравнения. Из 14,2 % образов сравнения парадигмы «тополь – социальные признаки человека» к устойчивым относится 1 % с регулярностью воспроизводимости 6,4 % («тополь – монах», «тополь – одинокий / сиротливый»). Парадигма «тополь – части тела человека» содержит 11,5 % образов сравнения, из которых

устойчивыми является 1 % с регулярностью воспроизводимости 12,9 % («тополь – голова», «тополь – руки», «тополь – глаза»).

Парадигма «тополь – библейские, мифологические и т. п. существа» относится к периферии поля по общему количеству образов сравнения (1 %) и по уровню воспроизводимости устойчивых образов сравнения – «тополь – призрак» (3,2 %).

Охарактеризуем структуру образного поля «клен – человек». Ядро поля составляет парадигма «клен – поведение человека», включающая наибольшее количество образов сравнения (55,2 %), среди которых отмечаются следующие устойчивые образы сравнения с показателем частотности воспроизводимости в поэтическом языке 41,7 %: «клен – спать (дремать)», «клен – шептать», «клен – смотреть», «клен – печаль (тоска)», «клен – ходить».

Центр поля представляют парадигмы с меньшими показателями количества образов срав-

нения: «клен – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека» (23,3 %), «клен – части тела человека» (6,9 %), «клен – социальные признаки человека» (10,3 %). Частотности воспроизводимости устойчивых образов в составе данных парадигм составили 24 % («клен – кудри», «клен – старый», «клен – лохматый»), 28,5 % («клен – кровь», «клен – голова», «клен – сердце»), 5,9 % («лирический герой – клен»).

Остальные парадигмы «клен – совокупности людей» (3,4 %), «клен – библейские, мифологические и т. п. существа» (0,9 %) отнесены к периферии поля, так как они не содержат устойчивых образов сравнения и малочисленны по своему составу (количество образов сравнения указано в скобках). В структуре представленных образных полей выделяются как стереотипные, общие для двух дендронимов устойчивые образы сравнения, так и специфические, отражающие своеобразие растительных реалий. Их соотношение представлено в табл. 2.

Таблица 2. Сопоставительная характеристика устойчивых образов сравнения в составе образных полей «тополь / клен – человек»

Table 2. Comparative characterization of stable vehicles in the structure of the figurative fields «poplar / maple – human»

Общие образы сравнения	Образы сравнения, характеризующие дендроним <i>тополь</i>	Образы сравнения, характеризующие дендроним <i>клен</i>
«тополь / клен – спать» «тополь / клен – шептать» «тополь / клен – смотреть» «тополь / клен – голова» «тополь / клен – ходить»	«тополь – бегать» «тополь – петь» «тополь – говорить» «тополь – руки» «тополь – глаза» «тополь – высокий» «тополь – ленивый» «стройный / стройная – тополь» «молодой / молодая – тополь» «тополь – монах» «тополь – одинокий» «тополь – сиротливый» «тополь – призрак»	«клен – печаль» «клен – кровь» «клен – сердце» «клен – кудри» «клен – старый» «лирический герой – клен»

Рассмотрим семантическую структуру указанных дендронимов, включающую аспекты уподобления дерева человеку и универсальные (устойчивые, повторяющиеся в поэтическом языке) семантические признаки, актуализируемые образами сравнения в составе парадигм поля.

Общую для двух дендронимов семантическую структуру формируют следующие элементы: 'звук' (*шептать*), 'деятельность' (*смотреть*, *ходить*), 'состояние' (*спать*), 'форма', 'место расположения' (*голова*; ассоциация «тополь – голова» передает несколько признаков). Приведем необходимые иллюстративные примеры:

...главой качаясь сонной, / Заснули тополи
(А. Н. Майков. «Я в гроте ждал тебя в урочный час...». 1840–1841); *Дремлют тополя*... (С. Я. Надсон. «Посмотри в глаза мне, милый, веселее!...». 1885); *Под шепот кленов и берез* (М. Лохвицкая. Спящая. 1902–1904);

В час, когда задремлет клен (С. М. Соловьев. Пастораль. 1906); *В небо глядят тополя* пламеня (Е. И. Дмитриева. «Воздух такой ароматный, что даже...». 1921); *Где тополи – шепчут, / А люди – молчат* (В. Т. Шаламов. «На улице волки...». 1937–1956); *Я знал, / что осенью ночью / тополь по саду бродит* (В. А. Луговской. На смерть друга. 1956).

Семантическая структура дендронима *тополь* образуется признаками: 'звук' (*кричать*, *петь*), 'деятельность' (*бегать*), 'состояние' (*волнение*), 'признак' (*сиротливый*, *ленивый*), 'возраст' (*молодой*), 'форма' (*высокий*, *стройный*), 'цвет' (*темный*), 'форма', 'место расположения' (*глаза*, *руки* – ассоциации «клен – глаза / руки» передают несколько признаков). Например:

И помню я: как тополь стройный, / Во цвете лет, облечена / Красой и гордой, и спокойной, / Стояла царственно она (П. П. Ершов. Оправдание. 1846);

На глазах клена, липы, **тополя** / *Заживо погребен ручей?* (В. А. Моноина. «Дикая. Тихая...». 1923–1924); *...тополь на опушке хочет / Мне махнуть рукой* (И. И. Доронин. «На улыбку тихую зари...». 1926); *Раскачиваются тополя лениво, бормоча «засни»* (И. В. Юрков. «Станция тополей...». 1927); *Тополь пел* / «Веселый разговор» (А. А. Прокофьев. Разговор другого порядка. 1930); *Словно тополя юные ветви* (Е. Г. Полонская. Черный агат. 1930); *Как слепцы из каравана, / Разбежались тополя* (Н. А. Заболоцкий. Торжество земледелия. 1931); *Зябнет тополь сиротливый, / Стынут маленькие руки* (В. К. Обухов. Кукольная маркиза. 1933); *И тополя волнение / В расцветающем саду* (С. И. Липкин. Первое забвенье. 1943); *Цветут хлопковые поля / И великаны тополя* (А. А. Ахматова. Покорение пустыни. 1950); *И кричит в тумане тополь* (Д. Самойлов. Романтическая баллада. 1968).

Семантическая структура дендронима *клен* образуется признаками: ‘состояние’ (*тосковать*), ‘возраст’ (*старый*), ‘форма’ (*кудрявый, сердце* – ассоциация «клен – сердце» также передает уподобление по цвету), ‘цвет’ (*кровавый*). Проиллюстрируем сказанное примерами:

Багряный клен, кивая вдаль, с тоской отсюда рвется прочь (Андрей Белый. Ожидание. 1901); *Кудри кленов всклокочены / Вздохом ветра крылатым* (А. И. Тиняков. «Облака позолочены...». 1907); *И внятное молвит стареющий клен* (А. Д. Скалдин. «Рождается радость иная...». 1909); *И на кроваво опаленном клене / Связки лап зарезанных гусей* (В. И. Нарбут. «Снова август светлый и грустящий...». 1911); *Клен жуужжит, звонит и сыплет. Черно-красными сердцами* (И. Л. Сельвинский. Осень. 1923); *Сергун чудесный! клен мой златолистый!* (А. Б. Мариенгоф. Сергею Есенину. 1925).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемом исследовании проведена разноаспектная сопоставительная характеристика образных полей «тополь – человек» и «клен – человек» по составу образных парадигм, по областям поля и актуализируемым семантическим признакам.

По составу образных парадигм рассматриваемые поля формируются пятью микрополями, выделяемыми по общности образов сравнения: 1) «тополь / клен – поведение человека»; 2) «тополь / клен – социальные признаки человека»;

3) «тополь / клен – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»; 4) «тополь / клен – части тела человека»; 5) «тополь / клен – библейские, мифологические и т. п. существа». Специфику образного поля «клен – человек» составляет парадигма «клен – совокупности людей».

Перечисленные инвариантные метафорические модели, послужившие названиями микрополей, применительно к конкретному дендрониму отличаются по составу и количеству образов сравнения, по частотности их воспроизводимости, образуя ядерную, центральную и периферийную области полей.

Анализируемые образные поля являются самыми продуктивными для тропеической характеристики дендронимов. Данный факт объясняется прежде всего реализацией принципа антропоцентризма в основе языковой и поэтической картин мира, а также особенностями организации пейзажных описаний, в которых часто отмечается взаимосвязь дерева и человека. Кроме того, образные поля «тополь – человек», «клен – человек» репрезентируют общие (например, ‘звук’ (*шептать*), ‘деятельность’ (*смотреть, слушать, ходить*), ‘состояние’ (*спать*), ‘форма’ и ‘место расположения’ (*голова*)) и специфические признаки, характеризующие поэтические образы рассматриваемых растительных реалий.

Специфическими признаками, характеризующими поэтический образ тополя, являются: ‘звук’ (*петь*), ‘деятельность’ (*бегать*), ‘признак’ (*сиротливый, одинокий*), ‘возраст’ (*молодой*), ‘форма’ (*высокий, стройный*), ‘форма’ и ‘место расположения’ (*глаза, руки*) и др.

Семантическая структура дендронима *клен* образуется признаками: ‘состояние’ (*печаль*), ‘возраст’ (*старый*), ‘форма’ (*кудрявый, сердце*), ‘цвет’ (*кровавый*) и др.

Представленная в статье методология структурирования образных полей дендронимов *тополь* и *клен* в русской поэзии XIX–XX веков, по нашему мнению, может быть применена к изучению образного потенциала других групп лексик семантического поля «Растения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: В 2 т. Т. 2. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 896 с.

² Словарь языка поэзии: образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века / Н. Н. Иванова, О. Е. Иванова. М.: АСТ, 2004. 667 с.

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 06.12.2019). Все примеры приводятся по данному источнику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян и др.; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33–75.
2. Иванова Н. Н. Поэтический язык XIX–XX вв. Лексикографический аспект изучения // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / В. П. Григорьев, И. И. Ковтунова, О. Г. Ревзина и др.; Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1990. С. 46–56.
3. Иванян Е. П., Иванова П. С. Прием смешения средств разных стилей в окказиональных сравнениях художественного текста // Наука и культура России. 2016. Т. 1. С. 155–158.
4. Илюхина Н. А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара: Самарский университет, 1998. 204 с.
5. Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 448 с.
6. Маркелова В. М. Словообразовательное гнездо «Тревога» как центр одноименного лексико-семантического поля в лирике А. А. Блока // Вестник КГУ. 2009. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnoe-gnezdo-trevoga-kak-tsentr-odnoimennogo-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lirike-a-a-bloka> (дата обращения 18.12.2019).
7. Матвеева Е. Н. Функционально-семантическое поле художественного текста (на примере ФСП «Цветы» в творчестве Игоря Северянина) // Ученые записки Благовещенского государственного педагогического университета. 2005. Т. 22. Гуманитарные науки. Ч. 2. С. 65–79.
8. Михайлова М. Ю. Характеристика поля семантики невыразимого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68). С. 156–158.
9. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 819 с.
10. Новиков Л. А. Семантическое поле // Современный русский язык: Учебник для филологических специальностей высших учебных заведений / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Азбуковник, 1997. С. 265–269.
11. Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Азбуковник, 2004. 527 с.
12. Пак И. Я. Концепт Растение в поэзии 20 века // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: Материалы VIII Всерос. науч. семинара, 21 апр. 2006 г. / Под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2006. С. 30–34.
13. Петрова З. Ю. Семантическая сочетаемость классов метафор и сравнений в языке художественной литературы (классы «Ткани, изделия из тканей» и «Человек») // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы / Под общ. ред. М. Л. Ремнёвой и О. В. Кукушкиной. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 158–159.
14. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-fragment-russkoy-yazykovoy-kartiny-mira-idei-metody-resheniya> (дата обращения 13.12.2019).
15. Романовская С. В. Ключевые семантические поля в художественном тексте // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междунар. конф.: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Е. И. Диброва. М.: Московский гос. открытый пед. ун-т, 1998. С. 347–349.
16. Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. СПб.: Наука, 1993. 150 с.
17. Соколова М. Г. Полевая структура образной парадигмы «тополь – предмет» в русской поэзии XVIII–XIX веков // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018: Междунар. науч. конф. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 240–244.
18. Соколова Ю. В. Образные поля с левым компонентом человек в «северной трилогии» Е. И. Замятина // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 198–202.
19. Тарасова И. А. К вопросу вычленения семантических полей в поэтической картине мира // Актуальные проблемы лексикологии и стилистики: Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. С. 143–148.
20. Тюрин В. Б. Лексико-семантическое поле «Родина» в лирике Н. М. Рубцова: общий взгляд // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2013. № 3 (13). С. 71–77.
21. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.
22. Шерина Е. А. Языковая метафора семантического поля «Погодные явления» в аспекте языковой картины мира (сопоставительный анализ лексики русского и английского языков) // Фундаментальные исследования. 2013. № 4-3. С. 752–756 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31271> (дата обращения 13.12.2019).

23. Юрина Е. А. Лексическая структура ассоциативно-образного семантического поля // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Культурология. Филология. 2003. № 277. С. 198–204 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-struktura-assotsiativno-obraznogo-semanticheskogo-polya> (дата обращения 13.12.2019).

Поступила в редакцию 18.12.2019

Marina G. Sokolova, PhD in Philology, Togliatti State University
(Togliatti, Russian Federation)
msok71@mail.ru

COMPARATIVE CHARACTERIZATION OF THE FIGURATIVE FIELDS “POPLAR – HUMAN” AND “MAPLE – HUMAN” IN RUSSIAN POETRY

The article studies the dendronyms *poplar* and *maple* as parts of comparative tropes in the poetic texts of the XIX and XX centuries from the figurative field perspective. This is the first-of-its-kind comparative multi-aspect characterization of the figurative fields “poplar – human” and “maple – human” based on such criteria as the composition of figurative paradigms, field areas, and actualized semantic features. When systematizing the figurative means of language, the author adheres to the semantic field principle, ideographic principle, and the theory of reproducibility and paradigmaticism of poetic images. The composition of figurative paradigms in the structure of the studied fields is revealed through the similarity of the vehicles: 1) “poplar / maple – human behavior”; 2) “poplar / maple – social features of a human”; 3) “poplar / maple – external features and internal qualities and properties of a human”; 4) “poplar / maple – human body parts”; 5) “poplar / maple – biblical or mythological creatures, etc.”; 6) “maple – groups of people”. The structure of the studied fields is described by the field areas (core, center, periphery) on the basis of the total number of vehicles, the number of repeated vehicles, and the frequency of their reproduction in poetic contexts. The semantic features actualized by the stable, repeated vehicles characterizing the said dendronyms are identified: 1) general features (‘sound’ (*whisper*), ‘activity’ (*watch, listen, walk*), ‘state’ (*sleep*), ‘shape’ and ‘location’ (*head*)); 2) specific features of the dendronym *poplar* (‘sound’ (*sing*), ‘activity’ (*run*), ‘characteristic’ (*lonely, lazy*), ‘age’ (*young*), ‘shape’ (*high, slender*), ‘shape’ and ‘location’ (*eyes, hands*)); 3) specific features of the dendronym *maple* (‘action’ (*bow*), ‘age’ (*old*), ‘shape’ (*curly*), ‘shape’ (*heart*), ‘color’ (*crimson*)). The developed methodology of structuring the figurative fields of the dendronyms *poplar* and *maple* in Russian poetry can be applied to the study of the figurative potential of other groups of words within the semantic field “Plants”.

Keywords: Russian poetry, dendronyms, tropes, figurative field, figurative paradigm, poetic image, semantic characteristic, anthropomorphism

Cite this article as: Sokolova M. G. Comparative characterization of the figurative fields “poplar – human” and “maple – human” in the Russian poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 45–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.538

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Basic principles and concepts of systemic lexicography. *Linguistic picture of the world and systemic lexicography*. (Yu. D. Apresyan, Ed.). Moscow, 2006. P. 33–75. (In Russ.)
2. Ivanova N. N. The poetic language of the XIX and XX centuries. Lexicographic aspects of the study. *Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Poetic language and idiosyncrasy: General questions. Sound organization of the text*. (V. P. Grigor'ev, Ed.). Moscow, 1990. P. 46–56 (In Russ.)
3. Ivanyan E. P., Ivanova P. S. Mixing of means of different styles in occasional comparisons of the literary text. *Russian Science and Culture*. 2016. Vol. 1. P. 155–158. (In Russ.)
4. Ilyukhina N. A. Image from the lexico-semantic perspective. Samara, 1998. 204 p. (In Russ.)
5. Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. Materials for the dictionary of metaphors and similes in Russian literature of the XIX and XX centuries. Vol. 3. Plants. Moscow, 2015. 448 p. (In Russ.)
6. Markelova V. M. The derivational nest “Anxiety” as the center of the same lexico-semantic field in Alexander Blok's poetry. *Vestnik of Kostroma State University*. 2009. No 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnoe-gnezdo-trevoga-kak-tsentr-odnoimennogo-leksiko-semanticheskogo-polya-v-lirike-a-a-bloka> (accessed 18.12.2019). (In Russ.)
7. Matveeva E. N. Functional semantic field of the literary text (illustrated by the functional semantic field “Flowers” in Igor Severyanin's poetry). *Proceedings of Blagoveshchensk State Pedagogical University*. 2005. Vol. 22. Humanities. Part 2. P. 65–79. (In Russ.)
8. Mikhaylova M. Yu. Semantic field of the inexpressible. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2017. No 2-2 (68). P. 156–158. (In Russ.)
9. Nikitin M. V. Course in linguistic semantics: Textbook. St. Petersburg, 2007. 819 p. (In Russ.)

10. Novikov L. A. Semantic field. *Modern Russian language: Textbook for linguistic majors of higher educational institutions*. Moscow, 1997. P. 265–269. (In Russ.)
11. Pavlovich N. V. Language of images: paradigms of images in the Russian poetic language. Moscow, 2004. 527 p. (In Russ.)
12. Pak I. Ya. The Plant concept in the twentieth-century poetry. *Artistic text: Word. Concept. Meaning: Proceedings of the VIII all-Russian research seminar*. Tomsk, 2006. P. 30–34. (In Russ.)
13. Petrova Z. Yu. Semantic compatibility of the classes of metaphors and similes in the language of fiction (the classes “Textiles, textile products” and “Man”). *Russian language: historical destinies and modernity: VI International Congress of Researchers of the Russian Language (Moscow, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 20–23 March 2019): Proceedings*. Moscow, 2019. P. 158–159. (In Russ.)
14. Rezanova Z. I. Metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: ideas, methods, solutions. *Tomsk State University Journal. Series: Philology*. 2010. No 1 (9). P. 26–43. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-fragment-russkoy-yazykovoy-kartiny-mira-idei-metody-resheniya> (accessed 13.12.2019). (In Russ.)
15. Romanovskaya S. V. Key semantic fields in the literary text. *Semantics of language units: Proceedings of the VI international conference*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1998. P. 347–349. (In Russ.)
16. Sklyarevskaya G. N. Metaphor in the system of language. (D. N. Shmelev, Ed.). St. Petersburg, 1993. 150 p. (In Russ.)
17. Sokolova M. G. Field structure of the figurative paradigm “poplar – subject” in Russian poetry of the XVIII and XIX centuries. *The rational and the emotional in the Russian language – 2018: Proceedings of the international scientific conference*. Moscow, 2018. P. 240–244. (In Russ.)
18. Sokolova Yu. V. Figurative fields with a left component “Man” in the “Northern Trilogy” by E. I. Zamyatin. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2011. No 3. Vol. 1 (Humanities). P. 198–202. (In Russ.)
19. Tarasova I. A. The isolation of semantic fields in the poetic picture of the world. *Contemporary issues of lexicology and stylistics: Interuniversity collection of research papers*. Saratov, 1993. P. 143–148. (In Russ.)
20. Tyurin V. B. Lexical-semantic field of “homeland” in the lyrics of N. M. Rubtsov: general view. *Bulletin of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2013. No 3 (13). P. 71–77. (In Russ.)
21. Ufimtseva A. A. Word in the lexico-semantic system of language. Moscow, 1968. 272 p. (In Russ.)
22. Sherina E. A. Language metaphor of the semantic field “Weather conditions” in the aspect of the language worldview (comparative analysis of Russian and English lexis). *Fundamental Research*. 2013. No 4-3. P. 752–756. Available at: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31271> (accessed 13.12.2019). (In Russ.)
23. Yurina E. A. Lexical structure of associative figurative semantic field. *Tomsk State University Journal. Series: Philosophy. Culturology. Philology*. 2003. No 277. P. 198–204. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskaya-struktura-assotsiativno-obraznogo-semanticheskogo-polya> (accessed 13.12.2019). (In Russ.)

Received: 18 December, 2019

ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА ШКУРАН

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий филологического факультета

Луганский государственный педагогический университет (Луганск, Луганская Народная Республика)

oksana.shkuran@mail.ru

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА *НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ ЖИВ ЧЕЛОВЕК* НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-, МЕДИАДИСКУРСА

Представлен широкий спектр десакральных смыслов с иллюстрацией эмпирического материала к библейскому выражению *Не хлебом единым жив человек* в интернет-, медиадискурсе. Исследование построено на диахроническом срезе – от толкования библейского текста до коммуникативного намерения участников диалога трансформировать семантику библеизмов в медиaprостранстве, иллюстрируя ядерные и периферийные значения данных языковых единиц. Исследуемый библеизм прямо восходит к тексту Священного Писания и становится частью фразеологического фонда современного русского языка. Контекстуальный анализ позволяет выявить национально-специфические черты концептосферы библеизма, рассмотреть роль библейской духовной культуры в современном интернет-, медиaprостранстве. Нас интересует культурно-познавательный, эмоционально-экспрессивный, регулятивный, развлекательно-гедонистический, потребительский эффект десакральных смыслов для оформления текстового и иконического языкового пространства, несущие особую прагматическую нагрузку. В целом интернет-, медиадискурс иллюстрирует десакрализацию библеизма *Не хлебом единым жив человек*, что провоцирует деструктивные процессы в формировании языкового вкуса эпохи.

Ключевые слова: Библия, библейская фразеологическая единица, языковая сакрализация, языковая десакрализация, семантическая трансформация, интернет-, медиадискурс, деструкция языковой личности

Для цитирования: Шкуран О. В. Десакрализация библейского фразеологизма *Не хлебом единым жив человек* на материале интернет-, медиадискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.539

ВВЕДЕНИЕ

Между православием и русским языком всегда существовала сложная взаимосвязь, поскольку через религиозные тексты язык наполнялся важными смыслами, формируя систему культурных ценностей и стереотипов. Сегодня Библию можно считать культурным наследием всего христианского мира, творческий неиссякаемый потенциал которой вдохновляет на чтение и исследование библейских сюжетов и крылатых выражений. По мнению Е. М. Верещагина, Библия занимает выдающееся, уникальное место и сравниться с ней не может ни одна книга. О влиянии библейских текстов на культуру многих народов пишут З. Косидовский, М. Фрезер, А. Емельянова, А. Григорьев, Я. Пеликан и др., иллюстрирующие цитирование библейских выражений с разной коннотацией, что трансформирует сакральность внутреннего содержания. В русской православной церкви языком богослужения по-

прежнему является церковнославянский, послуживший языком адаптивного перевода Библии с греческого и приблизившийся к русскому литературному и народному языку. Впервые полный перевод Библии на русский язык был издан и утвержден Священным синодом в 1876 году, а на шестьдесят лет раньше свет увидел перевод евангельского текста.

Многие библейские выражения употреблялись в церковнославянской форме, а позже интерпретировались и принимали форму русского литературного или народного языка. Поэтому одновременно в речи русских людей могли употребляться две формы, что свидетельствует о фонетических и грамматических изменениях. По мнению В. Г. Гака, «специфичность проявляется именно в сочетании книжно-церковного и разговорного (навеянного во многом кальками с европейских языков) начал, значительно обогатившем фонд русских библеизмов» [19].

Материал «Толкового словаря библейских выражений и слов»¹ показывает, что русские библеизмы представлены именно в этих двух ипостасях, связанных как с историей книжной культуры на Руси, так и историей русского языка послепетровского периода.

Предметом нашего исследования является библейская фразеологическая единица (БФЕ) *Не хлебом единым жив человек*, подвергшаяся семантическим трансформациям, которые спровоцировали десакрализацию данного устойчивого выражения.

Цель статьи – исследование в интернет-, медиадискурсе смыслового акцента на десакрализацию и создание «новояза» *Не хлебом единым жив человек*.

В соответствии с целью данной работы применялись лингвистические методы анализа словарных дефиниций, интерпретативного и контекстуального анализа.

БИБЛЕИЗМ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТОВ

Библеизмы – языковые устойчивые единицы, сохраняющие в сознании людей христианскую мысль, образы и символы. Библейские крылатые выражения представляют собой значительный массив в современных литературных языках. Обладая способностью функционировать наряду с другими языковыми единицами, они являются носителями сакральной информации, которая может быть расшифрована в любой момент при обращении языкового сообщества к Писанию и интерпретироваться в профанизованном дискурсе. Понятие *библеизм*, по словам польского лингвиста В. Хлебда, «понимается скорее интуитивно, так как вопрос о границах библейской фразеологии и содержании корпуса библейских фразеологизмов остался открытым». Причиной этого являются два порога понимания – «библейскости» и «фразеологичности» [17].

В современной российской фразеологии параллельно используются следующие термины, номинирующие понятие *библеизм*: *библейские слова* (Н. Николаюк), *библейские изречения* (А. В. Медведев), *библейские выражения* (А. К. Бирих, Й. Матешич), *библейские крылатые слова, крылатые выражения* (А. К. Бирих, Й. Матешич, В. Л. Ширяев, С. Г. Шулежкова), *библейские обороты, библейские цитаты* (Е. М. Верещагин), *библейские фразеологизмы* (В. Г. Гак, Л. М. Грановская, И. Гури, К. Н. Дубровина, Л. В. Жильцова, Л. Г. Кочедыков), *фразеологические библеизмы* (В. М. Мокиенко, Т. М. Шихова), *библейские фразеологические*

единицы (Ю. А. Гвоздарев, В. А. Мендельсон), *фразеологические единицы, восходящие к Библии* (З. И. Семенова), *фразеологические единицы / фразеологизмы библейского происхождения* (В. Г. Дидковская, Г. А. Лилич, Т. И. Кошелева, А. О. Жолобова, Е. П. Прокофьева, Я. С. Зайцева), *коммуникативные фрагменты* (К. С. Суслова), *библейская реминисценция* (Ю. Т. Листрова-Правда) [8: 25].

Несмотря на своеобразную «лингвистическую» моду, коснувшуюся библейской фразеологии, проведение многочисленных исследований, предпринятых в этом направлении, до настоящего времени до конца так и не сформирован терминологический аппарат понятия *библеизм*. Приведем несколько примеров: А. Коморницка использует словосочетание «библейские аллюзии»², подразделяющееся с формальной точки зрения на эпитеты, сравнения, метафоры, обороты пословичного характера, пословицы, слова, имеющие библейско-религиозную «ауру», а с точки зрения смыслового содержания – на определения, возникшие от имени соответствующих лиц, определения, произошедшие от эпитетов к вымышленным персонажам, обороты, соотносимые с событиями и ситуациями, слова и учения, непосредственно переданные Яхве и Христом, цитаты из рассказов Моисея, Евангелистов, Павла, обороты, не дословно воспроизводящие текст Библии, но непосредственно связанные с ее содержанием. Ю. А. Гвоздарев библеизмом называет закрепившееся в русском языке выражение, состоящее из нескольких слов, регулярно воспроизводимое, детерминированное семантически и лексически библейским текстам [2: 26]. Л. П. Гашева определяет статус библейских единиц, восходящих к Ветхому и Новому Заветам, типа *сотворение мира, свет божий, умывать руки*, а также такие, «которые не являются дословным переводом тех словосочетаний, которые непосредственно представлены в тексте Библии, но так или иначе связаны с библейскими сюжетами, событиями, героями, притом эта связь может быть не только прямой, но и ассоциативной» [18]. В немецкой лексикографической традиции описываются библейские пословицы, поговорки, крылатые слова и *Bibelworte*, определяемые в словаре Г. Варига как часто цитируемые изречения из Библии³. К. Н. Дубровина библейские фразеологизмы называет устойчивыми воспроизводимыми в речи, раздельно оформленными библейскими оборотами, которые, как правило, обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными

характеристиками и имеют переносные значения (метафорические, символические, аллегорические, обобщенно-образные)⁴. Некоторые ученые отождествляют понятия *библейзм* и *церковнославянизм*, а В. В. Колесов считает, что не все библейзмы проникли из церковнославянского в современный русский язык, он выявляет другой путь проникновения – учительная литература (церковные поучения и слова) [5].

В качестве рабочего мы будем использовать термин *библейская фразеологическая единица* – устойчивое сочетание слов, обладающее целостным значением и восходящее по своему происхождению к Библии. К числу БФЕ мы не относим собственно библейзмы – отдельные слова, восходящие к текстам Священного Писания, в том числе топонимы (*Вавилон, Назарет* и др.), антропонимы (*Ной, Каин* и др.), которые имеют прецедентный характер, но односложны и являются *крылатыми словами* [8: 25].

Количественный состав БФЕ до настоящего времени окончательно не определен и зависит от понимания объемов библейской фразеологии. По подсчетам А. В. Григорьева, в русском языке к Библии восходит свыше 200 ФЕ [3], С. Г. Шулержкова указывает на более чем 800 единиц (включая крылатые) [16], в «Словарь иноязычных выражений и слов» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова⁵ включено почти 140 иноязычных библейзмов. Составители современных словарей фиксируют паремии, крылатые выражения, перифразы – все устойчивые единицы, восходящие к Библии, поэтому количественный состав представлен большим числом единиц. Например, «Толковый словарь библейских выражений и слов» В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкиной содержит около 2000 единиц [12].

Иногда связь с Библией как источником образования ФЕ условна. Такие языковые единицы были названы *псевдобиблейзмами* (В. Хлебда), максимально проявляющими национальное своеобразие любого языка. М. Малкерова называет их ложными библейзмами, также этимологически не связанными с текстом Библии единицами. Напр.: Х. Краусс считает выражение *Не рой другому яму, сам в нее попадешь* библейзмом, полагая, что оно возникло на основе библейского текста, что, по словам В. Мокиенко, неверно. Ученый на обширном материале аргументированно доказал, что

«историю пословицы *Не рой другому яму, сам в нее попадешь* <...> нельзя прямо возводить к соответствующим местам в Библии. В то же время нельзя и отрицать, что на ее активизацию в литературных языках библейские тексты повлияли весьма значительно»⁶.

Пословица *Не рой другому яму, сам в нее попадешь* восходит к древнему выражению, которое было употреблено в тексте Библии и многократно встречается в нем. Поскольку она возникла задолго до появления Библии, то относить ее к библейзмам, возводя к библейскому тексту, было бы ошибочно. Причислить же пословицу к данной единице нам позволяет факт значительного влияния библейского текста на ее активизацию в литературных языках [10].

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ БИБЛЕИЗМОВ – ОДИН ИЗ ПРОЕКТОВ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОГО «НОВОЯЗА» В ИНТЕРНЕТ- МЕДИАДИСКУРСЕ

Кардинальная переоценка сакральных идеалов произошла в цивилизации Запада в эпоху Нового времени и привела к неоднозначным последствиям в морально-нравственном плане. Именно в это время стали складываться альтернативные ценности, противопоставленные религиозной системе. Эта «новая мораль» определила облик современного мира. Объявляя войну идее «Бога», мыслители эпохи Просвещения поставили во главу идею человека, который не облагорожен и не просветлен духовным опытом. Такая позиция привела к великим научным открытиям, но отсутствие целостных знаний о человеке способствовало формированию ущербности духовного человека. Уделяя внимание телесной природе человека, ученые Нового времени отбросили многовековую идеалистическую традицию, восходящую к Сократу, Платону, Аристотелю, утверждающую превосходство духовно-душевного над телесным началом. В средние века традиция нашла воплощение в христианской этике и философии. Поднимая человека на высочайший уровень как образ Божий, христианство поставило задачу глубокого совершенствования человеческой природы для того, чтобы довести ее до подобия Божьего. Об этом сказано в Евангелии: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Матв. 5:48)⁷. Евангелие дало возможность человеку русской культуры приобщиться к сфере сакрального, подняться над своей телесной природой и обрести собственную личность через единение с Богом. Знаменитый физиолог А. А. Ухтомский писал: «Бог – это центральная идея, с которой носится человек в истории. Вся история – ряды человеческих попыток осуществить Бога»⁸.

Со времен Просвещения был определен горизонтальный вектор развития эмансипированного личного «я» в сторону биологического и социального направления. Сакральное становится

объектом изучения и тематизируется именно в результате того, что происходит определенная десакрализация языкового пространства, и прежде незбылемые религиозные истины, предполагающие веру в сакральный характер определенных идеалов, теряют свою ценность. Это явление связано не только с изменением общественной идеологии, произошедшим в эпоху Просвещения, но и с формированием принципиально нового дискурса, определяющего общественное сознание современного русского мира. Учитывая, что понятие сакрального на протяжении длительного времени было предметом исследования теологии, философии, социологии, современное языкознание нуждается в необходимости рассмотрения установления категориального статуса языковой сакрализации и языковой десакрализации. Бинарная оппозиция «сакральное (священное) – профанное (десакральное, обмирщенное)» является ключевой для выделения сакрального [15: 204–206]. Современный социолог В. И. Гараджа отмечает необходимое сосуществование сакрального и профанного как неразделимых, изолированных, необходимых сил для человеческого творчества [1: 103].

По нашему мнению, *языковая сакрализация* – это универсальная метакатегория, определяющая ценностно-смысловое существование гуманитаристики в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которых присутствуют вера и доверие к Богу и миру [14: 159].

Языковая десакрализация – это утрата значимости и глубокого священного содержания в семантике слов, словосочетаний и фразеологических оборотов с целью обмирщения понятий и их светское обесценивание в средствах массовой информации и в устной речи носителей языка, стимулирующие переориентацию на другие ценности и «святыни» и способствующие деструктивному процессу высших ценностей личности.

В качестве рабочего мы будем использовать термин «десакрализация библеизмов» – это секуляризированная популяризация библейских фразеологических единиц с более низким ценностным регистром в современном дискурсе с целью актуализации того семантического сегмента, который необходим адресанту в коммуникации.

РОЛЬ БИБЛЕИЗМОВ В СОЗДАНИИ «НОВОЯЗ» В ИНТЕРНЕТ-, МЕДИАДИСКУРСЕ

Актуальным объектом лингвистических исследований давно уже стал интернет-, медиадискурс, поскольку повышенная экспрессивность языка и быстро развивающиеся новые формы

общения оказывают значительное влияние на систему ценностей и языковую культуру личности. Динамические процессы в современном русском языке подстегиваются устной и письменной речью радио, телевидения, цифрового телевидения, Всемирной паутины. Эти многофункциональные информационные каналы, потребляемые миллионами пользователей, вносят явные и скрытые заимствования, создают новое, вымещая старое, хаотично смешивают литературные нормы с ненормативными словами, демократично вынося это в живой национальный язык. Такой процесс стимулирует наращивание социокультурных моделей библейских текстовых манифестаций и необходимость создания лингвистических комментариев к тем или иным структурным элементам. Поэтому в качестве наблюдателей лингвисты фиксируют «активные процессы языкового развития» [11: 168] и формирования «языкового вкуса эпохи» [6].

Язык интернет-, медиадискурса определяется прежде всего прагматическими закономерностями речевого воздействия и разделяет языковые единицы на сугубо интеллектуальные, содержащие рациональную информацию, и предназначенные для регуляции человеческого поведения [4: 124]. Основными направлениями изучения функций фразеологии в языке средств массовой информации (И. С. Губенко, С. Г. Капралова, М. С. Харлицкий и др.) являлись анализ различных видов трансформаций фразеологизмов, классификация случаев их ошибочного употребления на фоне литературной нормы, исследование роли общетехнической терминологии и интернационализмов как источника пополнения фразеологического состава.

Оценивая роль БФЕ, нельзя констатировать ее высокую употребительность в этих текстах вообще, однако она представляет целую событийную когнитивную прагмему-схему, которая хранит не только информацию-первоисточник, но и функционирование библейского образа в культуре. Их частотность употребления зависима от функциональной заданности текста, от его тематического и идейного сюжета и от его социальной направленности. БФЕ чаще всего концентрируются в кульминационных местах текста, где требуется максимальная мобилизация всех эмоционально-экспрессивных средств. Библеизмы в современном дискурсе являются своеобразным центром притяжения внимания адресата, смысловой доминантой.

Этот тезис можно проиллюстрировать названиями популярных форумов с БФЕ *Не хлебом единым жив человек*, где двойная актуализация

устойчивого выражения еще раз показывает авторский замысел «администраторов» привлечь внимание пользователей социальных сетей и веб-форумов и увлечь путем изменения внутренней формы и образа евангельского текста. Авторами форума улавливается один из основных семантических сегментов: «хлеб – это не единственный продукт питания, необходимый для полноценной жизнедеятельности». Дефокусируется другой сегмент: человек живет не только материальными благами, но и духовной необходимостью в общении с Богом. В результате номинация приобретает коннотацию понятия ненасытности человеческой природы и увеличения телесных потребностей. Древнеримский поэт-сатирик Ювенал в 10-й сатире обличал действующую власть в инициации данной потребности: *Этот народ уж давно... все заботы забыл, и Рим, что когда-то Все раздавал: легионы, и власть, и ликторов связи, Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает: Хлеба и зрелищ!* Римские императоры действительно для поддержания политической власти раздавали гражданам деньги, продукты и устраивали цирковые представления, надеясь на отвлечение внимания населения от государственной политики. Таким образом, мы можем проследить процесс десакрализации БФЕ в течение определенного времени.

Современные интернет-, медиадискурсы иллюстрируют семантические изменения вышеназванной БФЕ и отражают формирование представлений об окружающей действительности, напр. *Не хлебом единым будет жив человек, но всяким маслом на него намазанным*⁹. Форум рассчитан на общение юных участников, у которых в приоритете потребительские желания, приносящие удовольствие от жизни. Метафорически *масло на этом насущном хлебе* – это не духовная пища, а материальные потребности: новый ноутбук, наушники, модная сумка, смартфон и т. д. Данный дискурс вуалирует чрезмерную субъективацию и как следствие – увеличивает долю семантической десакрализации.

Медiateкст *Не хлебом единым живет человек. Но жизни без хлеба не мыслит*¹⁰ представляет результаты деятельности Международной выставки «Хлебное и кондитерское дело», организованной в Белоруссии, где были показаны изысканные кондитерские изделия, основой которых являются изделия из пшеничной, ржаной, кукурузной муки. Материалы сопровождаются красочными фотографиями пошагового приготовления хлебобулочных и кондитерских изделий. Данная трансформация в статье жур-

налистики в буквальном смысле утверждает необходимое наличие хлеба и его разновидностей в рационе питания. Глагольная форма *живет* приобретает другие временные рамки в отличие от оригинала *жив*, а семантическое наращивание при помощи лексемы *мыслит* иллюстрирует свойство интеллектуализации нового библейского выражения. Оригинальная игра лексем создает «идеальную среду и одновременно идеальное средство для формирования сообществ» [13: 65], у которых вырабатывается свой язык общения.

Следующее интернет-сообщество *Не хлебом единым живет мужчина. И булочки сдобной вкусить витамины мечтает*¹¹ создает свой сетевой язык, в котором булочкой сдобной называют женщину со свободными взглядами на интимную жизнь, не связывающую себя узами брака и не признающую моногамность женской природы. Данное название интригует, интимизирует, удерживает внимание и прогнозирует дальнейшую коммуникацию с дескриптивной (ярко объясняющей) целью. Неформальная лексема *булочка* создает иронический эффект на основе вторичной номинации, в результате чего рождается интернет-метафора в составе БФЕ.

Интернет-публикации с номинациями, имеющими расширенный компонентный состав с гастрономической коннотацией, иллюстрируют формирование индивидуально-авторских смыслов и трансформации лексем, обусловленных спецификой дискурсного окружения, прагматикой фрагмента, стилевыми особенностями, напр.:

Не хлебом единым, но и мацой (маца – пресный еврейский хлеб); *Не хлебом единым жив человек – сочините гастрономические стихи и придайте мысли форму и голод Вам не страшен; Не хлебом единым жив человек. Нужно что-то выпить; Не хлебом единым жив человек, нужна также сосиска и ветчина; Не хлебом единым жив человек, бывает еще масло и икра.*

Попадая в мир бытового языка, в БФЕ компонент *жив* заменяется на *сыт*, напр.: *Не хлебом единым сыт человек; Не хлебом единым... Но, без закуси пить, не ахти! Не хлебом единым сыт человек, – подумал повар и добавил в котлеты немного мяса и др.*¹² Из данных примеров следует, что составители номинаций маркируют значимые в идейном смысле лексемы и транслируют свое позитивное отношение к пищевому изобилию, а именно к *мясным изделиям, разновидностям хлебных изделий, маслу, икре*. С точки зрения внутренней формы адресанту более чем понятны «идейные послания».

Американский психолог А. Маслоу, оправдывая возрастающие потребительские желания,

далекие от евангельских истин, писал: «Я совершенно убежден, что человек живет хлебом единым в условиях, когда хлеба нет. Но что случается с человеческими стремлениями, когда хлеба вдоволь и желудок всегда полон?»¹³ Речь уже идет о потребительской корзине современного человека. Ею принято называть продуктовый набор, перечень непродовольственных товаров и услуг, которые необходимы для человека, его здоровья и удовлетворения минимальных потребностей. Это именно тот минимум, который достаточен, чтобы прожить человеку в течение месяца. Обратим внимание на потребительскую корзину современного россиянина, представленную в Статистико-документальном справочнике «Россия 2013» (Росстат, ЦБ ВОЗ, Закон «О потребительской корзине в целом по РФ»): кроме хлебобулочных изделий, в ежедневный рацион россиянина нынешнего столетия входят не только необходимые витаминосодержащие продукты, но и конфеты, печенье, разновидности мяса, морепродукты и сельдь. По-прежнему самым употребляемым продуктом остаются хлебные изделия. Ссылаясь на данные Роскомстата, для суточной нормы человеку нужно 350 г хлеба, 230 г картофеля, 315 г овощей, 165 г фруктов и 65 г сахара и кондитерских изделий.

Сравним продовольственную корзину современного россиянина с питанием защитников Отечества Петровской эпохи, ведь родоначальником армейской продовольственной службы являлся Петр I. Он издал Указ об учреждении должности генерал-провианта в войсках. Каждый генерал-провиант отвечал за организацию питания вверенных ему подразделений. Для рядового солдата полагалось: 900 г хлеба, 450 г мяса, четверть литра вина, чуть больше 300 мл пива. Помимо этого выдавался паек крупами и солью. Устав гласил: «Пропитание как людям, так и скоту наиглавнейшее дела суть, о чем мудрый и осмотнительный Генерал всегда мыслить должен, ежельи хошет». При Екатерине II солдат в дополнение получал сливочное масло, чай и перец¹⁴.

В годы Великой Отечественной войны нормы суточного довольствия красноармейцев и начальствующего состава боевых частей действующей армии включали 800–900 г ржаного обойного хлеба, 500 г картофеля, 320 г других овощей (свежей или квашеной капусты, моркови, свеклы, лука, зелени), 170 г круп и макарон, 150 г мяса, 100 г рыбы, 50 г жиров, 35 г сахара. Любопытный факт – некурящим женщинам-военнослужащим выдавали дополнительно по 200 г шоколада

или 300 г конфет в месяц¹⁵. Лидером суточного меню по-прежнему являлся хлеб.

Современный человек может себе позволить более разнообразную пищу и дополнить каждодневное меню многими продуктами: экзотическими овощами и фруктами, разновидностями рыбы, молочных продуктов и т. д. На одном из женских сайтов представлена рубрика *Не хлебом единым жив человек*, где объясняется энергетическая ценность продуктов питания для телесного и мозгового насыщения, напр.:

«Яйца для памяти. Один желток содержит 1,15 г лецитина, он богат фосфором и аминокислотами, которые улучшают работу нейромедиаторов. А также: железо, кальций и витамины А, В, С, D и Е. Сколько? 2–3 яйца в неделю» или «Черный шоколад для настроения. Благодаря веществу фенилэтиламину (20 мг на 100 г), черный шоколад является отличным антидепрессантом. А также: фосфор, железо, калий и витамины В1 и В9. Сколько? Маленький квадратик время от времени»¹⁶.

Начиная с древнерусских времен княжеский воин сам обеспечивал себе пропитание, часто употребляя коренья, дичь, мед, забывая о хлебе; в средние века о солдате уже беспокоилось государство, обеспечивая его необходимыми продуктами питания; в советский период красноармеец-солдат также имел возможность получать сухой паек и кормиться при полевой кухне. Но в самом выгодном положении, конечно, находится современный человек, который может обеспечить себя полноценным питанием, и именно свободным выбором пищевого разнообразия и давлением интернет-, медиадискурса наносит вред здоровью. Не зря в православии верующий человек постится двести дней в году (Петропавловский, Успенский, Рождественский, Великий посты). Пищевое воздержание современного человека «поддерживает» интернет-, медиадискурс, а в смысловой структуре БФЕ *Не хлебом единым жив человек* уже сформирован библейский «новояз» с десакральным значением.

Помимо текстовых эксплуатаций БФЕ, виртуальное пространство пестрит иконическими дискурсами. Современный медийный контент, по словам А. С. Макаровой, отличается особой культурной коннотацией, которую адресат способен или должен уметь идентифицировать [9: 574]. Представим несколько примеров амбивалентных медиатекстов с БФЕ *Не хлебом единым жив человек* с иконической частью: 1) в одном из интернет-магазинов выставлен на продажу подарок для мужчин – фляга с изображением бутылки «Водка», наполненного стакана, хлебного батона и на заднем плане в качестве фона пшеничных колосьев. Над иконической

частью фляги слоган: *Не хлебом единым жив человек*¹⁷. Заголовок имеет прозрачную семантику и не затрудняет понимание библеизма, хотя цель высказывания полностью искажает евангельский текст; 2) в хлебнице изображен домашний питомец кот, который с трудом помещается в ней, ниже слоган – *Не хлебом единым жив человек! И я тому наглядное доказательство*¹⁸. Медиатекст носит шуточный характер и называет любимого домашнего питомца, которому дозволено многое, даже отдых в месте хранения хлеба.

Среди семантических разновидностей трансформаций мы наблюдаем эллипсис, напр.: *Не хлебом единым – воблой и пивом!*¹⁹ Медиатекст предлагает яркое неестественное изображение мужского лица с синей бородой, зеленой шляпой и руками, держащими рыбу вобла и кружку пива, выше – слоган, призывающий употреблять алкогольный напиток. В следующем примере медиатекст изображает большую пиалу с красной икрой и большой ложкой, а сверху БФЕ *Не хлебом единым*. Учитывая, что текст сопровождается символом партии «Единая Россия», авторы нацеливают электорат на аналитическое размышление о беспечной жизни при их участии в государственном управлении, поскольку устойчивое выражение *есть красную икру ложками* имеет семантику «жить в достатке»²⁰.

Частотное трансформирование БФЕ *Не хлебом единым жив человек* и превалирование игры слов наблюдаются в таких медиатекстах: Опоznай пословицу: *Не Intel'ом единым жив процессорный мир; Не Интернетом единым жив процессорный мир* и др.²¹

Активно развивающийся вид интернет-общения – рекламный дискурс – оказывает значительное влияние на десакрализацию БФЕ: *Не хлебом единым жив человек – прежде хлеба он жив рекламой!* Манипулятивность с целью положительного рекламного намерения нацеливает адресата на приобретение представленного продукта, поскольку сочетание устной речи с письменным евангельским текстом создает креолизованный дискурс. Акцент ставится уже не на стандартизованные формы подачи рекламного продукта, а на особые приемы структурирования информации, обладающей повышенной воздействующей силой.

Семантика БФЕ в современных интернет-, медиадискурсах основана на мировоззренческом потребительском компоненте, смоделированном в народном сознании. Следовательно, мы обнаружили широкий спектр десакрального смысла при исследовании эмпирического материала с би-

блейским выражением *Не хлебом единым жив человек* в русском языке:

- культурно-познавательный смысл – привлечение внимания пользователей через подачу актуальной информации из сферы культурных традиций:

«Растительный орнамент символизировал Землю-Матушку, передавал женщине ее плодородную силу, а также способность крепко стоять на земле, помогать жить в гармонии с природой. Летящая птица – напоминание о том, что **не хлебом единым жив человек** и мир женщины не должен ограничиваться земными радостями и заботами, душа ее должна стремиться ввысь, к Небу. Необычайно длинные, иногда доходившие до двух метров рукава праздничного костюма тоже должны были напоминать о взмахе птичьих крыльев. В таких костюмах водили ритуальные хороводы»²²;

- эмоционально-экспрессивный – усиление выразительности, связанной с оценкой, мнением автора, выражение эмоциональных установок, вовлеченности в содержание речи:

«Швейцарцы ставят на кофе и яблоки, потомки Вильгельма Телля, который, как известно, в яблоко и стрелял, сообразили, что при миланских плюс 30 летом шоколад потечет. Даже Ватикан, явно не претендующий на статус аграрной державы, открывает свой навильон в стиле **“не хлебом единым”**, а папа Франциск в напутственной речи сформулировал одну из главных тем грядущих дискуссий: что мы оставим потомкам после того, как накормим себя? Посыл понтифика интригует: земля, которая нас кормит как мать, не наследство, полученное от родителей, а, напротив, то, что мы берем в долг у наших детей. А что же Россия?»²³;

- регулятивный – воздействие на аудиторию пользователей социальных сетей: *Не хлебом единым жив не только человек, но и человекообразные обезьяны*²⁴;
- развлекательно-гедонистический – развлечение адресата для получения удовольствия от процесса и результата: *Не хлебом единым жив человек... а секасом, есчо раз секасом*²⁵;
- потребительский – желание насытиться: *Не хлебом единым жив человек. Да, не только хлебом, но и мясом, рыбой, овощами, сладостями, чаем*²⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, ценностная характеристика библейской фразеологической единицы *Не хлебом единым жив человек*, ее оценочная шкала связаны с восприятием образа хлеба не только как главного продукта питания, но и тонометра национально-культурной информации, свидетельствуют об онтологической сущности его символики, восходящей к религии. Библеизм содержит социально значимую лингвокультурную информацию –

религиозную, социально-бытовую и морально-этическую. Но в интернет-, медиадискурсе бытует не только фрагмент сакрального текста, но и секуляризированные представления о возрастающих потребностях современного человека. В настоящее время мы становимся свидетелями смещения центра нормообразования в интернет-, медиадискурсе. Они создают особую речевую среду, в которой в понятие образцовости нормативного языкового средства включается значение «удобности»²⁷. Важным в этой связи видится тезис В. Г. Костомарова о том, что, «оказавшись в зоне абсолютного внимания mass-media, мы все – вольно или невольно, слепо или сопротивляясь – ориентиру-

емся на их язык как на образец для подражания» [7], а значит, масс-медиа имеет огромное влияние на языковую картину мира носителей русского языка. Таким образом, мы наблюдаем десакрализацию библейского устойчивого выражения *Не хлебом единым жив человек*, изменения глубинного понимания сакрального как субстрата духовной потребности человека в общении с Богом. Трансформация внутренней формы библеизма – от святости к потребительским «святыням» – стимулирует деструктивные процессы в понимании высших ценностей языковой личностью и разрушает библейскую духовную культуру, создавая ложные сакрализаторы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
- ² Яцевич К. В. Библеизмы в чешском литературном языке (на фоне русского и немецкого): Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2003. 228 с.
- ³ Wahrig-Burfeind Renate. Wahrig Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann, 2006. 1728 p.
- ⁴ Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с.
- ⁵ Бабкин А. М., Шендцов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3 т. 2-е изд., испр. СПб.: КВОТАМ, 1994. Т. 1–3.
- ⁶ Мокиенко В. М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. школа, 1980. 207 с.
- ⁷ Святое Евангелие. М.: Спаское братство, 2011. 658 с.
- ⁸ Ухтомский А. А. Интуиция совести (Письма. Записные книжки. Заметки на полях). СПб.: Петербургский писатель, 1996. 653 с.
- ⁹ Не хлебом единым жив человек, но и маслом на него намазанным [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.chitalnya.ru/users/serjulakov/> (дата обращения 26.01.2020).
- ¹⁰ Не хлебом единым живет человек. Но жизни без хлеба не мыслит [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ne-khleboem-edinym-zhivet-chelovek-no-zhizni-bez-khleba-n> (дата обращения 26.01.2020).
- ¹¹ Не хлебом единым жив человек, но булочки иногда хочется [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://galya.ru/clubs/show.php?id=598659> (дата обращения 26.01.2020).
- ¹² Все шуточки. Анекдот [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vse-shutochki.ru/anekdot/18164> (дата обращения 27.01.2020).
- ¹³ Лохоня В. Хлеб с Маслоу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psyfactor.org/lib/maslow1.htm> (дата обращения 15.01.2020).
- ¹⁴ Веремеев Ю. Анатомия армии. Питание военнослужащих Русской Армии в начале XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/paek-soldata-1716.shtml> (дата обращения 15.01.2020).
- ¹⁵ Кринко Е. Ф., Тажидинов И. Г. Питание военнослужащих в 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://historystudies.org/2012/07/krinko-e-f-tazhidinova-i-g-pitanie-voennosluzhashhix-v-1941-1945-gg/> (дата обращения 22.01.2020).
- ¹⁶ Двадцать самых полезных продуктов питания для головного мозга человека, улучшающих работу нейронов и клеток [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wikifood.online/organi/brain> (дата обращения 27.01.2020).
- ¹⁷ Не хлебом единым жив человек [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.google.com.ua/search?q=КАркинки+Не+хлебом+единым+жив+человек> (дата обращения 20.11.2019).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Опознай пословицу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.metod-kopilka.ru/page-5-1-14.html> (дата обращения: 26.01.2020).
- ²² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения 28.11.2019).
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.

- ²⁵ Ответы mail.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://otvet.mail.ru/question/36408632> (дата обращения 26.01.2020).
- ²⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения 28.11.2019).
- ²⁷ Валигина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гараджа В. И. Социология религии. М.: Инфра-М, 2005. 348 с.
2. Гвоздарев Ю. А. Библизмы в русской фразеологии (к истории освоения) // Эволюция лексико-фразеологического и грамматического строя русского языка. Магнитогорск, 1994. С. 26–34.
3. Григорьев А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М.: Индрик, 2006. 360 с.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
5. Колесов В. В. Введение в историческую фонологию. Л., 1982. 120 с.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
7. Костомаров В. Г. Сохранить вечное // Журналистика и культура русской речи. М.: Гардарики, 2005. С. 9–12.
8. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2018. 344 с.
9. Макарова А. С. Амбивалентность функционального потенциала крылатого выражения Я – Шарли // Вопросы теории и практики журналистики. Иркутск: Изд-во ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», 2017. Т. 6. № 4. С. 566–577.
10. Мокиенко В. М. Фразеологические библизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. СПб., 1999. С. 143–158.
11. Мокиенко В. М. Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. Минск: Зсицер Колас, 2010. С. 167–188.
12. Мокиенко В. М. Параметры славянской паремиографии // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 31–34.
13. Обухова О. В. Некоторые особенности языка Интернета // Язык: категории, функции, речевое воздействие: Материалы междунар. науч. конф. молодых ученых. М., 2005. С. 60–69.
14. Шкуран О. В. Десакрализация понятия «Библия» в русскоязычных медиадискурсах // Слово и фразеологизм: взаимосвязь мышления, языка и культуры: Сб. ст. к 90-летию профессора А. М. Чепасовой / Под. ред. И. А. Голованова. Челябинск: ЮУрГГПУ, 2017. С. 158–165.
15. Шкуран О. В. Сакрально-прагматическая константа в паремии *Не в деньгах [только] счастье* // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 204–211.
16. Шулержкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002. 288 с.
17. Chlebda W. Библия в языке – язык в Библии // Problemy frazeologii europejskiej. II. Warszawa, 1997. С. 68–69.
18. Gasheva L. P. Семантические преобразования библейских фразеологизмов в системе современного русского языка // Frazeologia a religia. Tezy referatow midzynar. sympoz. naukow., Opole, 6–7 wrzesnia 1996. (Red. M. Lewicki, W. Chlebda). Opole, 1996. С. 58–59.
19. Hack V. G. Специфика библейской фразеологии в русском языке // Problemy frazeologii europejskiej. II. Frazeologia a religia. (Red. A. M. Lewicki i W. Chlebda). Warszawa, 1997. С. 95–103.

Поступила в редакцию 19.03.2020

Oksana V. Shkuran, PhD in Philology, Lugansk State Pedagogical University
(Lugansk, Lugansk People's Republic)
oksana.shkuran@mail.ru

**DESACRALIZATION OF THE BIBLICAL IDIOM
“MAN SHALL NOT LIVE BY BREAD ALONE”
IN THE INTERNET AND MEDIA DISCOURSE**

The article presents a wide range of the desacralized meanings of the biblical idiom “*Man shall not live by bread alone*” illustrated by the empirical material of the Internet and media discourse. The research uses the diachronic approach – from the interpretation of the biblical text to the analysis of the communicative intent of the media space dialogue participants, illustrating the transformed nuclear and peripheral semantic meanings of the biblical idiom. The studied

biblical expression originates directly from the Holy Scripture text and becomes the part of the modern Russian language phraseological fund. Contextual analysis enables us to identify the nationally specific features of the concept sphere of this biblical expression, and explore the role of the biblical spiritual culture in the modern Internet and media space with special focus on cultural and cognitive, emotional and expressive, regulative, entertaining and hedonistic, as well as consumer effects of the desacralized meanings on the design of the text and iconic language space, carrying a special pragmatic load. In general, the Internet and media discourse illustrates the desacralization of the biblical idiom “*Man shall not live by bread alone*”, which induces destructive processes in the formation of the language taste of the epoch.

Keywords: Bible, biblical phraseological unit, linguistic sacralization, linguistic desacralization, semantic transformation, Internet discourse, media discourse, destruction of linguistic personality

Cite this article as: Shkuran O. V. Desacralization of the biblical idiom “*Man shall not live by bread alone*” in the Internet and media discourse. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.539

REFERENCES

1. Garad zha V. I. Sociology of religion. Moscow, 2005. 348 p. (In Russ.)
2. Gvoz darev Yu. A. Biblical expressions in Russian phraseology (the history of acquisition). *The evolution of the lexical, phraseological and grammatical structure of the Russian language*. Magnitogorsk, 1994. P. 26–34. (In Russ.)
3. Grigoryev A. V. Russian biblical phraseology in the context of culture. Moscow, 2006. 360 p. (In Russ.)
4. Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: A systematic approach to the study of the language of media: Modern English media. Moscow, 2008. 263 p. (In Russ.)
5. Kolesov V. V. Introduction to historical phonology. Leningrad, 1982. 120 p. (In Russ.)
6. Kostomarov V. G. Language taste of the epoch: Some observations of the media language practices. Moscow, 1994. 247 p. (In Russ.)
7. Kostomarov V. G. To save the eternal. *Journalism and the culture of Russian discourse*. Moscow, 2005. P. 9–12. (In Russ.)
8. Lomakina O. V. Phraseology in the text: functioning and idiostyle. Moscow, 2018. 344 p. (In Russ.)
9. Makarova A. S. Ambivalence of functional potential of the winged unit *Je suis Charlie*. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. Irkutsk, 2017. Vol. 6. No 4. P. 566–577. (In Russ.)
10. Mokienko V. M. Phraseological biblical expressions in modern texts. *The Bible and the revival of the spiritual culture of the Russian and other Slavic peoples*. St. Petersburg, 1999. P. 143–158. (In Russ.)
11. Mokienko V. M. Problems of Slavic paremiology (linguistic aspects). *Slavic phraseology and paremiology in the XX century: Collection of articles*. Minsk, 2010. P. 167–188. (In Russ.)
12. Mokienko V. M. Parameters of Slavic paremiography. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2014. No 77. P. 31–34. (In Russ.)
13. Obukhova O. V. Some features of the Internet language. *Language: categories, functions, speech impact: Proceedings of the international conference for young researchers*. Moscow, 2005. P. 60–69. (In Russ.)
14. Shkuran O. V. Desacralization of the concept of “Bible” in Russian-language media discourses. *Word and phraseology: the relationship between thinking, language and culture: Collection of articles commemorating the 90th anniversary of Professor A. M. Chepasova*. Chelyabinsk, 2017. P. 158–165. (In Russ.)
15. Shkuran O. V. Sacred-pragmatic constant of paremia *Ne v den'gakh [tol'ko] shchast'e*. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2019. No 3 (103). P. 204–211. (In Russ.)
16. Shulezhkova S. G. Idioms of the Russian language, their sources and development. Moscow, 2002. 288 p. (In Russ.)
17. Chlebd a W. The Bible in language – language in the Bible. *Problemy frazeologii europejskiej. II*. Warszawa, 1997. P. 68–69.
18. Gasheva L. P. Semantic transformations of biblical phraseological units in the system of the modern Russian language. *Frazeologia a religia. Tezy referatow midzynar. sympoz. naukow., Opole, 6–7 wrzesnia*. (M. Lewicki, W. Chlebd a, Ed.). Opole, 1996. S. 58–59.
19. Hack V. G. The specifics of biblical phraseology in the Russian language. *Problemy frazeologii europejskiej II. Frazeologia a religia*. (A. M. Lewicki, W. Chlebd a, Ed.). Warszawa, 1997. P. 95–103.

Received: 19 March, 2020

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА АФАНАСЬЕВА

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской
филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петроза-
водск, Российская Федерация)
anastasia20085@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОЙКОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СЯМОЗЕРЬЯ*

Предпринята реконструкция цепочки изменений в развитии ойконимов на территории Сямозерья, отразившихся в письменных источниках на протяжении второй половины II тыс. н. э., предложен анализ причин инноваций. Для наблюдения за динамикой ойконимической системы исследуются исторические документы начиная с XVI века. Рассмотрены три ойконимные модели, объединенные отантропонимными истоками: ойконимы с формантом *-l/-lu*; ойконимы, включающие в свою структуру термин *selgy* ‘сельга, гора, возвышенность’; ойконимы, идентичные антропонимам. Актуальность исследования состоит в выявлении определенной хронологической дистрибуции в данных моделях. Также доказывается существование двух уровней номинации – официального и неофициального. Показано, что параллельно могут существовать сразу два названия одного поселения: одно прослеживается в документах прошлых веков, второе – в устной практике. Приводится этимология наименований, восходящих к календарным и некалендарным именам.

Ключевые слова: ойконим, антропоним, топонимные модели, карельская топонимия, Карелия, карелы-ливвики
Для цитирования: Афанасьева А. А. Эволюция ойконимической системы Сямозерья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.540

ВВЕДЕНИЕ

Ойконимическая система любой территории содержит хронологически разные элементы. В Сямозерье она включает в себя некоторые названия кустов поселений, восходящие к гидронимам, которые имеют доприбалтийско-финские истоки. При этом многие из современных ойконимов – наименований кустов поселений отмечены уже в первых известных документах массового характера по территории южной Карелии – писцовых книгах XVI века, то есть возраст их насчитывает не одну сотню лет. С другой стороны, считается, что ойконимия – наиболее социально обусловленный класс географических названий, отражающий изменения в социальной и экономической жизни населения. Иначе говоря, наряду со стабильностью система характеризуется и значительной изменчивостью. Это достаточно пестрое единство, элементы которого характеризуются разным временем появления, спецификой в номинации отдельных ойконимических разрядов. Объединяющим же началом служит то, что все они являются названиями сельских поселений.

В статье анализируются три ойконимные модели, имеющие разный возраст, но объединенные отантропонимными истоками, то есть тем, что включают в свой состав антропоним – лич-

ное или родовое имя, фамилию или прозвище. Причины актуальности отантропонимных моделей кроются в исторических, социально-экономических и географических факторах. Северная деревня изначально была однодворной и в дальнейшем продолжала оставаться мало-дворной. В такой ситуации наиболее естественный способ номинации – указание на первопоселенца, владельца крестьянского двора [4: 85]. Материалом для анализа послужили, с одной стороны, письменные источники: писцовые книги XVI–XVII веков, ревизские сказки конца XVIII–XIX веков, а также списки населенных мест конца XIX – начала XX века, отражающие официальный срез именований. С другой стороны, привлечены материалы полевых экспедиций, в которых представлены карельские народные (то есть не имеющие официального статуса) антропонимы. Привлечение документов прошлых веков позволяет проследить динамику в становлении ойконимической системы.

-L-ОВАЯ ОЙКОНИМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Сямозерье – это территория значительной активности ойконимов с формантом *-l/-lu* [6: 34], хотя оно и уступает в этом плане Олонецкой округе. Насколько традиционна эта прибалтийско-финская ойконимная модель для Сямозерья?

Для ответа на этот вопрос привлечены исторические документы начиная с XVI века, то есть самые ранние по этому району. В них не обнаружено ни одного ойконима *-l*-овой модели. Значит ли это, что в то время ее еще не было на Сямозере? Вряд ли, и не только потому, что модель представлена во всех прибалтийско-финских топонимических системах, то есть имеет глубокие, возможно, еще праязыковые корни. В материалах писцового дела XVI века обнаруживается несколько ойконимов из южного Сямозерья, Кунгозерской и Сямозерской волостей, явно имеющих в основе антропоним и оформленных по русской посессионной модели на *-ин-* или *-ов/-ев-*, которые в более поздних документах XVII – начала XVIII века переоформляются в *-l*-овую модель:

В наволоке, словес в *Кожине* (1563 год) – *Кожала* (1657 год), В Мягре наволоке, а ныне словес в *Курвой* наволоке (1563 год) – *Курмойла* (1707 год), На Сямо ж озере в *Кишкюве* наволоке Павелка Ондре-ева (1582/83 годы) – *Кишкойла* (1657 год), На Сямозере *Безсуньевых* (1582/83 годы), На Сямо-озере *Безсуньевых*, а *Есуева* тож (1610-е годы) – *Яссойла* (1667 год), На Сямозере в *Крягине* (*Кяргине*?) наволоке (1563 год), в *Кяргино* (1657 год) – *Кяргила* (1707 год).

Соответствующие карельские варианты выглядят как *Kožoilu*, *Kurtoilu*, *Kiškoilu*, *Jessoilu*, *Kärgel*. Не все из них этимологически прозрачны, хотя в основе большинства возможно восстановить карельский антропоним – календарный или некалендарный:

Jessoilu (*D'essoilu*), рус. *Эссойла*: *Jessoï* (*D'essoï*) – Ефим;

Kurtoilu, рус. *Курмойла*: кар. *kurmoi* ‘обжора’;

Kiškoilu, рус. *Кишкойла*: кар. *kiiškoi* ‘ерш’; слово использовалось для обозначения непокладистого, ершистого человека.

Почему в XVII веке происходит смена модели? Видимо, на официальный уровень бытования выходят неофициальные, народные карельские варианты топонимов. Они зафиксированы в двух документах XVII века, которые имеют иной статус по сравнению с писцовыми книгами: список 1657 года представляет собой солдатскую перепись¹, а 1667 года – перепись карел – зарубежных выходцев², перебравшихся на территорию Олонецкого погоста из шведской части Карелии. Они, как представляется, не были жестко связаны с материалами писцового дела и оперировали в том числе народными карельскими ойконимами. Надо полагать, что определенным катализатором придачи официального статуса народным ойконимам на *-ла* мог послужить и рост числа поселений с названиями этой модели в XVII веке

в связи с подселением «зарубежных выходцев» из приладожского Корельского уезда, где ойконимы *-l*-ового типа носили массовый характер. Документы упоминают таковых на рубеже XVII–XVIII веков в Сямозерье в деревнях *Архойла* (совр. *Арькойла*), *Олкойла*, *Пичулы*, *Кяргела*, *Проккойла*, *Пришкойла* и др. (1707 год).

Итак, *-l*-овая модель не отражена в исторических материалах XVI века напрямую, поскольку в них использована другая формула именования поселений, заданная для отантропонимических названий самим форматом документов. Однако имеются косвенные основания утверждать, что она, безусловно, бытовала в то время в устной карельской практике, а ее закреплению на официальном уровне в XVII веке способствовала продуктивность модели в карельском Приладожье, откуда происходил активный отток населения на восток, в том числе в Сямозерье.

В дальнейшем происходит незначительный прирост ойконимов *-l*-овой модели на протяжении XVIII века, она продолжает сохранять некоторую активность еще и в XIX веке. Так, в начале XIX века впервые упоминаются *Игнойла* в виде *Игнола*³, *Кюръела* (кар. *Kurjäl*) как *Кюръяла*⁴, новопоселенная *Рубчойла*⁵. К 1870-х годам относятся первые упоминания о деревнях *Ватчайлы* или *Ватчойла* (совр. *Ваччойла* – кар. *Vuaččoiilu*), *Маккойла* – кар. *Maikkoilu*, *Панпила* – кар. *Pappil* в составе Вешкелицы, *Глимойлы* (совр. *Глимойла* – кар. *Glimoilu*), *Гуройлы*, *Гуройла* (совр. *Хуройла* – кар. *Huroilu*), *Падройлы* (совр. *Падройла* – кар. *Padroilu*), *Пеккелы*, *Пеккела* (совр. *Пеккила* – кар. *Pekkil*) в Часовенской волости. При этом большинство из них не попало еще в официальный Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям 1873 года⁶, эти сведения обнаружены нами в документе 1873 года под названием «Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сямозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ.», хранящемся в НАРК (Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1). Лишь к XX веку модель теряет продуктивность. Эта поздняя хронология вполне согласуется с тем обстоятельством, что еще в начале XX века в Сямозерье бытовали именования домов, оформленные суффиксом *-l*, на остальной ливвиковской территории они были к этому времени уже утрачены⁷. Известно, что названия поселений *-l*-овой модели генетически восходят как раз к наименованиям домов.

При установлении хронологии важно еще раз подчеркнуть, что первая письменная фиксация ойконима в документе необязательно отражает

факт его рождения, а только лишь закрепления на официальном уровне бытования. В бытовании ойконимов различается народный и официальный статус. Ойконим, рожденный в народной среде, необязательно закреплялся в документах, для которых важно два обстоятельства: формульность, заложенная форматом документа, и преемственность, существенная с точки зрения владельческих отношений и налогообложения, в то время как в народной среде ойконимы реагируют на изменения обстоятельств, связанных, например, со сменой владельца двора [5: 122], что было не такой уже редкостью при одно- и малодворных деревнях. Писцы знали об этом и в ранних документах использовали формулу «а в волости зовут» или «ныне словет», чтобы привести в соответствие официальное и народное наименования. К примеру, деревня Курмойла в писцовых книгах середины XVI века называлась *В Мягре наволоке, а ныне словет в Курвой наволоке*⁸. Сквозной анализ источников свидетельствует о том, что такая ликвидация разрыва происходила и позже. Знаменательны в этом отношении материалы ревизских сказок середины XIX века, в которых приводится параллельно два названия поселения: одно восходит еще к традиции, идущей из писцовых книг XVI–XVII веков, а другое бытует в народной среде и в дальнейшем, в более поздних источниках становится единственным. Особенно показательна в этом отношении 9-я ревизия 1850 года, которая практически служит связующим звеном между писцовыми книгами и списками населенных мест XIX века.

В Сямозерье целая группа ойконимов на -ла впервые зафиксирована именно в материалах 9-й (иногда 8-й) ревизии середины XIX века, при том что сами поселения возникли не позднее XVIII века, но зафиксированы документально под другими названиями. Деревня *Минойла* (кар. *Miinoilu*) изначально называлась *Новопоселенная после прежней переписи деревня Пертозерная*⁹, *Пертозерная Сельга*¹⁰ и только в 1850 году стала иметь близкий к современному названию вид – *Минала*¹¹. Другие примеры:

Тавишала: *Новопоселенная после прежней переписи деревня Кодарозерная*¹², *Кодаозерная Сельга*¹³, *Тавишала* (она же *Кодаозерная сельга*)¹⁴; *Хоккойла* (кар. *Hokkoil*, *Hokkoilu*) – *Новопоселенная после прежней переписи деревня Сенолядинная селга*¹⁵, *Гоккойла* (она же *Сенолядинная сельга*)¹⁶; *Савала* (кар. *Soaval*): *Лунозеро*¹⁷, *Лунаозеро* (Лунозеро)¹⁸, *Савала* (она же *Лунас озеро*)¹⁹; *Чуккойла* (кар. *Čukkoilu*): *Кунгозерская, новопоселенная*²⁰, *Вновь поселенная Кунгозеро*²¹, *Чуккойла* (она же вновь посе-

ленная *Кунгозеро*)²²; *Лумбила* (кар. *Lumbil*): *Карбойгора* (*Карбойгора*)²³, *Лумбила* (она же *Карбой гора*)²⁴.

Здесь, с одной стороны, традиционная для официальных реестров XVIII века модель именования, фиксирующая характер поселения («новопоселенная») и его расположение, с другой – традиционная карельская -/о-вая модель, свойственная для именований населенных мест, первоначально – однодворных поселений, собственно домов, в название которых вынесен антропоним, то есть личное или родовое имя или прозвище владельца крестьянского двора. В приведенных выше примерах это *Miinoi* – карельский вариант русского календарного имени *Мина*, *Taušoi* – рус. Давыд, *Hokkoi* – рус. Фока, *Soava* – рус. Савва [3], [10], а также два некалендарных антропонима *Lumbi* и *Čukko* с неясной этимологией.

В этом контексте народные названия на -ла, безусловно, старше, чем их первая фиксация в документе. Они в принципе могут быть ровесниками официальных именований XVIII века, однако их жизнь вплоть до середины XIX века была ограничена лишь сферой устного бытования. Не вполне ясно, почему в рамках 9-й ревизии происходит их переход на официальный уровень. Стоит, однако, отметить, что аналогичный процесс наблюдается, по крайней мере, по всей территории южной Карелии, а возможно, и шире. Не исключено, что за ним стояли некие распоряжения и предписания государственного порядка.

МОДЕЛЬ ОЙКОНИМОВ С ФОРМАНТОМ -СЕЛГА

Вторая ойконимная модель, в которой актуализированы антропонимы, – это названия, включающие в свою структуру термин *selgy* ‘сельга, гора, возвышенность’. Сележные места играли важную роль в традиционной культуре подсецкого земледелия, поскольку использовались под подсежные угодья. Часть из них заселялась в ходе внутренней миграции из материнских деревень, в результате появилась довольно разветвленная сеть водораздельных поселений, в названиях которых могло воспроизводиться название сельги. Однако рождались и новые топонимы с основным элементом -*selgy*, в том числе такие, в которых атрибут был выражен антропонимом – именованием поселенца. Далее несколько примеров ойконимов с детерминантом -*selgy*/-*сельга*:

Мулдусельга, кар. *Mulduselgy*: кар. *muldu* ‘почва (как правило, плодородная)’; *Корбисельга*, кар. *Korbiselgy*: кар. *korbi* ‘глухой еловый лес’; *Нинисельга*, кар. *Niinselgy*: кар. *niini* ‘липа’; *Еройнсельга* кар. *Jeroinselgy*: кар. *Eroi* ‘Еремей’.

Анализ материала – как исторического, так и современного – показывает, что ойконимная модель *-selgy/-сельга* распределяется по территории Сямозерья неравномерно, она явно превалирует на западе, на территории Чалко-сельгской, Вешкельской и Часовенской волостей, что, очевидно, определяется ландшафтными особенностями местности. Показательно, что эта ареальная дистрибуция четко проявляется и в неантропонимных наименованиях – названиях возвышенностей или угодий на сележных местах. Самые ранние фиксации модели относятся к началу XVIII века: *Чалко-селга*²⁵ (совр. *Чалкосельга*, кар. *Čalkinselgy*), *На Лухты-селги в лесу*²⁶ (совр. *Лухтансельга*, кар. *Luhtanselgy*), *Ниниселга*²⁷ (совр. *Нинисельга*, кар. *Niiniselgy*), *Вехкуселга*²⁸ (совр. *Вехкусельга*, кар. *Vehkusel'gy*) и др. Надо полагать, что их возникновению способствовал не только естественный рост населения, но и та волна освоения западного Сямозерья, которая была связана с возвращением сюда беглецов после завершения Северной войны между Россией и Швецией (1700–1721) [1].

Сквозной анализ этой группы ойконимов по источникам разного времени, как и в случае с топонимами на *-ла*, демонстрирует определенную динамику в изменении топонимов, при этом вновь в середине XIX века, в ходе 9-й ревизии, происходит смена топонима. Так, *Новопоселенная после прежней переписи деревня Баенная селга*²⁹ преобразуется в *Кюлю селга*³⁰, при кар. *kyly* ‘баня’. Точно так же *Новопоселенная после прежней переписи деревня Сенолядинная селга*³¹ меняет в документах название на *Гоккойла*³², а *Пагаколамби*³³, *Пагакуламминсельга* (*Пагакуламбинсельга*)³⁴ становится деревней *Аркинсельга*³⁵ и др. Можно с большой долей уверенности утверждать, что здесь вновь на официальный уровень выходят названия, бытовавшие в народной среде. Особенно показательна переводная пара *Баенная селга* и *Кюлю селга*, в которой примарен, конечно, карельский народный оригинал *Kylyselgy*, закрепившийся и существовавший в документах на протяжении 100 лет в переведенном виде. Два следующих примера демонстрируют разный формат ойконима: в официальном виде он воспроизводит название природного объекта, а в народном ориентирован на антропоним – имя основателя поселения. Аналогичный процесс засвидетельствован и современными полевыми материалами: деревня Корбисельга (кар. *Korbiselgy*) в народе именуется также *Timohpielu*, а дер. Лухтансельга (кар. *Luhtanselgy*) в устной практике называется *Meloilu*. Оба ойконима

с компонентом *-сельга* зафиксированы впервые в документах XVIII века. Народные же варианты *-l*-ового типа зафиксированы только от информантов.

Модель *-сельга* продолжает сохранять активность на всем протяжении XVIII века. В конце столетия впервые фиксируются сележные деревни *Геройлева гора*³⁶, *Еройнсельга*³⁷ (совр. *Еройнсельга*, кар. *Jeroinsel'gy*, *D'eronselgy*), *Кончи сельга*³⁸ (совр. *Канчинсельга*, кар. *Kančči*), *Майсельга*³⁹ (совр. *Масельга*, кар. *Moaselgy*), *Мулдусельга* (*Мундусельга*)⁴⁰ (совр. *Мулдусельга*, кар. *Mulduselgy*), *Подкусельга*⁴¹ (совр. *Поткусельга*, кар. *Potkuselgy*). По-прежнему актуализируются два мотива именования: отантропонимная, сохраняющая имя основателя или владельца поселения, а также локальная, отражающая привязку поселения к местности. Активность модели *-сельга* сохраняется и в XIX веке, хотя она уже идет на спад. В это время появляются *Кюренсельга*, *Кюрю сельга*, *Кюрин сельга*⁴² (кар. *Kuuröinsel'gy*), *Логинсельга*⁴³ (кар. *Loginsel'gy*), *Тимойсельга*⁴⁴ (кар. *T'imoiselgy*). Примечательно, что они не отражены в официальном Списке населенных мест по сведениям за 1873 год, что, очевидно, обусловлено их рождением в период, непосредственно предшествующий составлению списка, то есть они попросту не успели попасть в него. Названия образованы от антропонимов: *Кюренсельга* (кар. *Kuuröinsel'gy*): кар. *Kuuröi* ‘Кирилл’, *Логинсельга* (кар. *Loginsel'gy*): кар. *Login* ‘Логин’; *Тимойсельга* (кар. *T'imoiselgy*): кар. *Timoī* ‘Тимофей’.

ОЙКОНИМ ИДЕНТИЧЕН АНТРОПОНИМУ

Рубеж XIX–XX веков характеризуется появлением еще одного типа населенных мест, связанного с рождавшимися в это время хуторами и выселками, отпочковавшимися от родовых деревень. В их названиях закрепляется имя или прозвище основателя поселения в «чистом» виде, то есть без дополнительного оформления формантом или детерминантом. Примером могут служить хутора, возникшие в последней четверти XIX века, с названиями

Barti (*Барти*), *Bogdi* (*Богды*), *D'ekku* (*Декку*), *Mul'ugu* (*Мулюга*), *Pedri* (*Педри*), *Närhin Lukki* (*Нярги-Лукка*), *Ahpoin Mikki* ~ *Ahpoi-Mikki* (*Ахпойн-Микки*), *Borissu* (*Борисово*), *Šalgu* (*Шалгу*), *Švietta* ~ *Švietto* (*Шведка*), *Šomba* (*Шомба*), *Akiman Iivana* (*Акиман-Ийвана*), *Krakuli* (*Кракули*), *Tykku* (*Тюккуево*, *Тюккуевская*).

При этом продуктивность модели способствовала тому, что она в некоторых случаях заменила примарный топоним, образованный по иной формуле или от иной основы. К примеру, дер.

У Мудрых озер (У Мудрых озер, У Мудрья озе-ра)⁴⁵, возникшая в конце XVIII века, переименовывается через столетие в Гюбий, у мудрых озера⁴⁶ – совр. Гюбия (кар. *Huubii*) Чалкосельгского сельского совета. Деревня *Лешка* (кар. *Lešku*), которая фиксировалась первоначально как *Лешкалы*⁴⁷, то есть как ойконим *-l*-овой модели, преобразуется к концу XIX века в *Лешки*, *Лежка*⁴⁸.

В основе топонимов этого типа реконструируются антропонимы – карельские варианты православных имен: дер. *Dekku*: кар. *Dekku* < рус. Ефим; дер. *Pedri*: кар. *Pedri* < рус. Петр; дер. *Bohdi*: кар. *Bohdi* < рус. Богдан; дер. *Ol'okka*: кар. *Ol'okka* < рус. Алексей; дер. *Lešku*: кар. *Lešku* < рус. Алексей. В других топонимах закрепились прозвища, родовые именованья: дер. *Tykku*: кар. *tykku* ‘о толстом человеке’; дер. *Mul'ugu*: кар. *mul'ugu* ‘о пьяном человеке’; дер. *Huubii*: кар. *huubii* ‘филин, сова’, в переносном значении ‘одинокый, угрюмый человек’ [7: 180]; *Šomba*: кар. *šombu* ‘кольцо, к которому прикреплялось грузило’, в переносной семантике ‘о маленьком и полном человеке’ [8: 205]. В эту же группу можно отнести и «двойные» именованья, такие как *Närhin Lukki* (*Нярги-Лукка*), *Ahpoi Mikki* ~ *Ahpoi-Mikki* (*Ахпойн-Микки*). Они состоят из патронима в генетиве с окончанием *-n* и личного имени хозяина. Такие патронимы или родовые прозвища выполняли функцию официальных фамилий⁴⁹. Родовая фамилия *Närhi* зафиксирована в Сямозерье⁵⁰, *Lukki* < рус. Лука; *Ahpoi* < рус. Агапий, *Mikki* < рус. Михаил [9].

Историческим фоном формирования названной ойконимной модели являются события пореформенного устройства крестьянства в конце XIX века и Столыпинской реформы начала XX века, которые привели к созданию слоя хозяйственно активных земельных собственников за счет сокращения общинного землевладения [2: 94]. В ходе Столыпинской реформы на Сямозере появились выселки *Aksentii* (*Аксентий*), *Mikko*

(*Миккой*), *Korotkoi* (*Короткой*), *Fed'ku* (*Федькин*), *Bul'a* (*Буля*). Хутор с забавным названием *Korotkoi* (*Короткой*) сохраняет память о человеке с соответствующим прозвищем, имеющим русские корни: короткий – видимо, небольшого роста человек, а *Bul'a* (*Буля*) содержит в основе карельское прозвище пучеглазого человека, от кар. *bul'u* ‘глазное яблоко’. Названия хуторов *Aksentii* (*Аксентий*), *Mikko* (*Миккой*) и *Fed'ku* (*Федькин*) восходят к календарным именам: кар. *Mikko* < рус. Михаил, кар. *Aksentii* < рус. Аксентий, кар. *Fed'ku* < рус. Федор.

ВЫВОДЫ

Антропонимные основы были продуктивны в ойконимии Сямозерья на всем протяжении письменной истории этих мест, то есть почти пятьсот лет. Их популярность обусловлена сельскохозяйственной культурой и связанной с ней системой расселения однодворными деревнями, при которой было принципиально важно идентифицировать владельца крестьянского двора. При этом выявилась определенная хронологическая дистрибуция в моделях именования. Наиболее ранней является модель с формантом *-l/-lu* (приб.-фин. *-la*), опосредованным образом представленная уже в материалах XVI века и сохранявшая свою продуктивность вплоть до рубежа XIX–XX веков. На ее фоне модель *-сельга*, а также обширная группа ойконимов, идентичных по форме антропонимам, значительно моложе и связаны с развитием поселенческой сети, особенно в связи с реформами землеустройства крестьян конца XIX – начала XX века. В ойконимах сохранились многие уже утраченные варианты карельских календарных имен, а также уникальные следы некалендарного именослова. Один из наиболее важных выводов проведенного исследования заключается в доказательстве двух уровней номинации: официального и неофициального, которые нередко были достаточно автономны.

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонец. Д. 5. 1657 г. Солдатская перепись Ивана Дивова.

² РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонец. Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел-зарубежных выходцев в Олонецком и Заонежских погостах Олонецкого уезда. 114 л.

³ Специальная карта Западной части России Шуберта 1826–1840 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/> (дата обращения 15.07.2020).

⁴ РС 1811 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г. Д. 23/225. Ревизские сказки государственных крестьян Салменижской вотчины Часовенского, Кунгозерского

- старошени, Пряжинской, Маньгинской, Сямозерской, Салменижской, Вохтозерской, Вешкельской, Святозерской волостей, приписных к Олонецким Петровским заводам.
- ⁵ Там же.
- ⁶ СНМ 1873 – XXVII. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1879. 235 с.
- ⁷ Карлова О. Л. Суффикс -ла в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.
- ⁸ ПК ОП 1563 – Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.: материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 57–254.
- ⁹ РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2378. Л. 1–903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьянам, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году».
- ¹⁰ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г. Д. 2/12. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Сямозерской, Вохтозерской волостей. Д. 4/19. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Олонецкого погоста, Обжанской, Тулокской, Кукшигорской, Ведлозерской, Нялмозерской, Вешкельской волостей.
- ¹¹ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г. Д. 62/583. Ревизские сказки крестьян Салменижской волости Салменижского мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Д. 62/584. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Часовенского мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Д. 62/586. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Вохтозерского мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Д. 63а/606. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Вешкельского мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Д. 63б/635. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Сямозерско-Кунгозерского мирского общества, приписных к Олонецким заводам.
- ¹² РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий.
- ¹³ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г.
- ¹⁴ РС 1834 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 8-й ревизии 1834 г. Д. 59/553. Ревизские сказки казенных поселенцев Петрозаводского уезда Салменижской вотчины Часовенской, Вохтозерской, Пряженской (Пряжинской), Кунгозерской, Вешкельской, Маньгинской, Святозерской, Сямозерской и Салменижской волостей.
- ¹⁵ РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий.
- ¹⁶ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ¹⁷ РС 1795 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 5-й ревизии 1795 г. Д. 10/73. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Кунгозерской волости. Д. 10/74. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Вешкельской волости. Д. 11/85. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Сямозерской волости. Д. 13/119. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Ведлозерского старошени Ведлозерской, Нялмозерской волостей. Д. 13/120. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Салменижского и Крошнозерского старошени.
- ¹⁸ РС 1815 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 7-й ревизии 1815 г. Д. 36/349. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Салменижской вотчины Часовенской, Пряжинской, Маньгинской, Сямозерской, Кунгозерской, Салменижской, Вохтозерской, Вешкельской, Святозерской волостей.
- ¹⁹ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ²⁰ РС 1795 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 5-й ревизии 1795 г.
- ²¹ РС 1811 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г.
- ²² РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ²³ РС 1811 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г.
- ²⁴ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ²⁵ ПК 1707 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.
- ²⁶ ПК 1726 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л.
- ²⁷ ПК 1707 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.

- ²⁸ РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ³¹ РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий.
- ³² РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ³³ ПК 1707 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.
- ³⁴ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г.
- ³⁵ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ³⁶ План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda (дата обращения 15.07.2020).
- ³⁷ РС 1811 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г.
- ³⁸ План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda (дата обращения 15.07.2020).
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² НАРК 1873 – Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сямозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ. Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г.
- ⁴⁶ НАРК 1873 – Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сямозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ. Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1.
- ⁴⁷ План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda (дата обращения 15.07.2020).
- ⁴⁸ НАРК 1873 – Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сямозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ. Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1.
- ⁴⁹ Карлова О. Л. Суффикс -la в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.
- ⁵⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуков А. Ю. Церковно-приходская система Карелии: возникновение и развитие в XV – первой половине XVIII в. // «Уведи меня, дорога»: Сб. статей памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 249–292.
2. Коралев Н. А. Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии: проблемы землеустройства // Труды КарНЦ РАН. № 4. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2012. С. 93–103.
3. Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2 (20). С. 56–86.
4. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
5. Муллонен И. И., Жуков А. Ю. Динамика развития ойконимической системы в северолудийском языковом ареале // Научный диалог. 2020. № 5. С. 113–131.
6. Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: Периодика, 2008. С. 25–38.
7. Karlova O. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönimikantainen paikkannimistö // Финно-угорская мозаика. Studia Nordica 1. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 171–187.
8. Mullonen I. The heritage of the Veps non-Christian onomasticon in southern Svir settlement names // Personal name systems in Finnic and beyond. Uralica Helsingiensia 12. Helsinki, 2017. P. 185–217.
9. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönimiä Aunuksen kylännimistöissä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1973. Vol. 72. S. 239–275.
10. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. Helsinki: Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita, 1976. 130 s.

Поступила в редакцию 17.08.2020

Anastasia A. Afanasyeva, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
anastasia20085@mail.ru

EVOLUTION OF THE OIKONYMIC SYSTEM OF LAKE SYAMOZERO TERRITORY*

The article reconstructs the chain of changes in the development of oikonyms in the territory of Lake Syamozero, reflected in the written sources over the second half of the second millennium AD. The author studied historical documents dating back between the XVI and the XX centuries to observe the dynamics of the oikonymic system. Three oikonymic models with common anthroponymic origins were analyzed: oikonyms with the formant *-l/-lu*, oikonyms that include the structural component *selgy* meaning ‘mountain’ or ‘hill’, and oikonyms that are identical to anthroponyms. The relevance of the study was to identify a certain chronological distribution in these models. It was also proved that there are two levels of nomination – an official and an unofficial one. The article demonstrates that two names of the same settlement can exist simultaneously: one can appear in the documents of the past centuries, while another can be used in oral practice. It also traces the etymology of names originating from calendar and non-calendar names.

Keywords: oikonym, anthroponym, toponymic models, Karelian toponymy, Karelia, Livvi-Karelians

* The article was written as part of the Russian Foundation for Basic Research project No 19-012-00068A “The oikonymic system of Karelia: at the crossroads of tradition and innovation”.

Cite this article as: Afanasyeva A. A. Evolution of the oikonymic system of Lake Syamozero territory. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.540

REFERENCES

1. Zhukov A. Yu. The church-parish system of Karelia: its emergence and development between the XV and the first half of the XVIII centuries. “Road, take me with you”: *Collection of articles in memory of T. A. Bernshtam*. St. Petersburg, 2010. P. 249–292. (In Russ.)
2. Korablyov N. A. Stolypin land reform in Karelia: problems of land management. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2012. No 4. Humanitarian studies. Vol. 3. P. 93–103. (In Russ.)
3. Kuz'min D. V. Christian names of Karelians. *Problems of Onomastics*. 2016. Vol. 13. No 2 (20). P. 56–86. (In Russ.)
4. Mullonen I. I. Essays on the Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 156 p. (In Russ.)
5. Mullonen I. I., Zhukov A. Yu. Dynamics of development of oikonymic system in northern Lyudik language area. *Nauchnyi Dialog*. 2020. No 5. P. 113–131. (In Russ.)
6. Mullonen I. I., Mamontova N. N. Toponymy as a reflection of the ethnic past of the territory of Lake Syamozero. *History and culture of Syamozerye*. Petrozavodsk, 2008. P. 25–38. (In Russ.)
7. Karlova O. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönnimikantainen paikannimistö. *Finno-Ugric mosaic. Studia Nordica I*. Petrozavodsk, 2016. P. 171–187.
8. Mullonen I. The heritage of the Veps non-Christian onomasticon in southern Svir settlement names. *Personal name systems in Finnic and beyond. Uralica Helsingiensia 12*. Helsinki, 2017. P. 185–217.
9. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistöissä. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. 1973. Vol. 72. S. 239–275.
10. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. Helsinki, 1976. 130 s.

Received: 17 August, 2020

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОЗАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института социальных и гуманитарных наук Вологодский государственный университет (Вологда, Российская Федерация)
rosanov007@gmail.com

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ И ВИКТОР АСТАФЬЕВ: К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Рассматривается динамика взаимоотношений выдающихся русских писателей второй половины XX века В. И. Белова и В. П. Астафьева, реконструируемая, главным образом, по письмам, мемуарам, малоизвестным публикациям в периодической печати. Впервые анализируется внутренняя (психологическая) природа конфликта. Актуальность такого подхода возрастает и потому, что в последнее время в научной литературе и в публицистике взаимоотношения писателей либо политизируются, либо мифологизируются, представляются почти идеальными. На основании анализа источников делается вывод о том, что в типологическом аспекте отношения писателей вписываются в категорию «дружба-вражда», что предполагает определенный внутренний сюжет. Основные его стадии: взаимная заинтересованность, легкое покровительство со стороны старшего писателя, ощущение духовного родства, первые признаки разочарования друг в друге при сохранении внешнего единства, вражда, сожаление с обеих сторон о размолвке и отдельные высказывания о намерениях восстановить прежние дружеские отношения.

Ключевые слова: В. И. Белов, В. П. Астафьев, деревенская проза, Вологодская писательская организация, публицистика, биография, провинциальный текст

Для цитирования: Розанов Ю. В. Василий Белов и Виктор Астафьев: К истории личных и творческих отношений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 72–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.527

ВВЕДЕНИЕ

В истории русской литературы встречаются случаи, которые принято описывать в категории «дружбы-вражды» писателей. В XIX веке это взаимоотношения И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, в Серебряном веке – А. А. Блока и Андрея Белого, в литературе первой волны эмиграции – Г. В. Иванова и Г. В. Адамовича. Подобная дефиниция применима и для характеристики личных и творческих отношений В. И. Белова и В. П. Астафьева.

В. И. Белов и В. П. Астафьев познакомились в начале 1960-х годов в Москве, в Литературном институте имени А. М. Горького, где начинающий поэт из Вологды учился на очном факультете, а прозаик с Урала – на Высших литературных курсах. Между писателями установились дружеские отношения с легким оттенком покровительства со стороны старшего, что хорошо заметно по тональности отзыва Астафьева на первую книгу Белова «Деревенька моя лесная» (1961):

«Спасибо за книжку, за стихи, помещенные в ней, за добрые слова, которые ты написал мне. “О чем

поет гармонь” – очень милая и по-хорошему грустная поэмка. <...> Для начала это совсем не плохо» [4: 505–507].

Духовная близость писателей возникла в 1966 году, когда была опубликована в петрозаводском журнале «Север» повесть Белова «Привычное дело». Астафьев не только высоко оценил это произведение, но через текст почувствовал в авторе родную душу. Теперь он пишет Белову совсем в другом тоне:

«Ох, Вася, ты, Вася! Сижу вот и плачу, дочитавши твою горькую повесть. Как мне больно, если бы ты знал! А как больно было тебе, одному Богу известно. Большого ты сердца, человек. Дай тебе Бог много дней жизни, чтоб рассказал ты еще много о русских наших людях, о горькой судьбине ихней...» [5: 59].

Астафьев делится своим открытием Белова с друзьями, сибирскими и уральскими литераторами. 8 августа 1967 года он писал А. Борщаговскому: «А вы читали ль в № 1 “Севера” повесть Васи Белова “Привычное дело”? Вот эта вещь меня потрясла...»¹. В высших инстанциях произведение подверглось разгромной критике за «аптитипийные» взгляды на развитие деревни.

Осознавая истинное значение повести и особенности характера друга, Астафьев несколько менее торжественным тоном предостерегает Белова:

«И вот о чем я тебя прошу (прошу потому, что я старше тебя на целую войну, а это много и дает мне кое-какие права, как старшему, на советы) – не заболеть болезнью отринутого крамольника, не встань в позу оскорбленного дарования, а живи, как жил, и пиши, как писал, не попускаясь (так. – Ю. Р.) ничем, но и не озлобляясь» [4: 521].

«Привычное дело» вызвало у Астафьева не только интерес к личности и духовному миру Василия Белова, но и к другим вологодским писателям, к культуре Русского Севера вообще. В 1960-х годах Вологодская область в кругах интеллигенции почиталась своеобразным заповедником «русскости». Тысячи любителей старины устремились в города и деревни Русского Севера в поисках утраченной в советские годы традиционной культуры и православной духовности. Для советских писателей была возможность совместить подобные паломничества с официозом идеологической работы. Летом 1968 года состоялся, как писали газеты, «агитационно-пропагандистский рейс писательской бригады по присухонским городам, посвященный подготовке к 100-летию юбилею В. И. Ленина». Об этой поездке Астафьев сообщал В. Старикову:

«Ездил я в июне в Вологду... В хорошей компании – Федор Абрамов, Вася Белов, Женя Носов, Саша Романов... прокатились от Вологды до Великого Устюга на пароходике»².

В Великом Устюге, еще не назначенном «родиной Деда Мороза», главной знаменитостью был Ефстрафий Павлович Шильниковский (1890–1980) – мастер художественного чернения по серебру. Мировая известность его работ началась еще с Всемирной выставки в Париже 1937 года. Общение с ним вызвало у Астафьева мысли о значении среды для творческого человека:

«И вот довольный всем и жалкий в этой довольности, большой художник жаловался лишь на одно: “Мне всю жизнь не хватало среды. Я засох тут один”. И я понимаю его. И надумал я покинуть Урал...»³.

В конце 1968 года Астафьев извещал Белова:

«Решил я приехать к Вам, попробовать жить в истинной России. <...> Как ты на это дело смотришь? <...> Дадут ли мне квартиру в Вологде?» [4: 668–669].

Квартирный вопрос был решен оперативно, и Астафьев переехал в Вологду, началось его «вологодское десятилетие». Эпистолярные вы-

сказывания писателя на вологодскую тему поначалу благодны и оптимистичны.

«Вот и выбрал я старинную Вологду, – пишет Астафьев Борщаговскому 16 марта 1969 года, – где есть друзья и еще пахнет Русью, близкой моему сердцу. Пока мне здесь хорошо. Народ тут простодушнее, добрее, и природа сохранилась, и тихо тут, неторопливо. Дали мне такую же точно квартиру, как в Перми»⁴.

Квартиру писателю действительно «дали», как это было принято в СССР, но без очереди, что могло быть только с санкции высшего руководства области. Именно Белов, вскоре ставший членом Вологодского обкома КПСС, ходатайствовал перед начальством о предоставлении квартиры своему другу.

Более всего Астафьев доволен вологодской культурной средой, прежде всего писателями. Своему уральскому знакомому он дает такую справку о Вологодском отделении Союза писателей:

«А в Вологде действительно очень небольшая, но крепкая и дружная организация. (На тот момент в ней состояло, вместе с Астафьевым, тринадцать человек. – Ю. Р.) Здесь живет превосходный прозаик Вася Белов, поэт Коля Рубцов (обязательно достань в библиотеке его сборник “Звезда полей”), Ольга Фокина, Саша Романов, и много на подходе интересных парней. Они понимают хорошо, что такое работа, и сидеть за столом не мешают»⁵.

В письме Е. И. Носову от 20 октября 1969 возникает и лестное для города сравнение: «В Вологде я чувствую себя так, как будто из курной бани выбрался на студеной снежный воздух. <...> Все же живем мы семейно, друг друга питаем». Даже об «основной проблеме» шестидесятников писатель говорит вскользь, не придавая ей особого значения: «Выпивают ребята, конечно, но не в Союзе (то есть не в помещении отделения СП. – Ю. Р.), и все работают»⁶. Было и еще одно преимущество вологодской организации перед другими региональными коллективами – в ней не было стукачей, штатных или внештатных осведомителей КГБ. Об этом щекотливом вопросе напрямую, конечно, не писали, но тема иногда прорывалась. Носов писал Астафьеву в 1971 году:

«Завидую вашему застолью, тому, как вы все собираетесь и вам не надо друг друга остерегаться (курсив наш. – Ю. Р.) в непринужденном праздничном разговоре»⁷.

Из переписки писателей-деревенщиков конца 1960-х – начала 1970-х годов следует, что в это время их занимала идея создания в Вологде, «во глубине России», неформальной

литературной группы, осознающей себя как «надежда и совесть» страны. Именно в Вологде писатели могут сохранить свою независимость и идентичность. У группы много врагов, и методы их коварны. Как писал Астафьев Носову осенью 1969 года,

«ее стараются прибрать к рукам то подачками, то моралью, то запугиванием, то лаской те, кто буд-то бы за русский народ и кто берется говорить от его имени и хотел бы диктовать свою волю в литературе»⁸.

В обобщенный «образ врага» на тот момент входили и партийные структуры, и городские писатели прозападной ориентации, и крайние националисты из общества «Память». Причем и те и другие ассоциировались с Москвой. Еще до переезда в Вологду Астафьев писал Белову:

«Литературная обстановка в Москве очень плохая, особенно почему-то поднялась недоброжелательная волна вокруг твоего “Привычного дела”, ее уже кое-где окрестили “идейно порочной книгой”» [4: 521].

Переезд Астафьева в Вологду и его сближение с Беловым усилили позиции деревенщиков. «Вологдой, — отмечает писатель, — многие стали интересоваться, кто подозрительно, кто насмешливо, кто завистливо, кто опасливо»⁹. Похоже, что вологодская группа пыталась развить успех, «перетаскив» в Вологду еще одного известного и перспективного писателя, давнего друга Астафьева и Белова — Е. И. Носова. Но астафьевский сценарий здесь не прошел: местные власти дали понять, что не хотят такой активности от писателей и такого явного противопоставления Москве.

В любом случае «вологодские семидесятые» для всех авторов оказались важными и плодотворными. В значительной степени была реализована еще недавно казавшаяся утопией мечта о «вологодской школе». Много лет спустя А. А. Романов, бывший в то благословенное время руководителем вологодского отделения Союза писателей, в письме Астафьеву дал и общую, и личную оценку периода:

«Годы эти оказались поистине великими для совместной работы и для совместного осознания самих себя и проклятых вопросов современности. А от себя добавил бы я еще и то, что в том “вологодском десятилетии” изначально светился некий Божественный промысел для всех нас, а для троих — Василия Белова, Николая Рубцова и тебя, — милый Виктор Петрович, еще просиял и полдень ваших трех гениальностей»¹⁰.

Первые признаки начинающего разрушения вологодской идиллии, то есть той самой «творческой среды», которую так ценил писатель, в мемуарах Астафьева связываются с трагическими событиями января 1971 года — криминальной гибелью поэта Николая Рубцова. Друзья поэта остро чувствовали свою вину в трагедии. Позднее Астафьев вспоминал:

«На поминках мужики перепились, и я тоже, ревели, шумели, пытались высказываться, рвать на себе рубахи и от стыда, не иначе, сразу после похорон слиняли, разбежались по своим углам, разъехались по деревням и долго-долго не сходились вместе. С тех пор и началась отчужденность, затем и разобщение в нашей славной, братски объединенной писательской организации»¹¹.

В письмах Астафьева мотивы недовольства вологодским окружением, которые он поначалу принимает за ностальгию по «малой родине», появляются несколько позже, в 1973 году, например в письме Н. Волокитину: «Хочется с кем-то поговорить, поболтать. А с кем? Живу я все же в чужом краю, с чужими людьми»¹². При этом оценка Белова в эмоциональном плане даже возрастает. В сентябре 1974 года Астафьев с изрядной долей самоиронии пишет жене, писательнице Марии Корякиной, об иерархии современных авторов по «гамбургскому счету»:

«Нет сейчас другого такого крепкого, убористого и честного писателя, как он (Носов. — Ю. Р.) да Вася Белов. Нету. Эстеты есть, пестрые, вроде меня, а таких, цельных и целеустремленных, — не знаю»¹³.

Вслед за этим подъемом в астафьевских оценках Белова наступает полоса равнодушия, отчасти напускного. В конце 1976 года он отвечает на вопрос В. Курбатова:

«Теперь о Васе Белове. Я последние его вещи не читал, но читал предпоследние... Давненько уж находится в творческом кризисе и пишет не то, что ему бог велел».

Характерно, что вину за беловский «творческий кризис» Астафьев возлагает на среду, о которой еще недавно высказывался весьма лестно: «Вологодские-то люди — лукавые, они и не скажут (Белову. — Ю. Р.) никакой горькой правды»¹⁴.

Белов свое недовольство Астафьевым высказывает публично, но, не желая выносить сор из избы, тщательно его маскирует. 11 января 1976 года в областной газете «Красный Север» он публикует заметку «На стыке двух поколений». В абсолютно комплиментарном ключе упомянуты военные повести Астафьева:

«Звездопад» («лаконичное и целомудренное повествование о солдатской любви»), «Кража» («лучшая у Астафьева») и «Где-то гремит война...» («совершенно близкая» Белову «атмосфера повести»). Однако в подтексте содержится явная полемика со старшим писателем, неоднократно утверждавшим, что он старше Белова на целую войну, и поэтому претендующим на абсолютное лидерство в группе. На основании своего впечатления от повестей Белов утверждает:

«Астафьев как бы связал, воссоединил для меня как читателя два поколения: фронтовое, отцовское, и мое собственное, фэззошное (от ФЗО – фабрично-заводское обучение. – Ю. Р.). Оказалось, что никакого разрыва между этими поколениями нет и не может быть» [1].

А раз поколенческого разрыва нет, то и претензии Астафьева на лидерство необоснованны.

Во второй половине 1970-х годов ситуация меняется уже существенно. В письме Е. Городецкому от 14 ноября 1976 года Астафьев, пожалуй, впервые решительно заявляет об отъезде из Вологды: «Надо уезжать. Дорога мне только в Сибирь, на родину, или на тот свет. Лучше на родину»¹⁵. Писатель долго откладывал трудное и хлопотное решение, постепенно подготавливая себя к нему. В письмах этого времени часто встречаются мотивы тоски по малой родине, рассуждения о сибирском климате и его пользе для здоровья и, главное, разочарованности в вологодских друзьях. Впрочем, о последнем он пишет только самым близким людям. Самая острая (и самая несправедливая) оценка вологодских писателей содержится в письме Носову, датированном июнем 1975 года:

«Разглядел я их, убедился, что пристального к себе присмотра они не выдерживают и не стоят – дерьмо, собранное в старинный крашенный туесок из милой бересты, прикрытое сверху благолепной иконкой русского письма, но уже осыпавшейся, растрескавшейся и отцветшей до доски, потерявшие все, кроме сознания: “Это мы на ней изображены!..” Знаю теперь, от чего родилась и приводящая Белова в бешенство, оттого, что точна, поговорка: “Вологодский конвой шутить не любит”!..»¹⁶.

Резкие слова во многом мотивированы личной обидой – вологодская организация в 1975 году отказалась принять в Союз писателей М. С. Корякину, жену Астафьева. В 1980 году Астафьев уехал из Вологды в Красноярск, личное общение писателей прекратилось, но они по-прежнему ревностно следили за творчеством друг друга.

В 1980-е годы новые произведения Астафьева вызывают скрытую либо прямую неприязнь Белова. Вот плохо замаскированная беловская реакция на «Затеси» в 1984 году:

«Ориентация на бессюжетность очень выгодна бездарным драматургам, посредственным и ленивым прозаикам. Под видом краткости они публикуют все свои блокнотные записи, ложная многозначительность таких коротышек не всегда очевидна...»¹⁷.

Позицию Белова разделяли и другие вологодские писатели, некоторые из них даже публично раскаивались в своей прежней дружбе с Астафьевым. Поэт Виктор Коротаев, не называя имени бывшего друга, писал в новогоднем номере «Литературной России» за 1983 год: «Не вся седина – серебро / И дружба не всякая – злато... / По младости / Зло и добро / Беспечно / Я путал когда-то...» [3]. Е. Носов в письме Астафьеву прокомментировал ситуацию следующим образом:

«Вологодские ребята, надо думать, вздохнули после твоего отъезда, захорохорились. Уж больно ты застил их, загораживал благотворительное солнышко. Вот читаю в новогодней “Лит. России” стишки Вити Коротаева. Вон аж когда захрюкал малый на тебя...»¹⁸.

Если повесть Белова «Привычное дело» была причиной и основанием духовной близости писателей, то роман Астафьева «Печальный детектив» (1982–1985) стал триггером и символом отчуждения. Этим произведением Астафьев объективно выступил против основной линии «деревенской прозы» на идеализацию народа, и в этом плане его можно противопоставить беловскому «Ладу», создававшемуся в те же годы. Неудивительна резкая оценка романа Беловым. В вологодском контексте имела значение и документальность романа, на которой настаивал Астафьев в интервью Д. Быкову [2]. Но и без признаний автора в Вологде поняли, что писатель работал почти исключительно на местном материале, все эпизоды дурости и звериной жестокости, описанные в романе, имеют вологодское происхождение, что под областным городом Вейском подразумевается Вологда со многими реалиями и узнаваемыми лицами. Есть в романе и аллюзия на «Привычное дело», которая вполне могла задеть Белова: «Лавря-казак... из корпуса генерала *Белова*» допился до того, что не может управлять лошадью, и она, как и конь Пармен Ивана Африкановича, «своим ходом идет в конюшню»¹⁹. Или завуалированный намек на складывающийся в Вологде культ погибшего «по пьянке» поэта

Николая Рубцова, «по этой причине угодившего в модные, почти святые ряды представившихся личностей»²⁰. Под «отдаленным Хайловским районом», где происходит часть событий «Печального детектива», выведен Харовский район Вологодской области, родина Белова. Топонимическая игра с использованием бранного слова была особенно обидна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История взаимоотношений Белова и Астафьева, рассмотренная нами в развитии, образует

некий сюжет. Основные его стадии: взаимная заинтересованность, легкое покровительство со стороны старшего писателя, ощущение духовного родства, первые признаки разочарования друг в друге при сохранении внешнего единства, открытая вражда. Особыми аспектами темы, требующими отдельного анализа, являются «финальные» оценки конфликта его участниками и попытки примирения, как выразился А. Романов, «таких могучих русских писателей»²¹. Эти вопросы предполагается рассмотреть в следующей статье.

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Энциклопедия “Привычного дела” В. И. Белова», проект № 19-012-00348.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: Эпистолярный дневник. 1952–2001. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 122.
- ² Там же. С. 139.
- ³ Там же. С. 139.
- ⁴ Там же. С. 141.
- ⁵ Там же. С. 143.
- ⁶ Там же. С. 147, 151.
- ⁷ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. Письма. 1990–1997. Красноярск: Офсет, 1998. С. 55.
- ⁸ Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: Эпистолярный дневник. 1952–2001... С. 151.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. Письма... С. 114.
- ¹¹ Астафьев В. П. Затеси. Из тетради о Николае Рубцове // Новый мир. 2000. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/2/zatesi-2.html (дата обращения 20.04.2020).
- ¹² Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: Эпистолярный дневник. 1952–2001... С. 174.
- ¹³ Там же. С. 192.
- ¹⁴ Там же. С. 240–241.
- ¹⁵ Там же. С. 239.
- ¹⁶ Там же. С. 214.
- ¹⁷ Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. М.: РИЦ Классика, 2012. С. 475.
- ¹⁸ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Письма... С. 195.
- ¹⁹ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 9. Печальный детектив. Рассказы. Красноярск: Офсет, 1997. С. 14–15.
- ²⁰ Там же. С. 11.
- ²¹ Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. Письма... С. 114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В. На стыке двух поколений. Заметка о творчестве Виктора Астафьева // Красный Север. 1976. 11 янв. С. 3.
2. Быков Д. Виктор Астафьев «Печальный детектив», 1986 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_lmitriem_bykovym/viktor_astafev_pechalnyi_detektiv-443103/ (дата обращения 01.05.2020).
3. Коротяев В. Не вся седина – серебро... // Литературная Россия. 1983. 1 янв. С. 4.
4. Суrows М. Белов: Штрихи великой жизни. Вологда, 2007. 744 с.
5. Трикоз Э. Л., Анфимова О. Н., Ефремова Л. Л. Дружба выдающихся людей: Василий Белов, Федор Абрамов, Виктор Астафьев // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2019. № 4 (15). С. 55–65.

Поступила в редакцию 17.08.2020

Yury V. Rozanov, Doctor of Philology, Vologda State
University (Vologda, Russian Federation)
rosanov007@gmail.com

VASILY BELOV AND VICTOR ASTAFYEV: THE HISTORY OF THEIR PERSONAL AND CREATIVE RELATIONSHIPS*

The article examines the dynamics of the relationships between outstanding Russian writers of the second half of the twentieth century V. I. Belov and V. P. Astafyev, reconstructed mainly on the basis of letters, memoirs, and little-known publications in periodicals. The internal (psychological) nature of their conflict is analyzed for the first time. This approach is increasingly relevant, because recently the scientific literature and journalism have been either politicizing the relationships between the writers or mythologizing them, making them seem nearly perfect. The analysis of the sources leads to the conclusion that from the typological perspective the writers' relationships can be classified as "frenmity" (a portmanteau of "fiendship" and "enmity"), which presupposes a certain internal plot. Its main stages are the following: mutual interest, soft patronage from the senior writer, a sense of spiritual affinity, the first signs of being disappointed in each other while maintaining external unity, enmity, regret on both sides about the disagreement, and individual statements about the intentions to restore old friendship.

Keywords: Vasily Belov, Victor Astafyev, village prose, Vologda Writers' Organization, journalism, biography, provincial text

* The reported research was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the grant "Encyclopedia of Vasily Belov's novel *Business as Usual*" (project No 19-012-00348).

Cite this article as: Rozanov Yu. V. Vasily Belov and Victor Astafyev: the history of their personal and creative relationships. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 72–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.527

REFERENCES

1. Belov V. At the junction of two generations. Viktor Astafyev and his work. *Red North*. 1976. 11 January. P. 3. (In Russ.)
2. Bykov D. Victor Astafyev's *Sad Detective*, 1986. Available at: https://www.tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_lmitriem_bykovym/viktor_astafev_pechalnyi_detektiv-443103/ (accessed 01.05.2020). (In Russ.)
3. Korotaev V. Not all gray hair is silver... *Literary Russia*. 1983. 1 January. P. 4. (In Russ.)
4. Surov M. Belov: The strokes of a great life. Vologda, 2007. 744 p. (In Russ.)
5. Trikoz E. L., Anfimova O. N., Efremova L. L. Outstanding people's friendship: Vasily Belov, Fyodor Abramov, Victor Astafiev. *Bulletin of Vologda State University. Series: History and Philology*. 2019. No 4 (15). P. 55–65. (In Russ.)

Received: 17 August, 2020

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОДЧИНЕНОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского гуманитарного института

Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

a.v.podchinenov@urfu.ru

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СНИГИРЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского гуманитарного института

Уральский федеральный университет

ведущий научный сотрудник Центра истории литературы Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация)

tas0905@rambler.ru

HOMO SOVETICUS & HOMO POSTSOVETICUS: МОДЕЛИ СЧАСТЬЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Счастье является сложным культурным конструктом, имеющим множество выходов в сферы жизненной практики, но оформляемым преимущественно через художественный текст. В статье рассмотрена эволюция концепции счастья в советской и постсоветской литературе. Первоначально моделирование счастья строилось на противопоставлении общественного и личного. Проповедовалась любовь не к человеку, а к идее. Советская мифология строилась на том, что не семейное счастье, а счастье борьбы за построение нового мира становилось основой конфликта произведения (П. Павленко). Но существовал и другой дискурс, переводивший эту тему из героической в трагическую (А. Платонов), а впоследствии в форму диспута (Ю. Трифонов). В постсоветской литературе отсутствует доминирующая модель счастья, как и регламентированная общенациональная идея. Счастья наполняется не общим, но личным смыслом. Поиск счастья приобретает исключительно индивидуальный характер: то переносится в «невинное прошлое» (Б. Акунин), то трактуется как «преодоление себя» (Т. Толстая, А. Кабаков, Д. Рубина и др.). Роман В. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» стал своеобразной презентацией современного понимания счастья, где верх берет экономическая модель, создается новая, уже «экономическая» мифология счастья. Писатель считает это современной формой самообмана и подмены реальности. В финале статьи роман Акунина-Чхартишвили «Счастливая Россия», полный реминисценций, рассмотрен как очерк моделей счастья в советскую и постсоветскую эпоху, как разворачивание картин утопии с разных точек зрения: исторической, политико-философской, богословской, литературной.

Ключевые слова: модель счастья, советская и постсоветская литература, Пелевин, Акунин

Для цитирования: Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Homo soveticus & Homo postsoveticus: модели счастья в русской литературе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020 Т. 42. № 7. С. 78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.528

ВВЕДЕНИЕ

Счастье относится к той стороне жизни человека и общества, которая легче ощущается, нежели осмысливается. Симптоматично, что в фундаментальной работе Ю. Степанова «Константы: словарь русской культуры» нет статьи «Счастье», но особо выделены такие устойчивые концепты, как «Грусть, печаль», которые, по мысли ученого, в высшей степени присущи отечественной ментальности: процитированное пушкинское

«Боже, как грустна наша Россия!»¹, сказанное поэтом после прочтения «Мертвых душ», и восклицание В. О. Ключевского после размышлений о стихотворении М. Лермонтова «Родина»: «Это – русское настроение, не восточное, не азиатское, а национальное русское» [4: 150] убедительно подтверждают аналитические сентенции исследователя. Характерно, что при обращении к концепту «Радость», в какой-то степени соприродному понятию «Счастье», автор замечает:

«Но, к удивлению, для меня самого, в моих подготовительных, долгое время собираемых материалах не оказалось на этот счет почти ничего (не есть ли это – “значимое отсутствие”?)» [9: 419].

Но научное мышление по понятным причинам (одной из них является, видимо, стремление понять и описать вековую мечту человечества о счастье) пытается осмыслить этот феномен. В настоящее время поиск «подходов» к пониманию «счастья» продолжается и становится своего рода не только научным, но и общественным трендом. Это и традиционное богословское толкование, полагающее, что помочь человеку обрести путь к счастью могут церковь и Пасхальная радость². И оригинальный топографический подход к теме, в рамках которого осуществлена попытка «набросать в первом приближении этнографическую карту модерна как отражение погони за счастьем, как карту социального пространства, отмеченного его обрезами» [10: 7].

В центре внимания книги, положившей начало данному направлению,

«категория счастья в современной культуре, которая рассматривается в различных контекстах: от “американской мечты”, представленной в образе отдельного дома и машины, до мест свадебной фотосъемки в российских городах» [10: 4].

Ныне продолжает интенсивно развиваться особое направление экономической науки, «Экономика счастья», некоторые представители которого считают, что «при достаточном уровне демократии политика, нацеленная на увеличение Валового национального счастья, возможна» [11: 113].

В аспекте нашей темы конструктивно положение Евг. Добренко, высказанное в рецензии на сборник статей «Топография счастья: Этнографические карты модерна». Высоко оценивая сборник в целом, исследователь отмечает и некую его эклектичность, несфокусированность на самом предмете анализа:

«Едва ли не каждая из статей, включенных в сборник, содержит попытку определения счастья. Как правило, эти определения настолько беглые и расплывчатые и пересекают столь различные уровни (социальный, психологический, культурный, ментальный), что попросту растворяют сам феномен» [1: 166–167].

Ссылаясь на свой опыт проведения Ноттингемской конференции, посвященной советскому счастью, ученый приходит к выводу:

«Счастье – сложный культурный конструкт, который, разумеется, имеет множество выходов в сферы жизненной практики – индивидуальной психологии, социального опыта, повседневной жизни. Но ухватить там его очень сложно, поскольку он в самой прак-

тике не сформулирован, вне ее, теоретически, не конструируется. Иное дело – сфера культуры, где этот феномен материализован и дан концептуализированным, готовым, оформленным, т. ч. остается его читать и интерпретировать через культурный текст» [1: 171].

Моделирование понятия счастья в России, особенно в XX веке (впрочем, и в XXI), зачастую строилось на противопоставлении общественного и личного счастья. Необходимо помнить и то, что «текст счастья» в России прошлого века создавался и в сугубо идеологических целях, формируя особый миф для социума, и в индивидуально-личностном варианте, нередко противопоставленном официальной позиции. И здесь уместно вспомнить давнее утверждение Э. Дюркгейма:

«Социальные факты не только отличаются от фактов психических: у них другой субстрат, они развиваются в другой среде и зависят от других условий. <...> Состояния коллективного сознания по сути своей отличаются от состояний сознания индивидуального; это представления особого рода» [2: 199].

Сложно представить, что счастье может быть всеобщим, множественным, что одновременно могут быть счастливы все, но именно эта утопия предлагается в качестве вполне реальной и достижимой в системе тоталитарного мышления, лишаящего человека свободы выбора. Неслучайно в одном из словарей прошлого века у существительного «счастье» отсутствует множественное число³. Советское государство и подчиненное ему официальное искусство осуществляют в XX веке попытку поставить знак равенства между тщательно отобранными и отраженными в искусстве социальными фактами и состоянием индивидуального сознания.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СЧАСТЬЕ» В ОФИЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Модель «счастья по-советски» весьма проста и определена, она была сконструирована довольно быстро и к 1930-м годам приобрела устойчивые параметры, что объяснимо идеолого-прагматической целенаправленностью, необходимостью четкой оформленности и вписанности конструкта в систему новых мифологем. К середине 1930-х годов утверждается весьма устойчивая схема, активно заявляющая себя в литературе, кинематографе, живописи, архитектуре. Обозначим основные составляющие формирующейся модели, одновременно показывая, как альтернативная литература, называемая сейчас «истинной русской классикой XX века», активно реагировала на «советскую мечту», разоблачая ее как враждебную и опасную для человека.

Во-первых, счастье должно носить общественный, но не личный характер. Оппозиция: счастье общего дела – «буржуазное счастье», «мещанское счастье», особо отчетливо проявила себя в новой концепции семьи – «ячейки общества», а не семьи ближнего, домашнего, самого естественного пространства самореализации человека. А. Макаренко в заметке «Счастье» назвал всю художественную литературу прошлого «бухгалтерией человеческого горя» [6: 82]. И только Октябрьская революция, по его мнению, выдвигает новый образ счастья: «настоящего, принципиально чистого, нестыдного» [6: 83], «явления общественного, исторического» [6: 84], «коллективного» [6: 89]. И, наконец, подводя итог, формулирует: «Счастье – проложить верный путь к светлой жизни всего человечества» [6: 88].

В советскую эпоху ядром новой формулы счастья стала необходимость «любви к дальнему», а не «любви к ближнему» (к идее, но не к человеку), что в особенности противоречит женской природе и что породило в литературе советской эпохи ряд женских образов, ранее немыслимых для русской литературы, сущностно изменив не только статус (товарищ, а не возлюбленная), но и функцию идеальной женщины в новом мире. Ее предназначение осуществлялось в парадигме «долг – труд – общество», а не в традиционной парадигме «любовь – дом – семья» (классический пример – героиня известной пьесы К. Тренева⁴). Эту новацию моментально уловил М. Булгаков в «Собачем сердце»⁵. Культивирование образа советской женщины, счастливой по-новому, осуществляется не только в литературе, но и в других видах искусств: показательны и кинокомедии этих лет, связанные с образами, созданными Любовью Орловой, и знаменитая мухинская скульптура «Рабочий и колхозница». Заметим, что названные «культурные тексты» имеют мало общего с общеевропейским художественным изображением процесса эмансипации, поскольку в данном случае речь идет не о равноправии, хотя этот лозунг активно эксплуатировался, но о подчинении женщины законам и интересам нового общества.

Во-вторых, происходило крайне агрессивное насаждение нового идеала счастья. М. Горький в статье 1932 года «С кем вы, “мастера культуры” Ответ американским корреспондентам?», размышляя о необходимости коллективизации для благополучия и счастья самого крестьянства, писал:

«Если крестьянство, в массе, еще не способно понять действительность и унижительность своего положения – рабочий класс обязан внушить ему это сознание даже и путем принуждения»⁶.

Ту же мысль вынашивает и герой замаятинского «Мы»: «Если они не поймут, что мы не-сем им математически безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми»⁷. Насильственный характер счастья – крайняя, но отчетливая черта «счастья по-советски», которая не могла не вызвать резкое отторжения в альтернативной «потаенной» литературе. Герой «Котлована» А. Платонова «душевный скиталец» Воцев «думал среди производства» и не мог выполнить «норму труда», в результате чего был вызван на «проработку» в завком, где происходит разговор, ключевой для понимания противостояния между человеком, личностью, без которой «народ неполный», и обезличенной властью:

«Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, – сказали в завкоме. – О чем ты думал, товарищ Воцев?

– О плане жизни.

– Завод работает по готовому плану треста. А план личной жизни ты мог бы прорабатывать в клубе или в красном уголке.

– Я думал о плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка.

– Ну и что ж ты бы мог сделать?

– Я мог выдумать что-нибудь вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность.

– Счастье произойдет от материализма, товарищ Воцев, а не от смысла»⁸.

Герои Платонова отторгают спущенное сверху «счастье из радиорупора», счастье, буквально вбиваемое громкоговорителем в голову людям, отчего им

«становилось беспричинно стыдно... <...> все более ощущался личный позор. Иногда Жачев не мог стерпеть своего угнетенного отчаяния души, и он кричал среди шума сознания, льющегося из рупора:

– Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!...»⁹.

Но именно в остросоциальном «Котловане» А. Платонов дает одно из самых тонких определений счастья как особого состояния души человека:

«Прушевский сидел на самом пороге барака и смотрел в поздний вечер мира. Он видел темные деревья и слышал иногда дальнюю музыку, волнуемую воздух. Прушевский ничего не возражал своим чувством. Ему казалась жизнь хорошей, когда счастье недостижимо и о нем лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в профсоюзном саду»¹⁰.

В-третьих, в советской культуре активно пропагандировалось так называемое отложенное счастье. Человек не может быть счастлив «здесь и сейчас». Личность как «винтик» в «общепролетарском деле» настойчиво ориентировалась на аскетизм, самоотверженность, готовность к самопожертвованию, откладывание

достижения счастья на неопределенно далекий срок. Только в далеком будущем наступит всеобщее счастье (будет построен социализм, коммунизм), но для этого нужно «бороться, бороться, бороться ради счастья будущих поколений». Точно отметил Н. Ссорин-Чайков прием тиражированного использования и толкования знаменитого ответа К. Маркса на вопрос «В чем счастье?» – «В борьбе»:

«Это было, во-первых, отложенное счастье, счастье как будущее, где оно неотчетливо сливалось со “счастьем всего человечества”. Во имя этого счастья приносила жертва в настоящем – на стройке или на войне. Но этому счастью, во-вторых, сопутствовало простое счастье *внутри* этой жертвенности и отложенного счастья всего человечества:

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови,
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви» [8: 28].

На принципе обретения «личного счастья» исключительно при условии жертвенной борьбы за счастье общественное построен роман П. Павленко «Счастье», лауреата четырех Сталинских премий первой степени, в том числе и за названный роман 1947 года, который после первой публикации в общей сложности был издан более сорока раз. При этом, по справедливому замечанию В. Казака, «Павленко был мало популярным, но официально поддерживаемым писателем псевдореалистического направления» [3: 301].

Главный герой романа – полковник Алексей Воропаев – вынужден после тяжелого ранения, в результате которого он потерял ногу, демобилизоваться. На первых страницах романа постоянно подчеркивается тяжелое физическое и моральное состояние героя: инвалидность, застарелый туберкулез, перенесенные многочисленные операции, серьезная болезнь сердца, смерть жены, необходимость заботы о семилетнем сыне, бездомье и т. д. Приехав в Крым в самом конце войны, он попадает в «мертвый город», вокруг которого разрушенные и запущенные колхозы. Герой, который «всю жизнь мечтал жить у моря и был уверен, что такая жизнь и есть выражение наивысшего счастья», вдруг понимает, что «эта мечта повлекла его на позор и стыд»¹¹. Но это только первые страницы романа. По мере разворачивания сюжета ситуация кардинально меняется: за год, становясь «на передний край борьбы», забыв обо всех болезнях, герой восстанавливает разоренный край до прежнего цветущего состояния, встречается со Сталиным, заслуживая его похвалу и рукопожатие, воссоединяется

с возлюбленной. Образ Воропаева – крайний случай героя, о появлении которого с тревогой писал в статье «Против шаблона» А. Макаренко, героя, которого «освободили от всех конфликтов и радуются: какое счастливое бесконфликтное существо!» [6: 143].

Роман «Счастье» – не только беллетризованное воплощение социалистической мифологии, это – роман-схема, декларация должного, характерного для эпохи позднего сталинизма. Более неоднозначной концепцией счастья отмечена повесть Ю. Трифонов «Студенты», которая тоже была удостоена Сталинской премии (1950), правда, третьей степени. На площадке этого раннего текста будущего автора «Дома на набережной» разыгрывается конфликт «художника-реалиста» и писателя-«пуганой вороны» (выражение самого Ю. Трифонова). Повесть написана очень талантливой рукой, но с «оглядкой» и большой осторожностью. Именно «Студентами» писатель вошел в большую литературу. Повесть активно читалась в отличие от романа П. Павленко, активно обсуждалась, в чем немалую роль сыграл бытовой материал, положенный в основу, – студенческая жизнь. Автор сразу стал известным и популярным, но позже не любил вспоминать об этом и сам никогда не переиздавал свою первую книгу.

Ю. Трифонов для того, чтобы поднять вопрос о том, что такое счастье, вводит в текст распространенную в советское время форму диспута. После общего посещения студенческой группой Третьяковской галереи возникает частный вопрос и начинается спор: когда счастлив художник?

«– Художник бывает счастлив тогда, – сказал Андрей, со своей удивительной способностью просто и убежденно, безо всякого стеснения высказывать всем известные вещи, – когда он своим творчеством приближает к счастью народ, пусть на шаг, на полшага»¹².

Общепринятый тезис моментально подвергается сомнению:

«– Да? А я думала, что народ ни при чем, – сказала Лена насмешливо. <...> Я знаю одно, и вы меня не переубедите: человек живет один раз, и личное счастье для человека – очень много, почти все!»¹³

Дальнейший спор развивается путем обращения к авторитетам. Неубедительной оказывается апелляция к опыту культуры:

«– А Достоевский говорил, – заметил Марк, – что человеку для счастья нужно столько же счастья, сколько несчастья.

– Ну, Достоевский! – Лена махнула рукой. – Это устарело. Никто не знает, что такое счастье»¹⁴.

Более развернутым и убедительным оказывается обращение к опыту преподавателя:

«– Как вы смотрите на счастье?»

– Оптимистически, – сказал Кречетов, улыбнувшись.

<...> А знаете ли вы, от чего происходит слово “счастье”?

– Счастье! Что-нибудь – часть, участь...

Лена остановилась впереди и обрадованно произнесла:

– Я же говорю: часть, частное! Ну – частная жизнь, личная... Да, Иван Антонович?

– Да нет, не совсем. Счастье – это “со-частье”, доля, пай. Представьте, что какое-то племя закончило удачную охоту. Происходит дележ добычи. Каждый член племени или рода получает свою долю – свое “со-частье”. Понимаете? Значит, уже древнее слово “со-частье” имело общественный смысл. Если для всего рода охота была удачной, каждый член рода получал свое “со-частье”, если была неудачной – не получал ничего. Стало быть, для достижения своего “со-частья” каждый должен был всеми силами участвовать в общей охоте, в общем труде. То есть, то, что называется – участвовать в общественной жизни. Вот вам и философия личного счастья»¹⁵.

В этом фрагменте ощутимо и стремление выдержать общепринятую советскую модель счастья по-советски и – одновременно – интонация будущих споров периода оттепели, времени «социализма с человеческим лицом», например, одного из знаковых фильмов тех лет – «Доживем до понедельника», в котором Генка Шестопал, ученик 9 «В» класса, сжигает школьные сочинения на тему «Что такое счастье», отстаивая невозможность его регламентирования сверху.

Но основной направленностью литературы советской эпохи в ее официальном изводе все-таки было внедрение новой системы ценностей, причем ценностей, ориентированных на создание мощного тоталитарного государства имперского типа, что повлекло появление новой утопии, связанной с возможностью появления счастливого человека в счастливом государстве.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ СЧАСТЬЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Применительно к постсоветскому обществу невозможно говорить о доминирующей модели счастья, поскольку в нем нет (во всяком случае, в течение двадцати пяти лет не было) попытки создания «постсоветской мечты», целенаправленного, регулируемого, регламентированного конструирования общенациональной / общегосударственной идеи.

Если в советскую эпоху оппозиционность советскому официальному пониманию счастья осуществлялась в литературе духовного сопротивления и отчасти в литературе русского зарубежья,

то в настоящее время различное толкование счастья предпринимается (в литературе, кинематографе, телевизионных сериалах) по иному принципу, а именно – по принадлежности автора и его творения к определенной страте культуры: элитарной или масскульту. При всей разнонаправленности современных поисков счастья как в обществе, так и в искусстве в них есть один объединяющий признак: модель счастья наполняется не общим, но личным смыслом. Понятие счастья возвращается в «свой круг», в семью.

Вынуждены констатировать, что вновь, как и в советской литературе, образ женщины в нашей литературе сопровождается странными коннотациями: «верный товарищ» советского времени трансформировался в сильного соперника мужчины, что воплощено в появлении образов новой амазонки, бизнес-леди, стервы, победительницы жизни, хищницы, рациональной и прагматичной дамы, лишенной женственности. Женщина как носительница устойчивых, традиционных, правильных ценностей почти исчезла из русской литературы, в том числе и элитарной. Здесь, безусловно, нужна поправка. Литература, созданная писательницами-женщинами, переворачивает ситуацию на противоположную, а массовая литература, в которой разыгрывается сюжет современной Золушки, находящей в конце концов своего принца-олигарха, делает образ хищницы / разлучницы необходимым, но не центральным элементом конфликта.

Характерологические черты современной модели счастья в различных стратах литературы схематично могут быть представлены следующим образом. Масскульт традиционно ориентирован на успех, богатство, карьеру. Счастье (чаще всего это эквивалент деньгам, богатству, благополучию) необходимо «здесь и сейчас». Главное устремление современной жизни в России воплощено в литературе массового характера в полной мере, со всеми необходимыми атрибутами, вплоть до непереносимого happy end. По точному замечанию Ю. Лернер, в «терапевтической культуре», каковой и является масскульт,

«счастье становится целью достижимой и даже инструментальной. У него есть рецепт, оно нормативно, и его можно оценить. Оно есть правильное и здоровое, сбалансированное и дисциплинированное эмоциональное переживание мира» [5: 193].

Мидллитература (современная, укрепляющая свои позиции беллетристика) предлагает разные пути достижения счастья или возможности избежать несчастья. Чаще всего перенося саму категорию счастья в прошлое, совсем далекое и древнее, или в «невинный девятнадцатый век»

(определение Б. Акунина), или в идеализированную советскую эпоху (ностальгия по советскому). Это и попытка обозначить героя – носителя знания о счастье и возможности его обретения. В одной из своих работ Д. Быков прослеживает трансформацию главной фигуры российского общественного сознания с 1985 года. Сначала это были Историк и Журналист, затем Экономист, после Политтехнолог, но никто из них не принес Счастья: «И тогда к согражданам, разуверившимся во всем, вышел Психолог... и поняли, что вот оно, лекарство. И стало Счастье...»¹⁶. Такой успех, полагает Быков, объясняется пониманием, которое принес психолог: «...не можешь изменить мир вокруг себя, измени отношение к нему»¹⁷.

Элитарная культура традиционно проповедует «трудное счастье быть самим собой». Более того, представители этого пласта современной словесности (Т. Толстая, А. Кабаков, Е. Водолазкин, Л. Петрушевская, Л. Улицкая, Д. Рубина, поэты как традиционной школы, так и авангардной направленности от О. Седаковой до А. Еременко, драматурги новой волны) твердо знают, что счастливый человек для русской литературы – нонсенс, он всегда или недостоверен, или нравственно сомнителен. И даже если поэт Мария Степанова называет свой сборник «Счастье», то читатель понимает, что это «обманчивое название... это суд над собой-поэтом», что многое из этого возможного счастья «выжато и отменено» [7: 216].

«Для начала что предпринять?
Ограничить себя собой:
Выжми рифмы, отмени метафоры,
Брось любовника, не пой в уборной»
(«Безусловно, пора пресекать...»)¹⁸.

Своеобразной презентацией всех вариантов современного понимания счастья стал роман В. Пелевина 2018 года «Тайные виды на гору Фудзи»¹⁹. В. Пелевин – писатель, всегда остро чувствующий нерв времени. В свойственной ему жесткой манере он в свое время писал о легендированности советской действительности («Омон Ра»), о массовом разрушении этических координат времени, когда все выставляется на продажу, о новых ценностях, которые несет постсоветское поколение («Generation Пи»). Один из героев его нового романа – Дамиан, «продавец счастья» – в буквальном смысле предлагает купить его трем олигархам, сделавшим свои капиталы в 1990-е, а в 2010-х возмечтавшим об Истинном Счастье, буквально подтверждая знаменитый парадокс Истерлина, основанный на существовании *эффекта пресыщения*:

«До тех пор, пока доход не превысил определенную сумму (достаточную для того, чтобы удовлетворить основные потребности), каждый дополнительный доллар приносит все больше счастья, после этого уровня дополнительное повышение дохода уже не приносит счастья. Другими словами, люди, преодолевшие уровень доходов, при котором удовлетворены все основные потребности, не ощущают роста удовлетворенности жизнью с ростом дохода» [11: 104].

Первый «торг» олигархов, достигших «порога пресыщения», и «продавца счастья» свидетельствует о том, что речь идет о счастье в качестве экономического продукта, хотя Дамиан честно предупреждает, что продается не результат, но технология его достижения:

«Счастье – это психический эффект, Ваше, так сказать, субъективное состояние в конце определенной процедуры. Продать и купить можно только процедуру. То есть технологию достижения счастья.

– И много у тебя процедур?

– Сейчас около десяти.

– А какой ценовой диапазон?

– Три таера, – ответил Дамиан. – Некоторые варианты дорогие» (14).

Очевидно, что верх взяла экономическая модель счастья. Счастье вновь воспринимается мифологически, но это уже иная «экономическая» мифология: счастье можно смоделировать и купить. Суть конфликта заключена в том, что олигархи возмечтали о подлинном счастье, которое хотят приобрести за деньги, при этом «не постояв за ценой». Один из героев точно определяет, каким оно должно быть:

«Ошеломляющее. Небывалое. Только без наркоты. Без таблеток, без уколов. Настоящее. Сильное. Светлое.

– Между прочим, – сказал Дамиан, – вы сейчас призываете меня пойти против всего морального опыта человечества.

– Почему?

– То, что вы описываете, называется, если совсем коротко, духовной радостью. Это высшее человеческое счастье. Принято считать, что такие вещи не продаются и не покупаются – это божья награда праведникам. А вы хотите это счастье купить.

– Правильно, – ответил Федор Семенович. – Хочу. Потому, что все, кроме такого счастья, у меня есть» (91).

Федору Семеновичу, Ренату Мусаевичу и Юрию Соломоновичу предлагаются разные способы: от перенесения в место и время «упущенного счастья» до сложных буддистских практик. Параллельно, иногда пересекаясь, развивается другая сюжетная линия – поиск женского счастья, которая спровоцировала первые оценки романа как очередного мизогинистского произведения автора. Главная героиня последовательно избывает разные варианты. Это и традиционная роль содержанки:

«Следующие четыре года Таня прожила почти счастливо. Во всяком случае, комфортабельно и спокойно. Игорь Андреевич не напрягал. Она не напрягала его тоже, без сцен и слез, сделав два аборта» (36).

Чуть позже – достижение женского счастья путем платы за него: «...волшебник прилетит, покажет, улетит, а ты оплатишь его вертолет последним кармическим ресурсом своей удачи и счастья» (169). Феминистское счастье независимости от мужчин в финале романа оборачивается банальным хорошо известным «дамским счастьем», пришедшим к героине в результате сложных практик «заарканивания мужика» (мы здесь значительно смягчаем термин, употребляемый писателем).

Роман наполнен бесконечными разговорами-размышлениями о возможностях достижения счастья:

«Во-первых, мы редко способны узнать счастье. Мы его видим только ретроспективно. Во-вторых, мы не всегда осознаем и замечаем катарсис, если он происходит в глубоких слоях психики» (80).

О путях к нему:

«Но ведь мы все (если не считать профессионалов искусства, которые просто канифолят людям мозги) поедаем эту духовную кулинарию с одной-единственной детской надеждой: обрести понимание, пережить озарение и счастье» (214). «Сансара, недостижимая милая сансара, манила своим тусклым светом, обещала прежнее счастье – и ускользала опять» (333).

В романе предлагаются и определения счастья:

«Счастье – всегда самообман. И этот самообман требует нежного креативного подхода» (21). «Счастье – это когда мозг дает сам себе немного сладкой морковки. Потому что все на самом деле происходит в нем» (93). «...Неподвижное, тончайшее, чистейшее счастье, доступное лишь очень сосредоточенному, ясному и спокойному уму» (132).

Но все попытки обрести счастье, «поймать птицу счастья завтрашнего дня» – попытки с заранее негодными средствами: «Вроде нормально все прошло, хотя счастья, конечно, не было. Его вообще нет, счастья...» (346). Выход, и здесь ощутима позиция не столько Дамиана, сколько автора, – возвращение к реальному миру, то есть к жизни без счастья, неприглядной, даже отвратительной, но, возможно, настоящей:

«Раньше я не знал ответа. А теперь понял: к омраченностям сансары, к лживым и пахучим человекам, к бурлящим ежедневным нечистотам, к хитрости и неправде, к смрадной помойке интернета, к лукавым новостным заголовкам, разводящим лоха на клик, к мучительно отвоеванному у Вселенной праву на стабильную мозговую галлюцинацию бытия...» (351).

Очерк моделей счастья в советскую и постсоветскую эпоху есть смысл завершить представлением романа, который назван (не без аналогии со «Счастливой Москвой» А. Платонова²⁰) «Счастливой Россией». Взяв один из своих псевдонимов, Акунин-Чхартисвили, автор недвусмысленно дает понять своему читателю, что перед ним очередная «невежливая книга» (выражение Б. Акунина), то есть книга, рассчитанная не на успех, но написанная для себя, для постановки и, возможно, решения проблем, серьезных и важных для автора. Время романа точно определено – вторая половина 1930-х годов, последние дни перед сменой власти в силовых структурах страны, преддверие краха Ежова. Органы раскрывают существование *истинной* подпольной организации «Счастливая Россия», члены которой называют себя «счастливоросами». Организация ставит заведомо утопическую задачу – сделать Россию счастливой. Попавшие в руки органов доклады, которые делались на заседаниях подпольной организации, – разворачивание картин утопии с разных точек зрения: исторической, политико-философской, богословской, литературной. Точно определяется смысл понятия «счастье», когда речь идет о жизни целой страны:

«Это отнюдь не только материальное благополучие (хоть и оно тоже), а такое общественное устройство, при котором каждый гражданин имеет ничем не ограниченную возможность развиваться как личность, заниматься любимым делом, жить осмысленно и с достоинством»²¹.

Но Россия, по мнению членов организации, – хронически несчастная страна,

«при любом режиме и при любом правительстве. В Гражданскую войну основная масса народа пошла за большевиками прежде всего потому, что те демагогически посулили счастье в неотдаленном будущем, при жизни нынешнего поколения»²².

Б. Акунин, мастер игры с жанрами, последовательно показывает, как все «типы речевых высказываний» (богословский трактат, политический прожект, историографический и футурологический очерки) сводятся к одному – утопии, мечте об идеальном устройстве России, в рамках которой нация и отдельный человек могут максимально полно реализовать себя, тем самым *встать* на пути к достижению общего счастья. Но повесть «Без ветра» Артура Свободина, задуманная как утопия, по законам русской литературы XX века превращается в антиутопию варианта «Мы» Е. Замятина, то есть мечта о рае для общества оборачивается адом и крушением иллюзий для индивида. В финале «птицу счастья», казалось бы, схватил Филипп Бляхин,

герой детективно-политической линии романа, человек, менее всего достойный счастья. Он чудом, благодаря своей изворотливости, удержался на плаву во время смены карательных структур, сумел поставить жену на место, вернуть родного сына. В финале, всматриваясь в свое лицо, он констатирует:

«А посмотреть внимательно – лицо совсем другое. Живое. Будто проснувшееся. И блеск в глазах. А раньше не было. Ничего. Все перемелется, мука будет, и мы еще слепим из нее тесто. Бог даст, даже сдобное. Жить на свете надо счастливо. А иначе, зачем оно все?»²³.

Но и это в дальнейшем окажется для героя иллюзией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Конечно же, человечество не может не мечтать о счастье, о светлом будущем, о хорошей жизни. И каждый, возможно, даже пытается сформулировать для себя, что есть счастье. Любопытно, удастся ли С. Алексиевич в задуманной ею новой документальной

книге о любви и счастье зафиксировать эти формулы, вывести их из жизненной практики людей. Другое дело, литература, искусство. Прав Е. Добренко, культурный текст способен концептуализировать и оформить этот неуловимый конструкт. Но тут же его и деконструировать. Как тут не вспомнить «обманчивое название “Счастье”» М. Степановой, или «значимое отсутствие» этого понятия у Ю. Степанова, или пелевинское: «Счастье – всегда самообман». Можно процитировать и пушкинские строки, которые полнее всего передают психологическое состояние человека, взывающего счастья: «На свете счастья нет, но есть покой и воля», или его же горько-ироничное: «Привычка свыше нам дана, замена счастию она».

Очевидно, что в определенные исторические эпохи государственные интересы обуславливают появление конкретных моделей счастья, а неконъюнктурное искусство в значительной степени корректирует их определенность и заданность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 9. С. 79.
- ² Ларгус А. Книга о счастье. М.: Никей, 2017. 144 с.
- ³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1940. Т. 4. С. 615.
- ⁴ Тренев К. Любовь Яровая. М.: Худ. лит., 1952. 112 с.
- ⁵ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худ. лит., 1989. Т. 2. 750 с.
- ⁶ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 26. С. 265.
- ⁷ Замятин Е. Мы: Романы, повести, рассказы, сказки. М.: Современник, 1989. С. 204.
- ⁸ Платонов А. П. Котлован; Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1987. С. 81.
- ⁹ Там же. С. 121.
- ¹⁰ Там же. С. 121–122.
- ¹¹ Павленко П. А. Счастье. М.: Гослитиздат, 1954. С. 56.
- ¹² Трифонов Ю. Студенты. М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ, 1953. С. 83.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 84.
- ¹⁵ Там же. С. 84–85.
- ¹⁶ Быков Д. Думание мира. СПб.: Лимбус Пресс, 2009. С. 255.
- ¹⁷ Там же. С. 256.
- ¹⁸ Степанова М. Счастье. М.: НЛО, 2003. 88 с.
- ¹⁹ Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2018. 416 с. В круглых скобках будут указаны страницы.
- ²⁰ Платонов А. Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9. С. 9–76.
- ²¹ Акунин-Чхартишвили. Счастливая Россия. М.: Захаров, 2017. С. 40.
- ²² Там же. С. 41.
- ²³ Там же. С. 324.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добренко Е. А. Рецензия на книгу: Топография счастья: Этнографические карты модерна / Сост. Н. Ссорин-Чайков. М.: НЛО, 2013. 408 с. // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 165–172.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
3. Казак В. Лексикон русской литературы XX в. М.: Культура, 1996. 491 с.
4. Ключевский В. О. Литературные портреты. М.: Современник, 1991. 463 с.
5. Лернер Ю. Траектория счастья в любви на постсоветском экране // Топография счастья: Этнографические карты модерна / Сост. Н. Ссорин-Чайков. М.: НЛО, 2013. С. 173–198.

6. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 7. 319 с.
7. Пустовая В. Три в одной. Мария Степанова. Счастье. М.: НЛО, 2003 // Знамя. 2004. № 5. С. 215–217.
8. Ссорин-Чайков Н. Топография счастья, новый диффузионизм и этнографические карты модерна // Топография счастья: Этнографические карты модерна / Сост. Н. Ссорин-Чайков. М.: НЛО, 2013. С. 5–37.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
10. Топография счастья: Этнографические карты модерна / Сост. Н. Ссорин-Чайков. М.: НЛО, 2013. 408 с.
11. Чинакова Н. В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 1. С. 101–115.

Поступила в редакцию 25.05.2020

Alexey V. Podchinenov, PhD in Philology, Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russian Federation)

a.v.podchinenov@urfu.ru

Tatiana A. Snigireva, Doctor of Philology, Ural Federal University, Leading Researcher,
Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russian Federation)

tas0905@rambler.ru

HOMO SOVETICUS & HOMO POSTSOVETICUS: MODELS OF HAPPINESS IN RUSSIAN LITERATURE

Happiness is a complex cultural construct, with many exits into the sphere of life practice, but designed primarily through an artistic text. The article discusses the evolution of happiness concept in Soviet and post-Soviet literature. Initially, modeling of happiness was based on the opposition of the public and the personal. Love was preached, but to an idea, not to a person. Soviet mythology was based on the fact that not family happiness, but the happiness of the struggle to build a new world became the principle conflict of a literary work (P. Pavlenko). But there was another discourse that translated this topic from heroic into tragic (A. Platonov), and later into the dispute form (Yu. Trifonov). In post-Soviet literature, there is no dominant model of happiness, as well as no regulated national idea. Happiness is filled not with general, but with personal meaning. The search for happiness acquires an exclusively individual character: it is either transferred to the “innocent past” (B. Akunin), or is interpreted as overcoming oneself (T. Tolstaya, A. Kabakov, D. Rubina, etc.). Victor Pelevin’s novel *Secret Views of Mount Fuji* (2018) presents a kind of the modern understanding of happiness, with the economic model being a priority, and a new “economic” mythology of happiness being created. The writer considers this a modern form of self-deception and a substitution of reality. In the final part of the article, Boris Akunin-Chkhartishvili’s novel *Happy Russia* (2017), full of reminiscences, is considered as an essay on happiness models in the Soviet and post-Soviet era, and as the development of utopian pictures from different points of view: historical, political, philosophical, theological, and literary ones.

Keywords: model of happiness, Soviet and post-Soviet literature, Pelevin, Akunin

Cite this article as: Podchinenov A. V., Snigireva T. A. Homo soveticus & Homo postsoveticus: models of happiness in Russian literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.528

REFERENCES

1. Dobrenko E. Book review: The topography of happiness: Ethnographic maps of the modern. (N. Ssorin-Chaykov, Comp.) *Anthropological Forum*. 2015. No 25. P. 165–172. (In Russ.)
2. Durkheim E. The division of labor in society. Sociological method. Moscow, 1991. 576 p. (In Russ.)
3. Kazak V. Lexicon of Russian literature of the XX century. Moscow, 1996. 491 p. (In Russ.)
4. Klyuchevskiy V. Literary portraits. Moscow, 1991. 463 p. (In Russ.)
5. Lerner Yu. The trajectory of happiness in love on the post-Soviet screen. *The topography of happiness: Ethnographic maps of the modern*. Moscow, 2013. P. 173–198. (In Russ.)
6. Makarenko A. Pedagogical essays: In 8 vols. Moscow, 1984. Vol. 7. 319 p. (In Russ.)
7. Pustovaya V. Three in one. Maria Stepanova. Happiness. Moscow, 2003. *Znamya*. 2004. No 5. P. 215–217. (In Russ.)
8. Ssorin-Chaykov N. The topography of happiness, new diffusionism and modern ethnographic maps of the modern. *The topography of happiness: Ethnographic maps of the modern*. Moscow, 2013. P. 5–37. (In Russ.)
9. Stepanov Yu. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, 2001. 990 p. (In Russ.)
10. The topography of happiness: Ethnographic maps of the modern. Moscow, 2013. 408 p. (In Russ.)
11. Chinakova N. V. The economy of happiness: modern research and discussions. *World of Economics and Management*. 2016. Vol. 16. No 1. P. 101–115. (In Russ.)

Received: 25 May, 2020

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ma-cher@yandex.ru

НОВАЯ ДРАМА ДЛЯ НОВЫХ ТИНЕЙДЖЕРОВ: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Статья посвящена выявлению основных типологических черт современной драматургии для подростков. Если «новая драма» XXI века является объектом серьезного осмысления отечественным литературоведением, то современная драма для подростков представляет собой абсолютно новое поле для научного осмысления. Выявление специфики этого феномена представляется очень актуальным. Современная драма для подростков, с одной стороны, обладает характерной для «новой драмы» дискурсивностью (деконструкция реальности, новый тип героя, эстетика травмы и др.), а с другой – отражает основные мотивы современной детской литературы (конфликты в школе, первая любовь, сиротство, неполные семьи, подростковый суицид, буллинг, насилие в семье и т. д.). Если новая драма для взрослых может быть понята и как антитеза, и как синтез исторических тенденций в репрезентации насилия, то новая драма для подростков в каком-то смысле продолжает традиции «чернушного» масскульта нулевых. Новое поколение молодых драматургов (И. Васьковская, А. Букреева, Ю. Тупикина, С. Орлова и др.) в своих зачастую эпатажных пьесах воплощают бесконечный абсурд нашей реальности. Жанровый и тематический репертуар современной драматургии для подростков достаточно репрезентативно отражает эстетические и социокультурные координаты времени.

Ключевые слова: «новая драма», современная драматургия, пьеса, постдраматический театр, социальность, современная литература для подростков, жанровый репертуар

Для цитирования: Черняк М. А. Новая драма для новых тинейджеров: к вопросу о типологических чертах современной драматургии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.529

ВВЕДЕНИЕ

«Новая драма» XXI века возникает вопреки старому репертуарному театру с его традициями. Размышляя о причинах возникновения драматургических подъёмов в разные периоды истории литературы, М. Липовецкий приходит к очень важным теоретическим выводам:

«Быть может, драматургия становится главным действующим лицом в литературе именно тогда, когда после бурных передраг, революций, потрясений и сдвигов происходит стабилизация (застой, депрессия)? Этот жанр реагирует на отверждение новой социальности, до тех пор казавшейся неоформленной и открытой для перемен. Драма, находящаяся на подъёме, в сущности, всегда сфокусирована на несбывшихся надеждах. Ее интересуют те, кто платит за социальный сдвиг, те, кто получают пощечины, те, кого повернувшаяся история столкнула куда-то в канаву или же в канаве оставила, вначале поманив, да бросив. Именно драма начинает биться головой о стену новой социальности. О ту самую стену, которая еще недавно казалась дверями в светлое будущее. Это жанр похмелья, ломки, отходняка. В драматур-

гической муке обычно вызревает подъём романа» [7: 145].

Если новая драма для взрослых может быть понята и как антитеза, и как синтез исторических тенденций в репрезентации насилия, то новая драма для подростков в каком-то смысле продолжает традиции «чернушного» масскульта нулевых («Учитель химии» Ярославы Пулинович, «Домой» Людмилы Разумовской, «Агата возвращается домой» Линор Горалик и др.). «Все дело в том, что вы кричите и очень невежливо с нами разговариваете. Так нельзя, понимаете? Люди созданы не для ругани, а для чего-то другого. Для дела, для разговора, для того, чтобы думать (выделено мною. – М. Ч.)»¹, – практически за все свое поколение говорит герой пьесы Дарьи Варденбург «Никаких сомнений».

«Новая драма» XXI века представляет собой отчетливую реакцию на кризис тематического и сюжетного репертуара и появление абсолютно нового зрителя и читателя. Новое поколение

молодых драматургов активно восполняет существующие лакуны. Например, драматург Максим Курочкин признавался, что настолько был обозлен ситуацией в современных театрах, что стал писать тексты вопреки существующей театральной модели, а Василий Сигарев впервые пришел в театр на премьеру собственной пьесы. П. Руднев точно заметил, что перед нами любопытное явление рассинхронизации развития театра и драмы: «Драматург пишет пьесы не для существующего театра, а пьесу-грезу, пьесу-мечтание о театре, которого еще пока нет» [9: 235].

К. Матвиенко, куратор «Школы современного зрителя и слушателя» Электротeatра «Станиславский», о поисках нового драматургического языка говорит так:

«Сегодня театр ищет современную пьесу и делает это без высокомерия и заявлений типа “а где ваш Чехов?”. Театр понял, что через новую пьесу к нему приходит и новая, нетеатральная публика – ей важно слышать разговор про себя, понимать и чувствовать время настоящее, а не абстрактное» [12].

В кристаллизации новой драматургии как направления немалую роль сыграли конкурсы, учрежденные для начинающих драматургов. Наряду с уже известными конкурсами современной драматургии («Исходное событие-XXI век», «Действующие лица», «Любимовка», «Время драмы», «Монодрама» и др.) возникли конкурсы драматургии для подростков: «Маленькая премьера», «Маленькая ремарка», Всероссийский конкурс драматургии для детской, подростковой и молодежной аудитории «ASYL» и др. Появился новый тип молодого драматурга, ведущего активную сетевую жизнь и общающегося со своим читателем напрямую, участвующего в читках собственных текстов. Добившийся публичного признания и успеха, молодой драматург (иногда почти сверстник) воспринимается старшеклассниками не как классик-морализатор, а как авторитетный собеседник, отвечающий на проблемные и болезненные вопросы, на которые у самого подростка пока нет ответов.

Жанровое многообразие пьес для подростков в полной мере отражает полифонию современного мира. Так, пьеса Дарьи Уткиной и Ирины Васильковской «Как спасти папу, похищенного ужасным драконом» оказывается квестом, в котором пять девочек ищут неожиданно исчезнувших пап. Квест становится перевертышем и игрой с ожиданиями читателя/зрителя, потому что драконом

окажется одна из героинь. Вообще, необходимо отметить, что пьесы конкурса «Маленькая ремарка» отсылают к классике детской литературы. Например, в пьесе Полины Бородиной «Настоящее неопределенное время» угадывается диалог со «Сказкой о потерянном времени» Евгения Шварца и сказкой «Маша и Витя против “Диких гитар”» Павла Финна. Мальчик Саша и девочка Аля поворачивают ключик в старом будильнике в мастерской часовщика и оказываются в волшебном лесу, в котором происходят невероятные вещи: в нем медведи в пижамах поедают потерянное время, синие деревья с глазами умеют говорить, а слизни толстеют от детских слез. А выбраться из этого леса можно, только преодолев свои страхи, а для этого героям нужно понять, чего они боятся.

Пьесы для тинейджеров продолжают, с одной стороны, традиции «новой драмы» для взрослых, а с другой – тенденции развития современной детской литературы с ее острыми темами и проблемами. Так, например, в пьесе Риты Кадацкой «Когда я вырасту – стану Машей» поднимается болезненная тема буллинга в детском коллективе. Жестоким травле сверстников подвергается Маша, девочка-неформал из Петербурга, приехавшая жить в провинциальный городок. Одноклассники не принимают и не понимают ее свободолюбие, которое выражается не только в яркой прическе или татуировках, но и во взглядах. Фраза, вынесенная в заглавие пьесы, принадлежит маленькой сестренке Маши, единственному человеку, вставшему на ее защиту.

«Новая драма» еще в начале нулевых годов привлекла к себе абсолютно нового читателя и зрителя, воспринимающего драматургический текст и театральное событие иначе. Одной из особенностей «новой драмы» стало перенесение основной смысловой тяжести на живой разговорный язык, подслушанный на улице, в клубе, офисе, школе. Режиссер К. Серебренников ценит в «новой драме» именно языковую свободу:

«Появление “новой драмы” всегда связано с кризисом старой, поэтому театр как структура саморегулируемая – подобно океану, который в определенные времена года самоочищается, или озоновому слою, который самовосстанавливается каким-то неведомым образом, – в разные периоды своей жизни вызывает к новому качеству звука. Моно сменяется стерео, или hi-fi сменяется hi-end звуком. Это связано с обновлением языка, с обновлением языковой среды, вероятно, и с тем, что пришли новые люди, которые говорят на другом языке... К тому же эти другие люди “про другое” живут. Появились новые социальные и прочие персонажи; пришли

инные зрители, которые хотят про что-то другое смотреть. В этом есть всегда как позитивное, так и негативное: с одной стороны, в движении “новой драмы” присутствует вектор, нацеленный против лжи и фальши, которая идет со сцены» [11].

«Я – кулак. Я А-н-н-а», «Мусорный мюзикл», «Фото топлес», «Митина война», «Нитко не забит», «Кого я нашел в соцсети», «Церковь пресвятого макчикена», «Говорение», «Мой папа Питер Пен», «Зомби выпьют вашу кровь» – уже сам заголовочный комплекс пьес разных авторов «Маленькой ремарки» говорит о смене не только тематического, но и языкового репертуара.

Современному театру, особенно адресованному подросткам, приходится конкурировать с плотной медиасредой, сериалами, анимацией, компьютерными играми и т. д. Драматург Ю. Тупикина образно сказала о специфике своей профессии так:

«Это специальный считывающий прибор, у него есть глаз, ухо. Выдающийся писатель (в том числе драматург) – это большой сенсор, тонометр, глюкометр, кардиограф и даже МРТ. Нам надо стремиться стать МРТ, в этом наша эволюция – все мы сначала были просто ртутными градусниками. Драматург должен уметь ловить время, создавать живых персонажей (это содержание) и предлагать нестандартные архитектурные решения (это форма). Он должен, как дайвер, нырять в глубину человеческой души и обстоятельств жизни и уметь, как серфер, стремительно скользить по поверхности нарратива, увлекая наше, читательское и зрительское, внимание. Он должен дарить нам свободу. Его тексты должны быть лекарством, помогать нам строить из хаоса нашей сумасшедшей жизни какой-никакой космос, давать нам надежду, говорить правду о нас, служить честным зеркалом, задавать нам неудобные вопросы» [13].

Сборники «Всем, кого касается: современная подростковая драма» и «Хочу по правде. Современная подростковая драма» стали важным проектом издательства «Самокат» по популяризации современной драмы для подростков.

«Мы надеемся, что “Современная подростковая драма” станет не только срезом времени, его свидетельством и документом, но и книгой, которую хочется перечитывать. Что среди этого сюжетного, мировоззренческого, стилистического разнообразия читатель найдет любимые тексты – для чтения и для постановки. И что на сцене будут появляться новые спектакли – слышащие сегодняшнего героя-подростка, говорящие с ним на одном языке» [2].

– отмечает составитель сборника Е. Спиваковская. Несмотря на то, что составители постарались отобрать максимально непохожие тексты,

некоторые пьесы оказались близки по проблематике. Так, герои Натальи Блок («Фото топлес»), Андрея Иванова («Это всё она») и Екатерины Бизяевой («Март и Слива») значительную часть жизни проводят в виртуальном мире. Этого требует и мода (Наташа из пьесы «Бог ездит на велосипеде» Ирины Васьковской и Дарьи Уткиной читает подруге целую лекцию по созданию модных образов), и необходимость социализации (герои драмы «Никаких сомнений» Дарьи Варденбург ассоциируют себя с персонажами из множества фильмов). Перегруженные информацией подростки теряются и, не получив поддержки от родителей и учителей, отчаиваются понять, что происходит вокруг. Поэтому герои многих пьес придумывают себе альтернативные миры, в которых им жить проще и комфортнее. В пьесе А. Олейникова «Хлебзавод» невинный поход в гости к подруге оборачивается для Маши спиритическим сеансом и «переходом» в потусторонний мир, невозможностью вернуться в собственное тело; действие драмы С. Орловой «Хочу по правде» начинается в пионерском лагере, откуда, как вскоре оказывается, нельзя выйти, так как повсюду ведутся военные действия (причем, кто, с кем и за что воюет, совершенно неясно).

«Наташина мечта» Я. Пулинович, «Офелия боится воды» Ю. Тупикиной, «Март» И. Васьковской, «Сережа очень тупой» Д. Данилова – эти и многие другие пьесы, демонстрирующие новые формы нарратива, доказывают, что сериалы как революционное орудие медиаконвергенции, масштабный феномен, выявляющийся на пересечении новых и старых медиа, безусловно, повлияли на жанровый и тематический репертуар современной драматургии для подростков.

Масштабные сдвиги в литературной системе XXI века не могли не затронуть драматургию, в которой с 2000-х годов шла системная перестройка литературных практик. Разрушение привычной структуры драматургического текста проявляется и в прозаизации ремарок, и во включении в текст постов социальных сетей, эсэмэсок, комментариев и т. д. Так, например, представляется очень показательной и симптоматичной ремарка из пьесы «Говорение» Полины Коротыч и Маши Всё-Таки:

«У таблички “Я <3 (сердце) Мурино”. От нее отвалилось сердце, осталось “Я Мурино”. Мурино устроено так, что из всех квартир виден каждый сантиметр дворов, как на ладони. Ваня висит на табличке, поджав ноги, Вася и Маша сидят в обнимку на заборе. У Лизы bluetooth-колонка. Из нее играет песня Гречки “Мама,

прости, ведь девочки не пьют, девочки не курят и девочки не лгут. Но, мама, прости, я так хочу бухать, и если вдруг приспичит, то я пойду блевать”. Полина Коротыч подпевает. Она ведет прямой эфир “ВКонтакте”»².

Молодые драматурги настаивают на том, что сегодня наступает эпоха «театра текста»:

«Драматургия в некоторых своих воплощениях отделяется от театра. В ней есть направление, которое нацелено не на постановку, а скорее на чтение – вслух или глазами. Зачастую артисты предъявляют претензии, что им здесь нечего играть. Да, может быть, играть нечего, но суть в том, чтобы просто произносить текст вслух. Про одну из пьес нашего курса, кажется, про Полинину, кто-то сказал в качестве претензии: “На этой читке текст просто говорился вперед”. Мне кажется, это идеальная формула для драматургии – говорить текст» [5].

Действительно, «новая драма» возникла на фоне кризиса привычных форм создания драматургического текста. Вовлеченность в широкий спектр коммуникативных практик цифровой эпохи, множественность информационных потоков повлекли за собой смену существующей парадигмы драматургического текста. Например, в текст пьесы «Говорение» включены фрагменты дневника учительницы русского языка Анжели. Ср.:

«ЖЖ АНЖЕЛЫ. Заголовок: 26 апреля. Анжела печатает: “Сегодня повела себя непростительно резко”. Стирает “резко”. Анжела печатает: “Сегодня повела себя непростительно некрасиво”. Стирает “некрасиво”. Стирает все остальное. Анжела печатает: “Сегодня день выдался не из лучших”. Стирает все. Анжела печатает: “Алкоголь – это слабость, с которой необходимо бороться. Обычно я не”. Стирает “обычно я не”. Стирает все остальное. Анжела печатает: “Глаза”. Стирает “глаза”. Анжела печатает: “Глаза пятнадцати лет – это самое страшное”. Публикует эту запись»³.

Очевидно, что трансформация драматургического текста влечет за собой изменение способов театрального высказывания. В связи с этим нельзя не вспомнить книгу Ханса-Тиса Лемана «Постдраматический театр», появление которой и развернувшаяся вокруг нее дискуссия стали важным событием в театральном мире.

«Постдраматический театр вовсе не означает театр, который существует за пределами, по ту сторону драмы, т. е. вне всякого отношения к ней. Его скорее следует понимать как развертывание и расцвет некоего потенциального распада, демонтажа и деконструкции уже заложенного в драме» [6: 71],

– пишет Х.-Т. Леман. Он настаивает на том, что одной из основных примет постдраматического театра становится отказ театра от литературной основы, но при этом драма, от кото-

рой он отказывается, сама становится частью постдраматической реальности. Глубинные корни постдраматического театра связаны с двумя смежными явлениями – потерей семантического и ценностного измерения слова. На фоне неконтролируемого потока информации человечество теряет способность производить новые смыслы посредством слова (девербализация) и вместе с тем находить смысл в уже имеющихся словесных конструкциях (десемантизация). Основой постдраматического театра является мысль о том, что театр перестает «обслуживать» литературу, подменять свои композиционные приемы законами построения словесного текста. Театр перестает быть текстологическим, а становится близким идее театра как пейзажа. Сканирование драматургами живой современности во многом отвечает вызовам постдраматического театра. В этом случае следует согласиться с определением «новой драмы», данным театральным критиком А. Карась:

«Новая драма – это тексты, которые востребованы молодыми актерами, режиссерами и которые публика смотрит с интересом. Их появление связано с желанием записать современную, еще не оформленную реальность в виде, может быть, примитивных, почти необработанных диалогов. Поэтому новая драма связана с тинейджерским письмом совсем молодых людей. Бывают такие периоды в жизни культуры и истории, когда очередное поколение говорит: мы хотим, чтоб про нас поговорили нашим языком» [4].

Обновление театрального репертуара – это не столько появление новых имен, сколько появление совершенно иных тем и драматургических ракурсов, это своеобразное проявление социального беспокойства и раздражения. «Выжившая» Н. Говердовской, «Френдзона» О. Жанаидарова, «Родоки ни мира, ни войны» С. Решетова, «Венечка ищет Бога» С. Вепрева, «Ганди молчал по субботам» А. Букреевой и многие другие пьесы доказывают, что «новая драма» для подростков лежит в поле проблем самоидентификации и неизбежных конфликтов в семье, школе, компании, городе. Это драматургия боли, а не комфорта. Эти пьесы наглядно иллюстрируют процесс обнуления культуры, когда, по словам П. Руднева, происходит самоочищение и переполнение «жесткого диска культурной памяти» [9: 152].

«Ганди молчал по субботам» А. Букреевой – это щемящая история о взрослении подростка, который даже имя свое не любил:

«Мне никогда не нравилось имя Саша, я уже сотню лет как Мот. Что за бред? Такое имя носят только

кретины. Саша какой-то. И отчество, прям, подходящее у меня – Сергеевич. Мама сказала: “Как поэт”. Она кайф, видимо, испытывала от этого. А надо думать, в честь кого ребенка называете. Пушкин так себе был товарищ... в общем, так себе. Гулял по-всякому, говорят, слуг тростью избивал. И главное – никакой благодарности царю. А ведь было за что. Ну, если так, по справедливости, покопаться. А он ему: “Твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу”. Ты ему палец, да, Пушкину в рот, а он откусит полруки. Дикий зверюга»⁴.

Почему нужно убивать белочек, чтобы сделать кисточку для рисования? Чтобы понять, нужно ли тебе жениться, стоит представить, можешь ли ты с этим человеком лежать в гробу? – эти странные вопросы постоянно возникают у Мота, абсолютно закрытого, но при этом желающего быть услышанным 15-летнего подростка. Реальный жестокий мир врывается в его размеренную жизнь с репликой отца: «Лучше я скажу это сейчас. Я уйду...»⁵.

«Главный герой, на котором держится сюжет, по сути, обычный мальчик-подросток, в конце превращается в Ганди, отрекается от мира, иначе он превратится в маму и папу, в картонные варианты человеческого существования» [1],

– говорит о своем герое А. Букреева. В монологе Мота звучит не только крик отчаянья конкретного подростка, но и голос поколения:

«Я решил уйти из соц. сетей, раз все равно все уходило куда-то. Но даже не поэтому. Просто я ненавижу соц. сети. Просто, если я запостил, скажем, фотку какую-нибудь или сообщение, а его не лайкнули... Или лайкнули, но как-то мало, или из жалости, или от нечего делать, или не читая, или не подумав, или вообще левые какие-то люди, и их меньше десяти – всё, у меня депресняк. Я просто, ну, я сам, когда лайки ставлю, то я же вру иногда. Почти всегда. Что мне есть дело до кого-то? Или кому-то до меня есть дело?»⁶

В новой жизни Мота, в которой родители больше не любят друг друга, сестра перестает быть лучшим другом, а бабушка предпочитает разговаривать с мертвецами из своего фронтового прошлого, появляется бомж Лиза, отстраненная и молчаливая, целыми днями пристально разглядывающая людей в подземном переходе на Невском проспекте. Лиза становится своеобразным буфером между подростком и реальностью, между Родителем 1 и Родителем 2 (так Мот после развода называет отца и мать). Именно Лиза подсказывает мальчику идею молчаливого протеста, вспомнив реальную историю о том, как Ганди молчал по субботам.

Современная драматургия для подростков и о подростках является органичной частью как «новой драмы», так и современной детской литературы с ее особыми темами и мотивами. Принципиально важным в этом отношении становится острая социальная направленность отечественной и зарубежной подростковой литературы с частым повествованием от первого лица, языковыми особенностями молодежной речи, экспериментами с композицией. Поэтизация безоблачного детства, характерная для советской детской литературы, вступает в резкое противоречие с репертуаром «трудных» тем (насилие, секс, терроризм, война, сиротство, неполные семьи, переосмысление отечественной истории, подростковый суицид, буллинг, насилие в семье и т. д.). Одна из центральных проблем подростковой литературы – поиск самоидентичности: культурной, исторической, социальной, национальной, сексуальной и т. д. Так, Настя, героиня пьесы Ирины Васильковской и Дарьи Уткиной «Дар моей невинности», – типичный жестокий подросток, бунтующий против родителей, против любого порядка и ритуализации жизни:

«Мам, я не понимаю, почему я тебя ненавижу. Вот честно. Мам, во мне же половина твоих генов, прикинь? Я как бы наполовину состою из тебя. Я наполовину бесполезная домохозяйка, которую обзывает сухой ее дочка, которой она посвятила жизнь. Это капец, мама. Мама, ты вчера сказала папе: “Включи первый канал, там концерт идет”. Блин, я хотела тебя убить за эти слова. Мамочка, посади меня в клетку. Я очень тебя прошу. Или пристегни меня наручниками к батарее. Не давай мне есть»⁷.

Современная литература интересна тем, что она не только сканирует окружающую действительность и пытается описать героя своего времени, но и заглядывает в будущее. Как предвидение 2020 года звучит из написанной в 2018 году пьесы монолог девочки-подростка:

«Мама, я знаю, что скоро будет эпидемия чумы. Не знаю когда, но будет. Все мои дебилы-друзья умрут. Вот они лежат. Капец, раздутые и почерневшие. Вчера они орали “хей, танцуем, как шизики”, а сегодня молчат. Блин, надо сообщить их родителям. Я создам группу “Чума” в ватсапе. Я всех туда добавлю. Я отмечу всех тегом “чума-здесь-но-танцуем”. Блин, наверное, я тоже заразилась. Готовься, маленький принц. Зря ты упарывался за лучшие оценки. Зря выпросил четыре черных платья на лето»⁸.

«Современность является в литературе, наконец, без умолчаний. Социальный факт приобретает пластическое выражение как знамение исторического момента» [8], – эти

слова Е. Ермолина можно отнести и к современной драматургии для подростков, тематический и сюжетный репертуар которой прочно связан с событиями современности. Так, например, показательна пьеса А. Житковского «Горка» про воспитательницу детского сада, медленно сходящую с ума от бесконечного абсурда повседневной жизни. А Дана Сидерос в пьесе «Всем кого касается», поднимая вопрос о травле подростка в школе, выходит к метафорическим обобщениям и новому уровню правды. В лучший класс элитной школы приходят два брата, Костян и Миша, один из которых не говорит. Братья общаются на придуманном ими языке прикосновений, что вызывает у одноклассников резкое неприятие и отторжение. Конфликты, подозрения и запреты, казалось бы, отравляют все отношения в школе, и помочь может только желание понять и принять другого. В «совершенно ненужном приложении» к пьесе Д. Сидерос практически создает своеобразный словарь прикосновений, понятный уже не только братьям, но и одноклассникам, и учительнице Софье Алексеевне. Это приложение – «азбука» общения подростка XXI века:

«[взять за запястье] – и держать так, если страшно, или тревожно. Если у тебя пугливый брат, то запястья вечно в синяках, он тискает их так, как будто у тебя на руке маленькое, все время пульсирующее сердце.

[тронуть плечо] – когда сказать, в общем, нечего, но ты просто хочешь напомнить, что ты тут, и всё пока что в порядке, или призываешь успокоиться, если твой брат разгорячился, или говоришь “да ну их всех к черту”.

[тронуть подбородок] – говорить. Такие слова появляются, когда твой брат пытается разжать тебе челюсти, ну давай скажи что-нибудь, ты же можешь.

[ушипнуть за подбородок] – лгать, или издеваться, или шутить, или проворачивать какой-то смешной трюк, основанный на обмане.

[тронуть висок] – это если ты сомневаешься, не доверяешь присутствующим и вообще подумываешь убежать подальше»⁹.

«Словно маленькая капля, упавшая на поверхность водной глади, эта пьеса способна соз-

дать мощный общественный резонанс на неизмеримом социальном пространстве, создавая условия изменения сознания *всем кого касается*» [3], – признается читатель пьесы Д. Сидерос. «Ощущение раздувающегося то тут, то там пожара, смога становится аллегорией печального неблагополучия, безотчетной нервозности человека наших дней» [8], – пишет о пьесе Сидерос П. Руднев.

Писатель Ш. Идиатуллин очень точно подметил, что пишущий и создающий разные истории человек должен

«рассказывать про слушателя-читателя, иногда в неузнаваемом и невыразимо прекрасном или ужасном, но в любом случае примеряемом образе. Про здесь, сейчас и в этих вот условиях, которые абсолютно социальны и весьма отличны от того, что было даже пару лет назад. Про динамичные события с обозначением перспективы, в том числе обратной. Про интересное и важное» [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что «новая драма» вообще и современная драма для подростков в частности пытаются «схватить сырую реальность времени», сделать «срочное фото», фиксируют нашу жизнь по частям, по крупницам, это тот материал, который необходим не только современному литературному процессу, но и театру XXI века. «“Новой драме” нужно преодолеть статус субкультуры, в котором она сегодня пребывает, и во что бы то ни было стать культурой» [10], – полагает П. Руднев. Да, пьесы, о которых говорилось в статье, вызывают много споров, драматургия для подростков чрезвычайно многообразна, неоднородна и противоречива, ее художественные ценности формируются у нас на глазах, потому что большинство ее авторов еще очень молоды и только начинают путь в большой литературе. Но с уверенностью можно сказать, что современная драматургия для подростков достаточно репрезентативно отражает эстетические и социокультурные координаты времени и тенденции развития «новой драмы».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Варденбург Д. Никаких сомнений [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://remarka-drama.ru/texts/plays_mr2018/ (дата обращения 12.02.2019).

² Коротыч П., Маша Всё-Таки. Говорение [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kolyada-theatre.ru/upload/user/Evraziya2019/big2019/Masha_VsyoTaki_Polina_Korotych_Govorenje.docx (дата обращения 10.04.2020).

³ Там же.

⁴ Букреева А. Ганди молчал по субботам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litteratura.org/dramaturgy/3031-anastasiya-bukreeva-gandi-molchal-po-subbotam.html> (дата обращения 12.02.2019).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Васьковская И., Уткина Д. Дар моей невинности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.theatre-library.ru/authors/v/vaskovskaya_irina (дата обращения 19.06.2019).

⁸ Там же.

⁹ Сидерос Д. Всем кого касается [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://remarka-drama.ru/texts/plays_mr2018/ (дата обращения 20.01.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букреева А. «Это тот случай, когда история воспитывает автора» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vtinform.com/interview/143171/?sphrase_id=13658272 (дата обращения 19.06.2019).
2. Всем, кого касается: современная подростковая драма. М.: Самокат, 2019. 144 с.
3. Гайнуллина С. Всем кого касается [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.b17.ru/article/vsem_kogo_kasaetsa/ (дата обращения 29.02.2020).
4. Карась А. Формы новые нужны, драмы всякие важны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2003/182/10/81296.html> (дата обращения 22.03.2019).
5. Коротыч П., Маша Всё-Таки. «Мы в эпицентре русской драматургии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lubimovka.ru/blog/736-my-v-epitsentre-russkoj-dramaturgii> (дата обращения 12.02.2019).
6. Леман Х.-Т. Постдраматический театр. М.: ABCdesion, 2013. 312 с.
7. Липовецкий М. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых // НЛО. 2005. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/teatr-nasiliya-v-obshchestve-spektaklya-filosofskie-farsy-vladimira-i-olega-presnyakovyh.html> (дата обращения 10.04.2020).
8. «Новая социальность» в театре и кино. Круглый стол // Знамя. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky-media.turbopages.org/s/magazines.gorky.media/znamia/2019/11> (дата обращения 20.01.2020).
9. Руднев П. Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950–2010-е. М.: НЛО, 2018. 492 с.
10. Руднев П. Театральные впечатления // Новый Мир. 2005. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2005/11/teatralnye-vpechatleniya-pavla-rudneva-12.html (дата обращения 11.11.2018).
11. Серебrenников К. «Новая драма»: анкета ИК // Искусство кино. 2004. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.kinoart.ru/archive/2004/02/n2-article2> (дата обращения 11.11.2018).
12. Современная драма: путь к зрителю или пауза ожидания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litteratura.org/non-fiction/2215-sovremennaya-drama-put-k-zritelyu-ili-pauza-ozhidaniya.html> (дата обращения 10.04.2020).
13. Тупикина Ю. «Сначала мы были просто ртутными градусниками» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://screenstage.ru/?p=7320> (дата обращения 22.03.2019).

Поступила в редакцию 09.06.2020

Maria A. Chernyak, Doctor of Philology, Herzen State Pedagogical University
(St. Petersburg, Russian Federation)
ma-cher@yandex.ru

NEW DRAMA FOR NEW TEENAGERS: REVISITING TYPOLOGICAL FEATURES OF MODERN DRAMA

The article is aimed at identifying the main typological features of modern drama for adolescents. While the “new drama” of the XXI century is an object of serious comprehension by domestic literary criticism, the modern drama for adolescents represents an entirely new field for scientific understanding. Identifying the specifics of this phenomenon seems very relevant. Modern drama for adolescents, on the one hand, has discursiveness that is characteristic of the “new drama” (deconstruction of reality, a new type of hero, aesthetics of trauma, etc.), and on the other hand it reflects the main motifs of modern children’s literature (conflicts at school, first love, orphanage, single-parent families, teenage suicide, bullying, domestic violence, etc.). While the new drama for adults can be understood both as an antithesis and as the synthesis of historical tendencies in the representation of violence, the new drama for adolescents, in a sense, continues the traditions of the “dark”, gruesome mass culture of the first decade of the XXI century. In their often outrageous plays, the new generation of young playwrights (I. Vaskovskaya, A. Bukreeva, Yu. Tupikina, S. Orlova and

others) embodies the endless absurdity of our reality. The genre and thematic repertoire of contemporary drama for teenagers quite representatively reflects the aesthetic and sociocultural coordinates of the time.

Keywords: “new drama”, modern drama, play, postdramatic theater, sociality, modern literature for adolescents, genre repertoire

Cite this article as: Chernyak M. A. New drama for new teenagers: revisiting typological features of modern drama. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 87–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.529

REFERENCES

1. Bukreeva A. “This is the case when history educates the author”. Available at: https://vtinform.com/interview/143171/?sphrase_id=13658272 (accessed 19.06.2019). (In Russ.)
2. To whom it may concern: modern teenage drama. Moscow, 2019. 144 p. (In Russ.)
3. Gaynullina S. To whom it may concern. Available at: https://www.b17.ru/article/vsem_kogo_kasaetsa/ (accessed 29.02.2020). (In Russ.)
4. Karas' A. New forms are needed, all kinds of dramas are important. Available at: <http://www.vremya.ru/2003/182/10/81296.html> (accessed 22.03.2019). (In Russ.)
5. Korotych P., Masha None-the-Less. “We are at the epicenter of Russian drama”. Available at: <https://lubimovka.ru/blog/736-my-v-epitsentre-russkoj-dramaturgii> (accessed 12.02.2019). (In Russ.)
6. Lehmann H.-T. Postdramatic theater. Moscow, 2013. 312 p. (In Russ.)
7. Lipovetsky M. Theater of violence in the performance society: philosophical farces of Vladimir and Oleg Presnyakov. *NLO*. 2005. No 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/teatr-nasiliya-v-obshchestve-spektaklya-filosofskie-farsy-vladimira-i-olega-presnyakovyh.html> (accessed 10.04.2020). (In Russ.)
8. “New sociality” in theater and cinema. Round table. *Znamya*. 2019. No 11. Available at: <https://magazines-gorky-media.turbopages.org/s/magazines.gorky.media/znamia/2019/11> (accessed 20.01.2020). (In Russ.)
9. Rudnev P. Drama of memory. Essays on the history of Russian drama. 1950–2010. Moscow, 2018. 492 p. (In Russ.)
10. Rudnev P. Theater impressions. *New World*. 2005. No 11. Available at: <https://magazines.gorky.media/novyim/2005/11/teatralnye-vpechatleniya-pavla-rudneva-12.html> (accessed 11.11.2018). (In Russ.)
11. Serebrennikov K. “New Drama”: questionnaire of the *Cinema Art* magazine. *Cinema Art*. 2004. No 3. Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/2004/02/n2-article2> (accessed 11.11.2018). (In Russ.)
12. Modern drama: the path to the viewer or a standby pause. Available at: <http://litteratura.org/non-fiction/2215-sovremennaya-drama-put-k-zritelyu-ili-pauza-ozhidaniya.html> (accessed 10.04.2020) (In Russ.)
13. Tupikina Yu. “At first, we were just mercury thermometers”. Available at: <http://screenstage.ru/?p=7320> (accessed 22.03.2019). (In Russ.)

Received: 9 June, 2020

СВЕТЛАНА КОНСТАНТИНОВНА КАЗАКОВА

кандидат искусствоведения, научный сотрудник
Ассоциация искусствоведов (Москва, Российская Феде-
рация)
svka@inbox.ru

ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС И ОБЩЕЕ БЛАГО: ОТЗВУК ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»*

Рассматривается влияние исторического контекста на характер одного из ключевых персонажей романа И. А. Гончарова «Обрыв» – волжской дворянки Татьяны Марковны Бережковой. Прослеживаются неявные признаки изменений в хозяйстве помещицы, а также в ее общественных воззрениях. На примере отношения Бережковой к идее общего блага демонстрируется способность героини к развитию: вместо замкнувшейся на своих интересах «феодалки» старых нравов перед читателем предстает рачительная хозяйка, которая справляется с экономическими вызовами времени и поднимается до приятия явлений общественного и государственного масштаба. Анализ неочевидных деталей приводит к гипотезе, что эволюция героини произошла под воздействием изменений исторической обстановки в России эпохи реформ Александра II. На основании концепции «нового эпоса» М. М. Бахтина ставится вопрос о типологических аспектах презентации исторической реальности в романной прозе: непосредственное изображение эпических моментов или «дух века»; личное участие героев в масштабных событиях или косвенное влияние эпохи на их быт и взгляды. В сопоставлении с романом-эпопеей Л. Н. Толстого «Война и мир» делается вывод об особом, имплицитном, способе презентации исторического времени в романе Гончарова. Выявленные новые оттенки в характере Бережковой трансформируют интерпретацию финальной метафоры романа «великая “бабушка” – Россия»: в ее основании видится не патриархальность и застой, а, напротив, способность чутко слышать время и обновляться в единстве со страной.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, «Обрыв», русский роман, М. М. Бахтин, историческое время, «новый эпос», эпоха реформ, государственный масштаб, эволюция героини, характер

Для цитирования: Казакова С. К. Частный интерес и общее благо: отзыв эпохи великих реформ в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.530

ВВЕДЕНИЕ

Последний роман И. А. Гончарова завершается словом во славу России – в патетическом финальном абзаце автор перечисляет тех, кем дорожит его главный герой, Борис Райский:

«...его три фигуры: его Вера, его Марфенька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе – еще другая, исполинская фигура, другая великая “бабушка” – Россия» (772)¹.

Та, с которой Гончаров не побоялся сравнить Россию, – помещица Татьяна Марковна Бережкова, один из центральных персонажей романа, двоюродная бабка Бориса Райского. Финальная «мизансцена» обозначает особый нарративный статус героини – бабушки – и вписывает историю отдельной семьи в социальный контекст национального масштаба. Этот авторский посыл был воспринят далеко не однозначно. Заключительная метафора была расшифрована

как гимн старой жизни и вызвала непонимание в обществе, прежде всего у молодого поколения. «Малиновский строй бабушкиного царства символизировал для Гончарова Россию. Для нас выступала потребность переоценки этого бабушкиного строя...»², – писал В. Г. Короленко в начале XX века, возвращаясь к осмыслению общественного неприятия позиции Гончарова. Реноме консерватора закрепилось за писателем надолго. И во второй половине XX столетия считалось, что роман «Обрыв» «приближается к типу охранительного», а сам Гончаров выглядит защитником «бабушкиной старой правды»³ [9: 62, 112]. Такая позиция имеет некоторые основания в тексте романа.

Представляя Бережкову, Гончаров как будто стремился создать образ старосветской дворянки. В глазах внука она выглядит «феодалкой»,

«деспоткой» со старыми нравами – «от привычки владеть крепостными людьми». В авторских ремарках отмечается узость жизненных воззрений Бережковой: «Она была отличнейшая женщина по сердцу, но далее своего уголка ничего знать не хотела» (20). Характеристика кажется ясной и логичной. Автаркичную ментальность русской помещицы легко объяснить особенностями векового уклада дореформенной России. Его суть – в замкнутом натуральном (домашнем, как тогда говорили) хозяйстве: «...все, что в нем производится, в нем же и потребляется <...> все, что потребляется в этом хозяйстве, в нем же и производится» [14: 116].

Приобретать что-либо на стороне считалось почти зазорным – собственное производство составляло предмет особой гордости. Гончаров иллюстрирует нелюбовь Бережковой к покупкам эпизодом с веревкой для сушки белья:

«– Опять на деревья белье вешают! – гневно заметила она, обратясь к старосте. – Я велела веревку протянуть. Скажи слепой Агашке: это она все любит на иву рубашки вешать! сокровище! Обломает ветки!..

– Веревки такой длинной нет, – сонно отозвался староста, – уж надо в городе купить...

– Что ж не скажешь Василисе: она доложила бы мне. Я всякую неделю езжу: давно бы купила» (66–67).

Заметим, что Бережкова возмущена тем, что *не доложили* о нехватке – о том, чтобы совершать какие-либо траты без нее и речи быть не может, «хотя, например, веревку мог купить всякий. Но Боже сохрани, чтоб она поверила кому-нибудь деньги» (67). Татьяна Марковна, подчеркивает Гончаров,

«была не скупа, но обращалась с деньгами с бережливостью; перед издержкой задумывалась, была беспокойна, даже сердита немного; но, выдав раз деньги, тотчас же забывала о них, и даже не любила записывать; а если записывала, так только для того, по ее словам, чтоб потом не забыть, куда деньги дела, и не испугаться. Пуще всего она не любила платить вдруг много, больше куши» (67).

Историю с покупкой веревки Гончаров не закончил – она завершается сценой в купеческой лавке (через десяток страниц):

«Доехали они (Бережкова с внуком. – С. К.) до деревянных рядов. Купец встретил ее с поклонами и с улыбкой, держа шляпу на отлете и голову наклонив немного в сторону.

– Татьяне Марковне!.. – говорил он с улыбкой, показывая ряд блестящих белых зубов.

– Здравствуйте. Вот вам внука привезла, настоящего хозяина имения. Его капитал мотаю я у вас в лавке. Как рисует, играет на фортепиано!..

Райский дернул бабушку за рукав.

Кузьма Федотыч отвесил и Райскому такой же поклон.

– Хорошо ли торгуете? – спросила бабушка.

– Грех пожаловаться, сударыня. Только вы редко стали жаловать, – отвечал он, смахивая пыль с кресла и почтительно подвигая ей, а Райскому поставил стул.

В лавке были сукна и материи, в другой комнате – сыр, и леденцы, и пряности, и даже бронза.

Бабушка пересмотрела все материи, приценилась и к сыру, и к карандашам, поговорила о цене на хлеб и перешла в другую, потом в третью лавку, наконец, проехала через базар и купила только веревку, чтоб не вешали бабы белье на дерево» (79).

Как видим, Татьяна Марковна с удовольствием ездила в торговые ряды, но покупала редко, больше смотрела, ожидая почестей от купцов: «...любила <...> чтобы купцы засуетились и бросили прочих покупателей, когда она явится в лавку» (223).

Сознание экономической независимости сказалось и на общественных воззрениях Бережковой. Татьяна Марковна не нуждалась (или, точнее, считала, что не нуждается) в «услугах» государства. Самовластная, своенравная хозяйка, она

«была всегда в оппозиции с местными властями: постой ли к ней назначат, или велят дороги чинить, взыскивают ли подати – она считала всякое подобное распоряжение начальства насилием, бранилась, ссорилась, отказывалась платить и об общем благе слышать не хотела: “Знай всякий себя”, – говорила она и не любила полиции, особенно одного полицеймейстера, видя в нем почти разбойника. Тит Никонич, попытавшись несколько раз, но тщетно, примирить ее с идеей об общем благе, ограничился тем, что мирил ее с местными властями и полицией» (71).

В краткой зарисовке нравов Бережковой (ее отношения к податям и повинностям) нетрудно распознать полусерьезный намек на концепцию общего блага (тем более что сам термин повторяется в отрывке дважды). При обращении к формулировке известного юриста и историка М. А. Рейснера ироничный посыл Гончарова становится совсем очевидным:

«Если психология естественного человека была проста (его счастье, по Рейснеру, виделось в подчинении власти. – С. К.), то социология естественного общества еще проще. И, руководствуясь этой социологией, новое государство также просто смотрело и на свою задачу – на достижение общего блага. Стоило только над каждым человеком поставить полицейского, который бы направлял его по государственной норме, то увещанием, то отеческим взысканием – и дело сделано, частное и общее благо будет достигнуто» [11: 367].

Татьяна Марковна, очевидно, «отеческую» опеку полиции не ценила, чем ставила под

сомнение благостную утопию гармонии частного и общего в естественном обществе.

Образ провинциальной помещицы, отставшей от века, опутанной сетью предрассудков, негибкой в обращении с людьми и управлении имением, долгое время казался незыблемым⁴. «Бабушка ведет свое хозяйство по старинке и побаивается новшеств» [9: 66], — писал Н. К. Пиксанов.

«Так можно было с успехом хозяйствовать до реформы. Со времени освобождения крестьян, с расширением торговли <...> с вытеснением натурального хозяйства денежным, с усилением в поместьях производства продуктов для вывоза <...> хозяйствование Бабушки становилось отсталым» [9: 66].

Однако видение Бережковой как оплота патриархальности не позволяет оценить развитие героини и перемены в ее образе действий и мысли⁵. Через пятнадцать-шестнадцать лет (ко второму визиту Райского в имение) жизнь усадьбы изменилась. В Малиновке отчетливо видны признаки перестройки натурального уклада. В первый приезд Райского мы видели, что «в девичьей сидели три-четыре молодые горничные, которые целый день, не разгибаясь, что-нибудь шили или плели кружева» (64). К концу романа, читая о подготовке свадьбы младшей внучки Марфеньки, замечаем, что крепостных девушек сменили портнихи и швеи. Они приходят в дом по утрам, хлопочут над приданным около разложенных столов, обсуждают с хозяйкой расход материала и уходят после работы. Приглашенные портнихи, торговки, разносчики товаров — эти малозаметные детали маркируют кардинальные сдвиги в экономике деревни: развитие рынка товаров и услуг. Гончаров не разрушает художественную ткань повествования разговорами о наемном труде и распространении торговли, он делает лишь косвенные намеки: «Бабушка, воротясь, занялась было счетами, но вскоре отпустила всех торговок, швей и спросила о Райском» (664). Очевидно, что здесь речь идет о проверке счетов за работу и материалы. Хозяйственную гибкость Татьяны Марковны оттеняет сложное положение ее давнего друга Тита Никонича Ватутина. Его имение охвачено беспорядками и, судя по тексту, находится на грани разорения. И вновь Гончаров говорит об экономических реалиях деликатно, одним-двумя штрихами обрисовывая материальные трудности помещика (их можно заметить, логически сопоставляя сходные подробности).

«Не проходило почти дня, чтоб Тит Никонич не принес какого-нибудь подарка бабушке или внукам. В марте, когда еще о зелени не слыхать нигде, он принесет

свежий огурец или корзиночку земляники, в апреле горсточку свежих грибов — “первую новинку”. Привезут в город апельсины, появятся персики — они первые подаются у Татьяны Марковны» (499–500).

Это сказано о времени первого приезда Райского в имение. Что мы находим в конце романа? Анна Ивановна Тушина присылает в Малиновку плоды из своей оранжереи. Татьяна Марковна благодарит: «Вот за персики большое спасибо — у нас нет». А ведь когда-то в Малиновке подавались первые персики. Спустя годы Тит Никонич остался верен своим галантным привычкам, но его подношения более походили на символический жест внимания, чем на ежедневные лакомства к столу: он «являлся всегда одинакий, вежливый, любезный, подходящий к ручке бабушки и подносящий ей *цветок или редкий фрукт* (курсив мой. — С. К.)» (499–500). Судя по этим деталям, Тит Никонич, в отличие от Татьяны Марковны, не смог адаптироваться к переменам и не выдержал исторических испытаний.

Новые оттенки обозначились не только в хозяйстве, но и во взглядах Бережковой: в помещице как будто пробудилась гражданская сознательность. В разговоре с внуком неожиданно вспоминается старый конфликт с властями, о котором сообщалось еще в первой части романа:

«— Ну, хорошо, бабушка: а помните, был какой-то буян, полицмейстер, или исправник: у вас крышу велел разломать, постой вам поставил против правил, забор сломал и чего-чего не делал!

— Да, правда: он злой, негодный человек, враг мой был, не любила я его! Чем же кончилось? Приехал новый губернатор, узнал все его плутни и прогнал! Он смотался, спился, своя же крепостная девка завладела им — и пикнуть не смел. Умер — никто и не пожалел!» (226).

Несмотря на явное самоуправство бывшего начальника полиции, Бережкова берет вину на себя и признает, что сама дала повод к притеснениям:

«Я наказана не даром. Даром судьба не наказывает... <...> Тогда откупа пошли, а я вздумала велеть пиво варить для людей, водку гнали дома, не много, для гостей и для двора, а все же запрещено было; мостов не чинила...» (226–227).

Важная для понимания развития Бережковой сцена не бросается в глаза, она «замаскирована» автором. Восприятие информации осложняет, во-первых, характерный для Гончарова прием отложенного развития темы. Во-вторых, общее направление разговора не имеет прямого отношения к острым вопросам современности: бабушка и внук спорят о предрассудках (о судьбе и ее

дарах, о наказании за грехи). Общественный смысл замечаний Бережковой о каре за неповиновение властям, а вместе с ними и радикальный переворот в сознании героини теряются в контексте беседы⁶.

Поверхностное считывание образа Бережковой предопределено нарративными особенностями текста в целом. Не раз отмечалось, что «Обрыв» – это роман в романе. По ходу повествования Борис Райский делает заметки для своего литературного труда, и именно его субъективный взгляд нередко выходит на первый план и начинает определять мнение читателя. И публика, и критики иногда абсолютизируют раннюю характеристику, данную Татьяне Марковне внуком («феодалка», «деспотка», «старые нравы»)⁷.

Смена мировоззрения Бережковой не имеет очевидных личных причин (рассматриваемые эпизоды происходят до драматических событий с Верой). Остается предполагать, что к пониманию общей пользы Татьяну Марковну подтолкнули исторические события, которые остались «за кадром». Сложившаяся к середине XIX века российская административно-чиновничья система была чрезмерно централизована, бюрократична, негуманна. «Полицейское государство, – считал историк, – царило у нас до самой эпохи реформ в достаточно чистой и типичной форме» [11: 369]. Несовершенство власти нарушало гармонию государства и общества и дискредитировало идею общего блага, основанного на подчинении властям. Принуждение, исходящее от «полицейского государства», не имеющего авторитета, вызывало неприятие в определенных кругах. Восстановить равновесие общественных интересов и государственной власти были призваны земские реформы Александра II⁸.

Покаянные признания Бережковой емко и довольно точно отражают дух времени – ожидание грядущих административных преобразований. Вполне логично, что ранее, видя произвол местных властей, своенравная помещица противилась установлению общественных повинностей. Однако ветер перемен уже принес кое-какие улучшения – новый губернатор успел разобраться с самыми вопиющими злоупотреблениями и продемонстрировал новый, демократичный, стиль общения с гражданами и подчиненными. Татьяна Марковна, как следует из текста, пересмотрела свои взгляды, не дожидаясь земской реформы, передавшей местным органам власти (земствам) полномочия по устройству

и содержанию путей сообщения, взиманию налогов на местные нужды, «попечению» о развитии местной торговли и промышленности и др.⁹

Окончательное разрешение конфликта героини с властями (то есть торжество новых, деликатных, принципов администрирования) знаменуется тем, что Татьяна Марковна сравнивает себя с «полицеймейстером», причем в разговоре о сокровенном, очень личном опыте. Бабушка объясняет Борису свои принципы отношений с Верой:

«– А разве я мешаю ей? стесняю ее? Она не доверяется мне, прячется, молчит, живет своим умом <...> Я только, как полицеймейстер, смотрю, чтоб снаружи все шло своим порядком, а в дома не вхожу, пока не позвуют» (430).

На отношение Бережковой к «общему благу» могли также повлиять изменения настроений в дворянско-помещичьей среде. На волне крестьянской реформы росло осознание единых сословных интересов, понимание того, что если дворянство хочет сохранить свою общественную роль, ему следует позаботиться «о приобретении возможно большего влияния на местные дела и управление»¹⁰. О том, что мышление Бережковой приобрело сословный масштаб, Гончаров дает понять едва заметным намеком в сцене, где Татьяна Марковна тщетно пытается приобщить внука к делам его имения:

«– Я с Марфинькой хочу поехать на сенокос сегодня, – сказала бабушка Райскому, – твоя милость, хозяин, не удостоишь ли взглянуть на свои луга?

Он, глядя в окно, отрицательно покачал головой.

– Купцы снимают: дают семьсот рублей ассигнациями, а я тысячу прошу.

Никто на это ничего не сказал.

– Что же ты, сударь, молчишь? Яков, – обратилась она к стоявшему за ее стулом Якову, – купцы завтра хотели побывать: как приедут, проводи их вот к Борису Павловичу...

– Слушаю-с.

– Выгони их вон! – равнодушно отозвался Райский.

– Слушаю-с! – повторил Яков.

– Вот как: кто ж ему позволит выгнать! *Что, если бы все помещики походили на тебя!* (курсив мой. – С. К.)» (342).

Бережкова уже не та «феодалка», которая «далее своего уголка ничего знать не хотела». В последней реплике диалога сквозит понимание сословной ответственности каждого помещика в переломную эпоху, когда стоял вопрос об историческом выживании дворянства.

Абсолютизируя «устаревшую» к концу романа информацию о конфликте помещицы с властями, украинский исследователь П. П. Алексеев

видит в образе Бережковой знак расслоения «эпически цельной эпохи»:

«Эпическая, в ее типологии, Татьяна Марковна отнюдь не в эпических отношениях с внешним миром, — Титу Никоничу периодически приходится (обратим внимание на выбор автором цитаты настоящего времени. — С. К.) улаживать ее разногласия с городским начальством, вследствие этого и эпика романа во многом получается двойственной» [6: 125].

Однако взаимодействие героев Гончарова со своим временем видится более сложным и многогранным: гармония, как кажется, не сводится к бесконфликтности, и ее реализация не ограничивается упрощенным идиллическим хронотопом¹¹.

Гипотеза о трансформации Бережковой под влиянием общественных преобразований обращает исследование к вопросу о специфике отображения эпохи в «Обрыве». К середине XIX столетия освоение романом исторического времени уже давно не было новостью. М. М. Бахтин относил это завоевание к концу XVIII века: именно тогда, по мнению исследователя, происходит переход к «новому большому эпосу»¹², появляются признаки

«известной переориентации художественного образа по отношению к реальной действительности. Художественный образ почувствовал как бы органическое стремление прикрепляться к определенному времени...» [2: 228].

Способностью отразить жизнь «в разрезе целостности эпохи» Бахтин мерил художественное качество романа:

«Изображенные в романе события должны как-то замещать собою всю жизнь эпохи. В этой способности замещать реальное целое — их художественная сущность. По степени этой сущности и, следовательно, художественной значительности романы бывают весьма различными» [2: 224].

Если отражение эпохи можно считать единой «маркой» европейского романа XIX века, то нарративные механизмы включения исторического контекста в структуру произведения своеобразны.

В рецензии на роман П. В. Анненков сравнил «Обрыв» с «Войной и миром» Л. Н. Толстого. Статья не была принята к публикации и, к сожалению, не сохранилась. Известен лишь отказ редактора «Зари», где утверждалось, что «сравнение “Обрыва” с “Войной и миром” <...> невозможно печатать...» (цит. по: [3: 286]). Однако сегодня идея сопоставления выглядит плодотворной — независимо от того, что хотел сказать Анненков. Произведения Толстого и Гончарова, объединенные интересом к рассмотрению лич-

ной судьбы в контексте великой эпохи, дают материал для изучения типологических аспектов презентации исторической реальности в прозе. Лев Толстой изображал великие события зримо, непосредственно; персонажи «Войны и мира» лично погружены в поток мировой истории — сюжет романа немыслим без описаний героев под небом Аустерлица или на укреплениях Бородинского поля. В «Обрыве» события национального масштаба представлены имплицитно. Их присутствие приходится расшифровывать, извлекая из подтекста и отыскивая «ключи». Причины, по которым исторические реалии запряжаны между строк романа, могут быть различными: политическая осторожность автора, приемы игры с читателем, сознательная ориентация на общечеловеческие мотивы. Гончаров передает не собственно эпический момент, а дух эпохи. Историческое время актуализируется не в событиях, оно исподволь вплетается в ткань повседневности и воздействует на героев¹³. Это открывает новые нарративные возможности: в исторический процесс вовлекаются не только те персонажи, кто, как в «Войне и мире», оказался в эпицентре событий (покидал Москву в 1812 году или, согласно первоначальному замыслу Толстого, выходил на Сенатскую площадь в 1825 году). У Гончарова колокол великих реформ Александра II звучит по всей России — отзывается эхом в поступках людей, меняет их быт, привычки, взгляды.

Присутствие исторического времени в европейском романе трансформирует художественную задачу отражения отношений личности и общества. В центре интереса оказываются направления векторов развития личных (семейных) историй и общественных процессов. Современные труды по теории и истории литературы фиксируют в европейской романной парадигме XIX века нарастающее отчуждение личного и общественного: вектор личности идет как бы параллельно историческому процессу, связь индивидуального и коллективного оказывается механической. Для русской литературы это наблюдение, по меньшей мере, спорно.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи не раз выделяли особую диалектику личного и общего, пронизывающую произведения русских классиков¹⁴. В известном труде Эриха Ауэрбаха говорится о «великой и единой народной семье», «единстве всего русского» — черте русской литературы XIX века, которая «особенно бросается в глаза западному читателю» [1: 513]. «Война

и мир» Толстого, возможно, демонстрирует ярчайший пример всеобъемлющей семейной включенности, которая простирается до национальных масштабов.

«Похоже, что идея совместного семейного опыта доминирует в повествовании. Эта совместность опыта постепенно приобретает все более глубокий смысл и перерастает границы семьи, определяя преданность русских не только своей стране и монарху, но также национальному эпическому идеалу – идеалу, который в романе Толстого противостоит наполеоновскому тщеславию, как добро – злу (перевод мой. – С. К.)» [15: 301].

Исполинская фигура бабушки-России, которая видится герою «Обрыва» позади самых близких и дорогих людей, по-своему откликается на идею всенациональной семьи. Смысл метафоры расширяется до понимания единства триады «личность – семья – Россия», к которому постепенно идет герой романа. В конце повествования Райский отправляется в путешествие – и

«три самые глубокие его впечатления, самые дорогие воспоминания – бабушка, Вера, Марфинька – сопутствуют ему всюду, вторгаются во всякое новое ощущение, наполняют собой его досуги <...> с ними тремя – он связан и той крепкой связью, от кото-

рой только человеку и бывает хорошо, – как ни от чего не бывает» (771).

«Три фигуры», – несколько раз повторяет Гончаров. И лишь в самом последнем абзаце опыт странствий Райского по Европе добавляет к ним четвертую. В заключительных словах романа прочитывается неразрывное эпическое сопряжение личного экзистенциального опыта с незавершенной историей семьи и непростой судьбой страны в дореформенные десятилетия и в период радикальных преобразований Александра II.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При более внимательном взгляде на образ Бережковой в историческом контексте основанием для метафоры «великая “бабушка” – Россия» оказывается не патриархальность и застой, а, напротив, способность чутко слышать время, жить в согласии с эпохой и живыми традициями и отказываться от тех старых обычаев, которые, по словам самой Татьяны Марковны, «не везде пригожи». Финальное послание романа можно расшифровать как веру в обновление личности, семьи, страны – в возрождение после «обрыва».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее оригинальный текст романа цитируется по изданию: Гончаров И. А. Обрыв // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. В круглых скобках в тексте указывается номер страницы.

² Короленко В. Г. Гончаров и «молодое поколение» // И. А. Гончаров в русской критике: Сборник статей. М.: ГИ Худ. лит., 1958. С. 334.

³ В исследованиях последних лет обозначилась тенденция к преодолению одномерности социологического подхода к трактовке финала «Обрыва», характерного для XX века. Актуальной выглядит попытка финского профессора И. Савкиной интерпретировать метафору «бабушка – Россия» в контексте гендерных исследований. Славист рассматривает образ бабушки – России как архетип идеальной (жертвенной) женственности, акцентируя, прежде всего, аспект материнства: «мать матерей, мать-природа, мать-Родина» [12].

⁴ Авторитетный американский славист Е. А. Краснощекова фактически объявила тему образа Бережковой исчерпанной. В своей книге, посвященной Гончарову, автор отказалась от подробного анализа, ссылаясь на опыт предшественников: «...об этом образе написано очень много, что позволяет здесь специально не раскрывать ее характер в целом и не оговаривать его место в системе образов» [5: 425]. Очевидно, подразумевается, что в гончароведческой литературе достигнуто определенное единство в понимании персонажа. Сама Краснощекова фиксирует незаурядность личности Татьяны Марковны, а также кратко очерчивает ее роль в пункте главы об «Обрыве» с подзаголовком «Идиллия»: «добрая старушка» с говорящей фамилией «видится мудрой и доброй опекушкой-матерью-бабушкой всех обитателей “заветного уголка”» [5: 416].

⁵ Аспект трансформации в образе Бережковой (ее духовной стороны) вскользь отмечает венгерский филолог А. Молнар: «...древняя “бабушкина правда” в результате фабульных событий преобразуется в христианскую» [7: 334]. Однако, судя по контексту, исследователь делает акцент не на развитии самой Татьяны Марковны, а на рецепции ее «правды» Борисом Райским.

⁶ Показательно, что Б. Оляшек (Лодзинский университет), трактуя «Обрыв» как вид полемиического романа, актуализирующего в сознании читателей экономические, социальные и политические вопросы, исключает Бережкову из числа участников идейного диалога: «В отличие от споров поколений (романы Тургенева, Писемского) в романистике Гончарова наблюдается постепенное ограничение участвующих в споре лиц

до одного поколения. Эта тенденция обозначилась в романе «Обломов» и еще более отчетливо – в романе «Обрыв», в котором главный спор идет между представителями одного, молодого, но идейно дифференцированного поколения» [8: 45].

- ⁷ Приемы амбивалентной характеристики персонажей Гончаров последовательно осваивает с первого романа. «Обыкновенная история» развивается как интрига *qui pro quo* (кто за кого), как будто заимствованная из арсенала комедии (см.: Казакова С. К. Обыкновенный случай: диалог Гончарова со Скрибом // Вопросы литературы. 2018. № 4. С. 286–300). В «Обломове» двойственность трактовки достигается за счет имплицитного влияния позиции Штольца на повествователя – о том, что именно Штолец поведал историю автору, читатель узнает только в самой последней строке романа: «И он рассказал ему, что здесь написано».
- ⁸ Большую роль в подготовке и проведении земской реформы 1864 года сыграл министр внутренних дел (1861–1868) П. А. Валуев. Гончаров был лично знаком с Валуевым, состоял с ним в переписке.
- ⁹ См.: Положение об уездных и губернских земских учреждениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/19/vysochayshe-utverzhdennoe-polozhenie-o-gubernskikh-i-uezdnykh-zemskikh-uchrezhdeniyakh/> (дата обращения 15.04.2020).
- ¹⁰ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие, 1762–1855. СПб., 1906. С. 657.
- ¹¹ С первого романа Гончарову был присущ онтологический оптимизм в разрешении противоречия «человек – общество». Подробнее см.: [4].
- ¹² На границу перехода к новому большому эпосу М. М. Бахтин поместил «Вильгельма Мейстера» Гете [2: 232].
- ¹³ Об имплицитном отражении общественной обстановки в романах Гончарова высказывался Д. И. Писарев (в отношении «Обыкновенной истории» и «Обломова»): «Влияние общества на личность героя <...> скрыто от глаз читателя; автор понимает, что оно должно существовать, но он держит его где-то за кулисами, и из-за этих кулис герой выходит совершенно готовым» [10]. Критику нельзя отказать в остроумии, однако роль «кулис» в трилогии Гончарова он все же недооценил.
- ¹⁴ Нельзя, однако, не отметить, что к концу прошлого столетия накопилась некоторая усталость от общих мест о своеобразии русской литературы и обозначился интерес к изучению общеевропейского литературного процесса и мирового контекста. Показательно высказывание В. А. Туниманова: «...хочется забыть или отбросить слишком распространенное клише о необычайной русской широкости, об удивительных свойствах русской души, которой душно и скучно в этой “мещанской и меркантильной бездуховной Европе и т. д.”» [13: 436–437].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауэрбах Э. Мимесис: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1976. 557 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Гуськов С. Н. Почему был обруган «Обрыв»? (О некоторых причинах негативной критической рецепции романа) // Материалы V Международной науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сб. статей. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 279–286.
4. Казакова С. К. Человек и мир в русском романе: Метаморфозы героев «Обыкновенной истории»: И. А. Гончарова // Вестник КГУ. 2020. № 1. С. 118–124.
5. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2012. 528 с.
6. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова: Сб. статей русских и зарубежных авторов / Сост. И. В. Смирнова и др. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. 400 с.
7. Молнар А. Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. 448 с.
8. Оляшек Б. Герои «Обрыва» в пространстве русского агона // Гончаров после «Обломова»: Тезисы докладов III Международной гончаровской конференции. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 44–45.
9. Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свет социальной истории. Л.: Наука, 1968. 201 с.
10. Писарев Д. И. Писемский, Тургенев, Гончаров // Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1955. С. 192–230.
11. Рейснер М. А. Общественное благо и абсолютное государство // Рейснер М. А. Государство и верующая личность. М.: Либроком, 2011. С. 278–389.
12. Савкина И. «Другая великая бабушка – Россия» // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков. М.: РГГУ, 2010. С. 88–99.
13. Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 592 с.
14. Шершеневич Г. Ф. Социология: Лекции. М.: Либроком, 2011. 200 с.
15. The Cambridge history of Russian literature. (Charles A. Mose, Ed.). Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 1992. 720 p.

Поступила в редакцию: 16.04.2020

Svetlana K. Kazakova, PhD in Art History, Association of Art Critics
of Russia (Moscow, Russian Federation)
svka@inbox.ru

**PRIVATE INTEREST AND COMMON GOOD:
ECHO OF THE GREAT REFORMS ERA
IN IVAN GONCHAROV'S NOVEL *THE PRECIPICE****

The article traces the impact of historic background on one of the key characters of Goncharov's novel *The Precipice* – an old landlady, grandmother Tatiana Markovna Berezhkova. Numerous details hidden in the text imply that the way Berezhkova manages her estate, as well as her life principles, improve overtime. An indirect evidence of the ability to change is provided by her gradual understanding of the common good concept – presumably in response to the changing historic environment in the time of government reforms of Alexander II of Russia. Rooted in Bakhtin's concept of “new epic”, the article addresses the difference between explicit (as in Tolstoy's *War and Peace*) and implicit presentation of historic background – the latter distinguishes Goncharov's *The Precipice*. The developing nature of Berezhkova's character allows to interpret the final metaphor of the novel, *another great grandmother – Russia*, as a symbol of historic adjustment, and coherent personal and national revival.

Keywords: Ivan Goncharov, *The Precipice*, Russian novel, Mikhail Bakhtin, historic time, “new epic”, era of reforms, national scale, heroine evolution, character

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 20-012-00102.

Cite this article as: Kazakova S. K. Private interest and common good: echo of the great reforms era in Ivan Goncharov's novel *The Precipice*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 95–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.530

REFERENCES

1. Auerbach E. *Mimesis*: Translation from German. Moscow, 1976. 557 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, 1979. 424 p. (In Russ.)
3. Guskov S. N. Why was *The Precipice* condemned? (Some reasons for the negative critical reception of the novel). *Proceedings of the V International Research Conference Commemorating the 200th Anniversary of Ivan Goncharov: Collection of articles*. Ulyanovsk, 2012. P. 279–286. (In Russ.)
4. Kazakova S. Man and the world in the Russian novel – metamorphoses of heroes of *A Common Story* by Ivan Goncharov. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020. No 1. P. 118–124. (In Russ.)
5. Krasnoshchekova E. A. I. A. Goncharov: The world of creativity. St. Petersburg, 2012. 528 p. (In Russ.)
6. *Proceedings of the VI International Conference Commemorating the 205th Anniversary of Ivan Goncharov*. Ulyanovsk, 2017. 400 p. (In Russ.)
7. Molnar A. Poetry of prose in the works of Goncharov. Ulyanovsk, 2012. 448 p. (In Russ.)
8. Olyashok B. Heroes of *The Precipice* in the discourse of Russian agon. *Goncharov after Oblomov: Proceedings of the III International Goncharov Conference*. Tver, 2015. P. 162–175. (In Russ.)
9. Piskunov N. K. Goncharov's novel *The Precipice* through the prism of social history. Leningrad, 1968. 201 p. (In Russ.)
10. Pisarev D. I. Pisemsky, Turgenev, Goncharov. *Pisarev D. I. Collected works: In 4 vols*. Vol. 1. Moscow, 1955. P. 192–230. (In Russ.)
11. Reisner M. A. Common good and absolute state. *Reisner M. A. The state and the religious individual*. Moscow, 2011. P. 278–389. (In Russ.)
12. Savkina I. “Another great grandmother – Russia”. *Constructs of national identity in Russian culture of the XVIII and the XIX centuries*. Moscow, 2010. P. 88–99. (In Russ.)
13. Tunimantov V. A. *Labyrinth of couplings*. St. Petersburg, 2013. 592 p. (In Russ.)
14. Shershenevich G. F. *Sociology. Lectures*. Moscow, 2011. 200 p. (In Russ.)
15. *The Cambridge history of Russian literature*. (Charles A. Moser, Ed.). Cambridge, United Kingdom, 1992. 720 p.

Received: 16 April, 2020

ЕВГЕНИЯ ОЛЕГОВНА МАКСИМОВА

аспирант кафедры русской филологии Института гуманитарных наук

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
maximova-evgeniya@yandex.ru

ТЕРЕМ В БЫЛИНАХ, ПРИЧИТАНИЯХ И ПЕСНЯХ ПЕЧОРЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Работа нацелена на сопоставительный анализ образа терема в музыкально-поэтических жанрах русских традиций Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми и Ненецкий автономный округ Архангельской области). Терем является одной из самых популярных художественных единиц, обозначающих жилище в печорском фольклоре (в былинах выявлено 54 употребления, в причитаниях – 7, в песенных жанрах – 69). Источниками исследования стали опубликованные записи печорских былин и песен, изданные и архивные тексты причитаний. Впервые былины, причитания и песни Печоры сопоставлены в плане реализации образа жилой постройки – терема. Слово «терем» в былинах и причитаниях Печоры в основном сопровождается определениями, свойственными общерусской традиции. В песнях данный объект дает примеры наиболее разнообразных определений, и именно в песенных жанрах выявлено большее количество редких сочетаний. Описания теремов маркируют их владельцев. Печорские терема также являются объектами мира умерших. В печорских былинах терема принадлежат князьям, княгиням, морскому царю, Соловью-разбойнику, Богородице, что говорит о широкой включенности образа в эпическое фольклорное пространство, тогда как в свадебных и игровых величальных, в протяжных песнях терем оказывается связанным с любовно-семейной тематикой. Анализ фрагментов со словом «терем», выявленных в произведениях печорского фольклора, прежде всего в песнях и причитаниях, позволил обратить внимание на то, что этот архаичный вид жилища включается в сюжетные ситуации, связанные с темой создания семьи, женскими образами и семейной тематикой в целом.

Ключевые слова: терем, былина, причитание, песня, Печора, поэтика

Для цитирования: Максимова Е. О. Терем в былинах, причитаниях и песнях Печоры: сопоставительный анализ // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 103–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.531

ВВЕДЕНИЕ

Цель работы – сопоставительный анализ образа терема в музыкально-поэтических жанрах русских традиций Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми и Ненецкий автономный округ Архангельской области). Жилые постройки в печорском фольклоре представлены довольно широко. Это дома, дворцы, избы, терема, палаты, хоромы, квартиры, шатры (см. таблицу). Задачи исследования определены следующим образом: рассмотреть контексты употребления слова «терем» в былинах, причитаниях и песнях Печоры и выделить мотивы и темы, в связи с которыми исследуемый объект появляется в текстах, а также раскрыть значение образа терема в музыкально-поэтических жанрах Печоры.

Терем является одной из самых популярных семантических единиц тематического поля «Жилище» в печорском фольклоре. Например, в былинах это третий по популярности вид жилища

после шатра и дома (54 употребления). Аналогичная позиция у него и в причитаниях (после метафорических обозначений дома как «витое гнездо, золотое кольцо» и собственно дома) (7 употреблений). В песенных жанрах терем является абсолютным лидером (69 употреблений).

Источниками данного исследования стали опубликованные записи печорских былин 1901–1980-х годов (первый и второй тома «Свода русского фольклора»¹, 280 текстов), материалы по причитаниям (опубликованные² и архивные³, относящиеся к периоду с 1929 года, включая современные, порядка 500 записей) и песням⁴ (опубликованные записи с 1908 года, около 800 текстов).

Печорский фольклор изучается с начала XX века, но активность его исследования не снижается в последние годы, чему подтверждение – издание все новых памятников народной словесности и собственно научных трудов⁵. Проявляется исследовательский интерес и к образно-тематическим характеристикам на основе печорского фольклора⁶.

**Жилище в печорском фольклоре: основные семантические единицы
в количественных показателях**

A dwelling in the folklore of Pechora: basic semantic units in quantitative terms

Жилая постройка	Былины	Причитания	Виноградья	Свадебные песни	Игровые припевки	Игровые хороводные песни	Протяжные песни
ДВОРЕЦ	8	—	—	—	—	—	5
ДОМ	87	15	8	—	2	6	16
ЖИЛИЩЕ	2	—	—	—	—	—	—
ИЗБА	11	5	—	—	—	—	3
КВАРТИРА	—	1	—	—	—	3	7
ПАЛАТЫ	51	—	—	2	—	1	3
ТЕРЕМ	54	7	13	10	8	12	26
ХАТА	—	5	—	—	—	—	—
ХОРОМИНА	2	7	—	4	—	—	1
ХОРОМЫ	4	—	—	3	—	5	—
ШАТЕР	195	—	19	—	—	—	3

ТЕРЕМ В МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В. И. Даль определяет терем как

«поднятое высокое жилое здание; в семантическом значении терем, дворец, барский дом», «женское отделение барского дома, ставился в верхней части хоромов <...> вышкою, мезонином»⁷.

С. К. Шамбинаго на материале былин описывает терем как надстройку над собственно жилым помещением, носившую также название вышек и чердаков⁸. Е. В. Ходаковский говорит о тереме, как о помещении над верхним ярусом в хорамах или просто как о богатых хорамах⁹.

Отметим, что терем – универсальная фольклорная единица. Это распространенный вид жилой постройки. Поэтому и в музыкально-поэтических жанрах рассматриваемого региона это наименование жилища представлено довольно широко. Наиболее репрезентативными жанрами в данном исследовании стали былины и песни, вероятно, в силу своей каноничности и большего количества выявленных употреблений слова «терем».

В. Г. Смолицкий обратил внимание на то, что в различных фольклорных жанрах бытовые реалии, относящиеся к жилищу, распределяются неравномерно [4: 7]. Также исследователь заметил, что слова «терем», «палаты», «хоромы», которые вышли из употребления еще в XVIII веке, как правило, фигурируют в песенных жанрах (в обрядовой и необрядовой лирике, эпических произведениях), так как ритмическая основа поэтического текста способствовала тому, чтобы песни сохранились в своей постоянной форме и не изменили устаревших элементов когда-то живой речи. Терем чаще всего отражается в свадебной лирике [4: 11, 13].

Слово «терем» в музыкально-поэтических жанрах Печоры сопровождается общефольклорными эпитетами «высокий», «новый» («высокий новый»). В большинстве случаев печорские былины и причитания включают именно эти определения, однако в былинах нами выявлены и такие единичные сочетания, как «великий терем» и «высокий баский нов терем», «златоверхий терем». Последнее сочетание нашло отражение и в песнях Печоры, которые по сравнению с другими жанрами отличаются большим разнообразием эпитетов (17 вариантов). Среди них такие редкие, как «батюшков, красный матушкин», «высокий бел», «высокий красный», «малый», «не тесен да не скоблен, хорошо раскрашен, разными красками наведен», «новенький-новый», «новенький развысок», «стоячий». Единичное сочетание «стоячий терем» есть и в печорском свадебном причитании.

Самым распространенным в рассмотренных нами текстах стал эпитет «высокий» в составе различных определительных сочетаний (31 употребление в былинах, 3 – в причитаниях, 25 – в песенных жанрах). В. Г. Смолицкий отметил, что формула «высокий терем» зафиксирована практически на всей территории России «с севера на юг и с запада на восток, независимо от особенностей местной архитектуры» [4: 32]. Кроме того, историк И. Е. Забелин писал, что высота здания имеет эстетическое значение: что высоко, то само по себе красиво «по случаю одной только своей вышины»¹⁰.

Заметим, что формула «стоячий терем» в свадебном причитании – обращении невесты к отцу и в лирической протяжной песне, акцентирующая внимание на «вертикальности», родственна терему высокому:

Высоко занялось да солнце красное,
Выше облака, выше ходящего,
Выше **терема**, выше **стоящего**¹¹;

Ох, да ты восточная, высокочная,
Высоко звезда возносится,
Э-да высоко звезда возносится,
Ой, выше **терема стоячего**¹².

В обоих примерах стоячий терем¹³ является показателем высоты, на которой находятся небесные светила (солнце и звезды). Таким образом, он семантически равнозначен высокому терему. В подтверждение данному тезису приведем слова В. Г. Смолицкого, который заметил, что

«высокий дом – это дом, устремленный ввысь; он растет из земли и тянется в Космос. В своем движении вверх он как бы подымается к Богу, к Всевышнему» [4: 32].

ТЕРЕМ В ПЕЧОРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ГЕРОИ И КОНТЕКСТЫ

Стоит отметить, в каких контекстах и в связи с какими героями данные жилые постройки появляются в «фольклорном пространстве» того или иного жанра. Например, в печорских былинах терема принадлежат таким знатым хозяевам, как князь Владимир, морской царь, княгиня Апраксия и др. Среди прочих, однако, следует выделить жилище Дюка Степановича. В двух вариантах быliny «Дюк Степанович и Чурила Пленкович», записанных от усть-цилемского исполнителя Василия Прокопьевича Носова, данный богатырь является хозяином не одного терема, а целых трех, что, несомненно, только подчеркивает состоятельность героя:

А уж как у Дюка, право, три дома,
Да ле три ле стали **высоки терема**,
А **хорошо** они, **баско изукрашены** (1: 598).

В другом варианте данного же исполнителя крыши у трех таких теремов медняны (1: 610).

Необычность дома Дюка Степановича (его неземное сияние) отмечает и другой исполнитель из Усть-Цильмы – Петр Родионович Поздеев:

И видят, что будто *огонь горит*,
А это Дюков **высок терем** стоит, *лучи мечет* (1: 587).

Особенно и внутреннее пространство его дома: в столовой горнице палаты Дюка полы хрустальные (1: 627). С. К. Шамбинаго заметил, что в эпосе чрезмерная роскошь при описании жилища могла быть близка к действительности, так как краски и позолоты являлись обязательным условием отделки дома¹⁴.

Образ трех теремов был выявлен нами не только в былинах, но и в виноградье (величальной песне). Определительные сочетания «высоки

злотоверхёваты терема» и «терема златоверховаты» – характерные описания жилища небесных светил (солнце, месяц и звезды) – символических заместителей супругов и их детей:

Во середке-то стояло ищэ три терема,
Три **терема** да **златоверховаты**,
Во первом терему да красно солнышко,
Во втором терему да блад светёл месец,
Во третьем-то терему да цясты звездочки¹⁵.

Н. А. Криничная заметила, что для носителей традиции важно продуцирование божественного макрокосмоса на живущих в сакрально-обытовленном микрокосмосе людей. Именно поэтому наряду с жилищем в систему космогонических воззрений включен и человек. Например, если былинный терем сопоставим со Вселенной, то человек является уменьшенной копией того и другого и наделяется солярными, лунарными, астральными признаками [2: 106–107].

В печорских же былинах формула «златоверхие терема» появляется в описании жилища княгини Златыгорки (1: 521), мифической женщины, и, видимо, поэтому ее дом так же необычен, как и она сама.

Таким образом, металл (медь или золото) в конструкции жилища (крыши), сияние/свечение терема в музыкально-поэтических жанрах Печоры маркируют принадлежность владельцев к своему/чужому миру или определенному социальному слою: иномирная былинная Златыгорка, богач Дюк Степанович или небесные светила – метафоры хозяев дома.

Довольно любопытен пример включения сочетания «высокие терема» в плач по основателю Печорской естественно-исторической станции (недалеко от с. Усть-Цильма) А. В. Журавскому, который предстает в поэтическом тексте как создатель деревни:

Уж ты нагонил силу да молодецкую,
Уж ты удалых да добрых молодцев,
Уж вы повырубили да все темны леса,
<...>
Ты наставил **теремов высокиих**,
Расселил целу деревнюшу¹⁶.

Высокие терема здесь – образ нового, необычного для крестьянина селения, опытной станции¹⁷.

Не всегда в печорском фольклоре слово «терем» относится к миру живых. Например, в похоронно-поминальной причети «новый терем» и «новый высокий терем» (вместе с «новой горницей») являются метафорической заменой жилища покойного (гроба)¹⁸:

Дорога сестра родимая,
Не встречаешь меня больше да не радуешь,
Я пришла к твоему **нову терему**¹⁹;

Вам спасибо, да удалым молодцам,
Вы моей да лады милыей,
Поставили **нов высок терем**.
Срубили да **нову горницу**,
Вы свили ему да вито гнездо²⁰.

Попутно отметим, что синонимичность терема, горницы и дома находит отражение и в винограде, описывающем идеальное жилое пространство семьи:

Этам чей-же стоит **дом** да чей **высок-то терем**,
Этам чья-же стоит **нова горница**.
Этам **дом** стоит Григорья Ивановича,
Нова горница Ирины Якимовны²¹;

Да этот чей, братцы, дом, чей **высок терем**?
Да тот **дом** стоит Николая Федоровича,
Нова горница-то Агнии Евгеньевны²².

ТЕРЕМ И ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ

Вообще терема, как показывают проанализированные нами произведения музыкально-поэтических жанров Печоры, тесно связаны с женскими образами. Неслучайно в ныне мертвом тюркском языке кыпчаков, живших в верховьях Иртыша на Алтае, по мнению М. Фасмера, слово «tātmā», к которому этимологически восходит слово «терем», означало «женский покой»²³. Печорские тексты дают примеры связи терема как с девушкой до брака, так и с девушкой-невестой и с молодой замужней женщиной. В былинах «Дунай Иванович – сват» терем является локусом девушки-невесты – Афросиньи Семеновны, дочери князя Семена Лиховитого, на которой пожелал жениться князь Владимир:

...Другая – Афросинья, дочь Семеновна,
Живет в таком во **тереме**,
Заперта крепко она, заложена (1: 569).

В эпическом мире терем может принадлежать и волшебнице (1: 222), и вдове (2: 84) (обе эти героини обладают одним именем – Маринка). В печорской лирической песне любовного цикла хозяйкой теремочка также является вдова, мать троих дочерей:

Деревнюшка стоит небольшая,
Э-ой, небольшая да только три дворок,
Чтой четвертой теремочек.
Чтой во этом **теремочке**
Живет вдовушка солдатка²⁴.

К особому женскому пространству – к дому Богородицы – относится также единичное сложное определительное сочетание «высокий баский нов терем» (2: 162) в былинах «Василий Игнатьевич и Батыга».

Наиболее живописным оказалось употребление слова «терем» в составе формулы, встретившейся при описании жилища невесты в нижепечорской свадебной песне:

Не тесен терем да не скоблён,
Только **хорошо да раскрашён,**
Разными расками наведён²⁵.

Пышность внешнего убранства песенных теремов демонстрируется и посредством перечисления некоторых конструктивных элементов. Например, «новый дом, высок терем со красным со крыльцом»²⁶, «со косящетым со окошечком»²⁷.

Сочетание «терем батюшков, красный матушкин» в игровой песне Нижней Печоры относится к родительскому дому девушки-невесты, к которой направляется удалый молодец:

Ко двору приворачивает:
Он – ко **терему** ко **батюшкову**,
Он – ко **красному** ко **матушкину**,
Ко окну красной девицы-души²⁸.

В протяжной песне красна девица выглядит из окошечка своего высокого красного терема в поисках молодца²⁹. В величальной припевке молодец стремится найти свою девицу и просит каленую стрелу помочь: «упасть не на воду, не на землю, а в новый теремок»³⁰. В одном из свадебных причитаний к *терему* невесты направляется сват:

Он лисьими ходил тропами,
Он мышьями ходил норами,
Ко **высоку нову терему**³¹.

В исследуемом материале имеются примеры, в которых терема упоминаются в связи с невестами, но принадлежат они женихам. Например, терем жениха в контексте биографических мотивов одного из печорских похоронно-поминальных плачей становится предметом мечтаний матери о благополучной жизни дочери и символизирует достаток своего владельца:

Просватала мати родимая,
Молодехоньку да зеленехоньку,
Обзарились да обзадорились
На **теремы** да на **высокие**³².

Тот же мотив есть в игровой песне Усть-Цильмы, однако тут уже сама невеста надеялась, что жених состоятелен:

Зря обзарилась Дуня
Да на **высоки терема**³³.

ТЕРЕМ И СЕМЕЙНАЯ ТЕМАТИКА

В протяжных песнях в высокий новый терем – в дом мужа – ведут новобрачную невесту (в сюжете о разлученных влюбленных³⁴), и терем становится местом действия песенных сюжетов семейной тематики. К нему относится лирическая ситуация несчастливой семейной жизни (парень – «душа-радость молодчик», пробудившийся в своем «новеньком новом теремочке», сетует на раннюю женитьбу, упрямую жену)³⁵. В известном сюжете свадебного величания,

бытовавшего и на Печоре, мы видим супругов, мечтающих о детях:

Да ле, Олександра да дочь Григорьевна,
Да ле посиди-ко да у меня во **терему**,
Да ле посмотри-ко да на мою на красоту.
Да ле роди сына да во меня, в меня,
Да ле роди дочь во себя, во себя³⁶.

Иногда слово «терем» может относиться к жилищу не совсем обычной семьи. Например, в печорской былине «Исцеление Ильи Муромца» данное строение принадлежит семье Соловья-разбойника:

Завидел Илья: во поле терем стоит.
Во этом **терему великом** сидели его
деточки родимые.
У этого Соловешка Рахматьева
Кабы была любима семья (1: 280).

Образу его владельца – чудовищного великана – соответствует и эпитет «великий» (кстати, редкий для печорских былин в связи с обозначениями жилища и его частей), как и в сочетании «великий дом» (1: 160) другого былинного исполина – Святогора.

Напомним, что именно в теремах изображается семейство небесных светил как параллель земной семье людей – адресатов винограда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, терем является значимой частью фольклорного мира музыкально-поэтических жанров Печоры. Данная постройка фигурирует во многих сюжетных ситуациях и потому довольно частотна. На основе проанализированного нами материала можно говорить о том, что слово «терем» в былинах и причитаниях Печоры в основном сопровождается эпитетами, свойственными и общерусской традиции (высокий новый терем, высокий терем, новый терем). В песнях же этот объект дает примеры наиболее разнообразных определений, и именно в песенных жанрах нами обнаружено большее количество редких формул.

В печорских былинах терема принадлежат князьям, состоятельным богатырям, морскому царю, Соловью-разбойнику, что говорит о широкой включенности данного образа в эпическое фольклорное пространство. Однако *терем* является семейным символом и связан он прежде всего с женщинами. Если в песнях с любовно-семейной тематикой героиней, имеющей прямое отношение к терему, традиционно является красна девица, то в былинах перечень таких героинь гораздо шире: «потенциальная невеста» Афросинья Семеновна, вдова, волшебница Маринка, мифическая Златыгорка, Богородица и др.

Зачастую описания теремов маркируют владельцев, например, сияние золотых и медных крыш сигнализирует о небывалом богатстве Дюка Степановича или иномирии мифической Златыгорки, а в виноградах – указывает на «жилище» небесных светил (символических заместителей супругов и их детей). Можно говорить и о том, что печорские терема могут являться объектами как «своего» мира, так и мира «чужого». Например, в похоронно-поминальном плаче теремом называют новое жилище покойного (гроб).

Анализ фрагментов со словом «терем», выявленных в произведениях печорского фольклора, прежде всего в песнях и причитаниях, позволил также обратить внимание на то, что этот архаичный вид жилища включается в сюжетные ситуации, связанные с темой семьи на разных этапах ее создания. Это и жизнь девушки в родительском доме (батюшковом, красном матушкином тереме), и высматривание ею жениха из окошечка своего высокого красного терема, и поиск невесты молодцем-женихом с помощью стрелы, направленной в терем девушки, и сватовство, и появление новобрачной в тереме, и послесвадебная жизнь супругов.

Представленные нами наблюдения могут быть полезны в практическом плане для сравнительных исследований на материале других локально-региональных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Былины Печоры / Изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; Отв. ред. А. А. Горелов. Т. 1–2. СПб.; М., 2001. Т. 1. 776 с.; Т. 2. 784 с. Далее в тексте в круглых скобках будет указан том и через двоеточие страницы.

² 1) Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1978 г., 1980 г.); 2) Колпакова Н. П. Свадебный обряд на Севере (машинопись диссертации): Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кол. 165, п. 25, л. 144–158; 3) Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета: Усть-Цилемское собрание (записи 1986–2000-х гг.).

³ 1) Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. Архангельск, 1979. 354 с.; 2) Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л., 1973; 321 с.; 3) Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963. 459 с.; 4) Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А. М. Астаховой) / Публ. и коммент. Т. С. Каневой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. М., 2013. С. 109–146; 5) Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962. 598 с.

- ⁴ 1) А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / Сост. А. Н. Власов (отв.), З. Н. Бильчук, Т. С. Канева. СПб., 1992. 223 с.; 2) Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. Архангельск, 1979. 354 с.; 3) Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни, [записанные на Низовой Печоре]. СПб., 1908. 38 с.; 4) Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963. 459 с.; 5) Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962. 598 с.; 6) Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / Сост. Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко, З. Н. Мехренгина, Е. А. Шевченко. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. 352 с.
- ⁵ См., например: Смирнов Ю. И., Ангеловская Л. В., Канева Т. С. Былины Усть-Цильмы: Справочно-библиографические материалы. Сыктывкар, 2019. 218 с. Библиографию основных изданий и исследований одной из печорских традиций см. в: Усть-цилемская фольклорная традиция: Справочно-библиографическое мультимедийное издание / Авт.-сост. Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013.
- ⁶ См.: Розов А. Н. Духовно-православный мир русского человека в усть-цилемских былинах // Вторые Мяндинские чтения: Материалы Всерос. научно-практ. конф. (с. Усть-Цильма, 11–12 июля 2010 г.). Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 255–263; Канева Т. С.: 1) «Книга», «письмо-грамота» в печорском эпосе // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность: Материалы Всерос. научно-практ. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов музеев» к 20-летию отдела редкой и рукописной книги Научной библиотеки Сыктывкарского университета (15–16 мая 2008 г., г. Сыктывкар) / Отв. ред. Е. В. Прокуратова. Сыктывкар, 2009. С. 268–274; 2). «Страна советская» в усть-цилемских причитаниях (по записям экспедиции 1942 г.) // Образный мир традиционной культуры: Сборник статей. М., 2010. С. 286–293; 3) Война в усть-цилемской причети: образно-тематическая характеристика // Традиционная культура: Научный альманах. 2015. № 2. С. 7–18; 4) Хозяйственные занятия печорцев в причитаниях: охота, рыболовство // Рябининские чтения – 2015: Материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 301–304; 5) Лес в печорском фольклоре (реализация образа в музыкально-поэтических жанрах) // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: Сб. тр. к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 72–85.
- ⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2011. Т. 4. С. 400.
- ⁸ Шамбинаго С. К. Древнерусское жилище по былинам (к материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса) // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 136, 138.
- ⁹ Ходаковский Е. В. Деревянное зодчество Русского Севера: Учебно-методическое пособие. СПб., 2009. С. 52.
- ¹⁰ Забелин И. Е. Черты самобытности в русском зодчестве // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. № 3. С. 191.
- ¹¹ Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1980 г.). 4-10-1980, т. 9, № 200, с. 5179.
- ¹² Песни Печоры. С. 354.
- ¹³ Т. С. Канева отмечает, что былинные формулы «лес стоячий» / «дерево стоячее» созвучны сочетанию «терем стоячий» в усть-цилемском свадебном причитании, что вполне оправданно, так как в данном жанре главенствующая роль отводится дому [1: 80].
- ¹⁴ Шамбинаго С. К. Древнерусское жилище по былинам (к материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса). С. 131.
- ¹⁵ Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни, [записанные на Низовой Печоре]. С. 33.
- ¹⁶ Русская народно-бытовая лирика. С. 111.
- ¹⁷ Следует отметить, что в музыкально-поэтических жанрах Печоры редки примеры, когда терем строится (кроме изготовления гроба, который назван теремом). Так, например, еще один случай возведения данного объекта встретился нам в печорской былине, где князь Владимир предлагает Василию Игнатьевичу поставить терем за его заслуги:
И чего же от меня тебе, Васеньке, надобно
За такую услугу за великую?
Надо тебе терем высокие –
Поставим тебе терем против дворца (2: 144).
- ¹⁸ Э. Г. Рахимова в своей монографии «“Туонельские свечушки”: словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным» приводит примеры того, как в карело-финских плачах номинируют жилище покойного. Так, например, в беломорско-карельских плачах метафорической заменой гроба является выражение «поколенный туонельский алтарный домик», в сойкинских записях – «дом для умершей, для идущей в землю хижина, для исчезнувшей усадьба» [3: 99–101]. Стоит отметить, что в печорском материале не выявлены случаи, когда метафорой гроба выступают номинации «домик», «хижина» и «усадьба». А хижина и усадьба вообще нехарактерны для проанализированных музыкально-поэтических жанров.
- ¹⁹ Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1980 г.). 4-10-1980, т. 9, № 182, с. 5167.
- ²⁰ Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А. М. Астаховой). С. 54.
- ²¹ Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни, [записанные на Низовой Печоре]. С. 33.
- ²² Там же. С. 36.
- ²³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 4. 864 с.
- ²⁴ Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни. С. 167.
- ²⁵ Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. С. 186.
- ²⁶ Песни Печоры. С. 180.

- ²⁷ Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. С. 247.
²⁸ Там же. С. 271.
²⁹ Там же. С. 170.
³⁰ А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села). С. 92.
³¹ Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. С. 127.
³² Русская народно-бытовая лирика. С. 92.
³³ А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села). С. 162.
³⁴ Песни Печоры. С. 180.
³⁵ Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. С. 247.
³⁶ А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села). С. 101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канева Т. С. Лес в печорском фольклоре (реализация образа в музыкально-поэтических жанрах) // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума: Сб. тр. к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 72–85.
2. Криничная Н. А. «Все в терему по-небесному...»: к семантике эпической формулы // Классический фольклор сегодня: Материалы конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова (Санкт-Петербург, 14–17 сентября 2009 г.). СПб., 2011. С. 101–111.
3. Рахимова Э. Г. «Туонельские свечушки...»: словесная изобразительность карело-финских причитаний по покойным. М., 2010. 237 с.
4. Смолицкий В. Г. Русь избяная. М., 1993. 104 с.

Поступила в редакцию 15.04.2020

Evgeniya O. Maksimova, Postgraduate Student, Pitirim Sorokin
 Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)
 maximova-evgeniya@yandex.ru

TEREM IN EPICS, LAMENTATIONS AND SONGS OF PECHORA: COMPARATIVE ANALYSIS

The work is aimed at the comparative analysis of the terem image in music and poetic genres of the Russian traditions of Pechora (the Ust'-Tsil'ma district of the Komi Republic and the Nenets Autonomous Area of the Arkhangelsk region). A terem is one of the most popular artistic units denoting a dwelling in Pechora folklore (54 uses were identified in epics, 7 – in lamentations and 69 – in song genres). The published records of Pechora epics and songs along with the issued and archival texts of lamentations were sources of the research. For the first time epics, lamentations and songs of Pechora are compared in terms of implementing the image of a residential building – a terem. The word “terem” in the epics and lamentations of Pechora is generally accompanied by definitions that are characteristic of the common Russian traditions. In songs, this dwelling facility is presented through the largest variety of definitions, and the analysis of song genres revealed a large number of rare word combinations. Descriptions of terems mark their owners. Pechora terems are also the objects of the world of the dead. In Pechora epics, terems belong to princes, princesses, the Sea King, Solovei the Brigand (Nightingale the Robber), as well as to the Mother of God, which indicates that the image is widely included into the epic folklore space, while in the wedding or game songs of praise and prolonged songs a terem is associated with love and family themes. The analysis of text fragments with the word “terem” identified in Pechora folklore, especially in songs and lamentations, drew our attention to the fact that this archaic type of housing is included in narrative situations related to the subject of creating a family, female images, and family in general.

Keywords: terem, epic, lamentation, song, Pechora, poetics

Cite this article as: Maksimova E. O. Terem in epics, lamentations and songs of Pechora: comparative analysis. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 103–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.531

REFERENCES

1. Kaneva T. S. Forest in Pechora folklore (realization of the image in music and poetic genres). *People in their habitat: the space of nature, the space of society: Collection of research papers commemorating the 90th anniversary of Taisiya Yakovlevna Grinfeld-Zingurs*. Syktyvkar, 2017. P. 72–85. (In Russ.)
2. Krinichnaya N. A. “In a terem everything feels like in heaven...”: the semantics of the epic formula. *Classical folklore today. Proceedings of the conference commemorating the 90th birth anniversary of B. N. Putilov*. St. Petersburg, 2011. P. 101–111. (In Russ.)
3. Rakhimova E. G. “Candles of the Tuonela...”: the verbal depiction of the Karelian-Finnish lamentations for the deceased. Moscow, 2010. 237 p. (In Russ.)
4. Smolitskiy V. G. Wooden-house Rus. Moscow, 1993. 104 p. (In Russ.)

Received: 15 April, 2020

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВИЧ ХРОЛЕНКО

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета

Курский государственный университет (Курск, Российская Федерация)

alexanderhrolenko@yandex.ru

Рец. на публикацию: Лёнгрен Т. П. «Сборник песен села Миленина, записанных С. Н. Шиль летом 1916 года» // Лингвофольклористика. 2019. № 30-2. С. 3–153.

В 2019 году стараниями лингвиста Т. П. Лёнгрен были опубликованы русские народные песни, записанные летом 1916 года в селе Миленино Фатежского уезда Курской губернии Софьей Николаевной Шиль. В американском журнале «Palaeoslavica» ею были размещены 46 текстов¹, а в полном объеме все тексты песен были представлены в курском научном журнале «Лингвофольклористика»². Закономерен вопрос: что может дать современной гуманитарной науке корпус народно-песенных текстов, записанных сто два года тому назад? Ответу на этот вопрос должна поспособствовать оценка рассматриваемого издания. Собирательницей курских песен явилась переводчица и детская писательница С. Н. Шиль (1864–1928), печатавшаяся под псевдонимом Сергей Орловский. За два с половиной летних месяца 1916 года собирательница, записав свыше четырехсот «приказок» (частушек) и около трехсот песенных текстов, оформила полевые материалы и в 1923 году отправила их академику М. Н. Сперанскому для определения будущей судьбы рукописи, но оказалось, что посылка была утрачена. С. Н. Шиль при участии своей сестры восстановила рукопись, но возможности опубликовать ее так и не представилось. Только в наши дни обе версии сборника, включая и первую, утраченную, были обнаружены в разных архивных хранилищах. Так что век спустя труд талантливой соотечественницы вошел в наш культурный фонд и одновременно в научный обиход.

Составительница не была профессиональным фольклористом, но ее опыт переводчика и писателя, предполагающий чувство эвристики и креативности художественного слова, позволил реализовать достойный проект. Обратим внимание на время, когда С. Н. Шиль слушала и записывала традиционные крестьянские песни. Это было за несколько месяцев до Февральской революции, ознаменовавшей падение Российской империи. Через год с небольшим грянет Октябрь-

ская революция и начнется Гражданская война, так что фольклористический труд С. Н. Шиль – это своеобразный исследовательский срез русской крестьянской культуры в канун великого национального потрясения. В 1923 году, когда собирательница оформляла полевые записи, через замеченные ею «старозаветные начала» уже прошел великий разлом, и у крестьянской традиционной культуры началась другая жизнь. Полагаем, что время записи курских песен с. Миленино – уникальная особенность, которую необходимо учитывать, оценивая труд нашей замечательной соотечественницы.

В проекте С. Н. Шиль три части – введение, корпус текстов и указатели. Введение состоит из шести разделов. Первый – о селе Миленино, в котором записывались песни; второй – характеристика времени экспедиции и условий жизни селян; третий – методика записей и портреты наиболее интересных информантов; четвертый – описание «улицы» – народного развлекательного действа, «сборища в праздник, гулянье с песнями, хоровод, круг, танок»³; пятый – классификация песенного материала и оценка собранных текстов с точки зрения их сохранности; шестой – наблюдения над строем, языком и исполнением «приказок» – частушек.

По сути введение представляет собой яркий очерк о месте и времени бытования записываемых песен, исполнительницах, их песенном репертуаре. В очерке немало наблюдений и суждений о местных особенностях общерусской традиции, учет которых перспективен в изучении фольклорного слова. Введение не ограничивается информацией чисто собирательской. Оно предстает как талантливый рассказ о крестьянстве одной из губерний Центральной России в год Первой мировой войны. Собирательница передает тягостную атмосферу недалекого по территории театра боевых действий, эпизоды воинского призыва, горе родителей, провожающих близких на фронт, заботы

о многочисленных дезертирах, прячущихся в крестьянских подворьях, ожидание похоронок. «Лето 1916 года было трудным и неподходящим временем для записи песен. В каждой избе война ощущалась, как беда, стоящая у собственных ворот» (10)⁴. Это введение, на наш взгляд, самоценно само по себе. И в этом отношении оно напоминает знаменитую статью А. Ф. Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее рапсоды», предвещающую «Онежские былины»⁵. И А. Ф. Гильфердинг, и С. Н. Шиль восхищены талантливостью своего народа. Собирательница оставила свидетельство о песенном богатстве курской земли:

«Мы жили в самом начале села Миленина, где оно примыкает к Фатежу. Песни удалось записать только в самом Миленине, до церкви. Из остальных селений были у меня лишь случайные певичцы. Отсюда можно сделать вывод о богатстве песенного материала этого края» (10).

По ее словам, само село состояло из шести деревень, и всего-то одной деревни хватило, чтобы набрать солидный сборник из трехсот текстов.

К числу проблем теоретического толка, которых коснулась собирательница, относится вопрос о наличии так называемой крестьянской элиты, основной хранительницы фольклорной традиции. Так, А. Ф. Гильфердинг был уверен, что знание былин составляет как бы преимущество наиболее исправной части крестьянского населения. Лучшие певцы былин известны в то же время как хорошие и относительно зажиточные домохозяева. По-видимому, полагал собиратель, былины укладываются только в таких головах, которые соединяют природный ум и память с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни⁶. С этим не поспоришь, учитывая сам жанр былины, тесно связанный с конкретной творческой личностью. Однако как быть с таким массовым и по сути анонимным искусством, как необрядовая лирическая песня? Неожиданным, свежим, на наш взгляд, показалось суждение С. Н. Шиль о крестьянских девушках-невестах, которые в своем сообществе с годами выделяли из своих рядов будущих талантливых старух, которые передавали кругу будущих невест репертуар и традицию исполнения народной песни.

«Пришлось главное внимание обратить на девушек-невест; и тут наградой была богатая жатва» (14). «Здесь, казалось, в ожидании близкой свадьбы, сосредотачивалось все уменье, весь жгучий интерес к песне. Девушки-невесты собирали в сокровищницу своей памяти все и отовсюду, особенно дорожа стариною, хранительницами которой были 60-летние старухи, одаренные необычайной памятью» (12). «От их говора

и смеха пахло такой свежей, могучей молодостью, что стало вдруг весело... Искусство бедных огородниц превратило этот хмурый вечер в ясный праздник, и когда они ушли домой, то никто не мог сказать, когда испытывал подобное же прелестное художественное наслаждение» (15).

Обратим внимание на замечание С. Н. Шиль о том, что талантливые информантки, шестнадцатилетние крепкие девушки, были из более или менее зажиточных деревенских семейств. Здесь явная перекличка с выводом А. Ф. Гильфердинга о составе фольклорной элиты. Кажется, важнейшим транслятором культурной традиции в народном словесном творчестве был своеобразный аналог «среднего класса» в русском крестьянстве.

У С. Н. Шиль есть интересные наблюдения и суждения о связи духовного в человеке с его физической привлекательностью. Писательница и собирательница в одном лице, она пишет во введении:

«Необыкновенно красив, статен и строен здешний народ... Дома были только деды, пасечники и пахари, — необыкновенно величавые, могучие красавцы... Все в них, в этих запыленных трудовых людях, дышало какой-то царственной красотой и величавым спокойствием» (10).

Из своих наблюдений и размышлений делает вывод:

«Весь строй жизни в Миленине, все занятия будней и праздников, все разговоры, все происшествия были еще проникнуты непоколебимой властью старозаветных начал. Новых слов здесь никто не усвоил, а старое сказывалось во всем» (17).

И тем не менее для собирательницы очевидно, что песенные тексты в Миленино претерпевают различной степени изменения. Об этом свидетельствует составленная С. Н. Шиль классификация записанных ею песенных текстов:

1. Старинные песни — без рифмы.
2. Песни народные новейшего типа — с рифмой.
3. Песни из печатных песенников — с рифмой; автор иногда известен.
4. Частушка (приказка), разросшаяся и усложненная до величины обычной песни, — с рифмою (19).

Записи показывают, что старинные песни конкурируют с новомодными песнями в репертуаре одной и той же личности. Носительница традиции могла исполнить песню, которой не найти в своде А. И. Соболевского. Впечатляет эпизод, зафиксированный в сборнике. Текст военной песни «Вильгельм в поход собрался / За ним гналася...» (№ 136) сопровождается

репликой: «Это девочки сами от себя придумали, когда работали, для смеха» (85). Новое проступает и в самих текстах.

«Песня своею рифмою уже отодвигается от старины. Обыкновенно она построена хорейски» (20). «...Стишки модные из песенников отличаются бедностью имен существительных и решительным преобладанием глаголов» (21).

Симптомы разрушения народно-песенной традиции проявляются в области функционирования той или иной песни, когда слабеет связь с обрядом. Собирательница сетует, что классификация песен «по назначению» представляет задачу трудно исполнимую ввиду неустойчивости в определении песни со стороны песенниц. Только некоторые у них были надежны в этом отношении.

«“Это тюремная песня, сиротская, это не беседная”. Чаще всего песни делились на свадебные, беседные и на уличные. Последние носили разнообразные названия: веселые, скакальные, плясовые, летние, хороходные, скоморошные, праздничные, протяжные, сиротские, тюремные, жалобные и др. Некоторые из песен приурочивались ко временам года и явлениям природы, например, цветению черемухи» (22).

Систематизируя свои наблюдения над процессом изменений в песенных текстах, С. Н. Шиль выходит на проблему фрагментированности этих текстов. Фрагмент для собирательницы – это результат и показатель той или иной степени разрушенности народно-песенного произведения. Идеал сохранности старинных песен – целостность и чистота, отсутствие искажений и пропусков. Таких песен не так много. Они сохранились, отмечает собирательница, в памяти лучших песенниц – старых женщин и степенных девушек-невест, связанных родным деревенским укладом и чуждых городу. Большинство песен сохранилось с искажениями и забвением отдельных стихов. Более того, часты случаи, когда сохраняются отдельные фрагменты. Отрывочность фрагментов собирательница объясняет или ранним возрастом песенницы, или ее отчуждением от деревни и увлечением модными песнями, или особенностями индивидуального склада (20). Последующая судьба оставшихся фрагментов разных песен – слияние в одну песню. С. Н. Шиль удивлена тем обстоятельством, что песенницы равнодушны к отсутствию связи между фрагментами. Самое интересное, что внимательная собирательница одновременно приводит факты, которые дают возможность не считать фрагментацию результатом распада художественного произведения. Будь фрагменты

обломками величественного прошлого, мы бы их находили прежде всего в записях от старых исполнителей, однако сама С. Н. Шиль приходит к пониманию того, что фрагменты – это не обязательно финал судьбы народно-песенного творчества, а его начало. Так, собирательница отмечает:

«В этой ребячьей среде любопытно было наблюдать отражение интересов взрослых и начатки усвоения песенного искусства в словах и в звуках» (16). «...Девчонка 8-ми лет запоминает фрагменты того, что будет знать девушкой-невестой» (12).

Усвоение лирики начинается не с целостного текста:

«Маленькие девчонки начинают запоминать песню фрагментами, наиболее поразившими их художественное любопытство; к этому начальному отрывку понемногу приклеиваются остальные части» (29). Что касается эстетической ценности фрагментов, то это – «обломки художественной высокой красоты» (20). «Песни с богатым, распространенным зачином, имеющим самостоятельную художественную значимость, обычно облеченным в традиционные образы, представляют самое изящное сочетание повествований и диалога» (21–22).

Спустя пятьдесят лет после написания рецензируемого введения нами была предложена концепция поэтической фразеологии русской народной лирической песни, в которой среди устойчивых художественно ориентированных структур – биномов (эпитетосочетаний, репрезентативных пар), ассоциативных рядов – найдут свое место и блоки – максимальные объекты фольклорной фразеологии. Было показано, что художественная полноценность блоков такова, что они в большинстве своем становятся ядром песни, ее фокусом, и оставшиеся за пределами блока фрагменты как бы стягиваются к нему центростремительной силой эмоциональной экспрессии, «эмоциональное зрение» сосредоточено на блоке. Отмечено немалое число песен, тексты которых представляют собой всего-навсего один блок. Конечно, не все типы блоков могут составить целую песню. Этой способностью быть микропесней обладают блоки описательно-психологические, метафорические и сентенциозные. Для них характерна сюжетная завершенность (пусть даже это только «завязь» сюжета), грамматическая целостность, композиционная автономность и художественная целесообразность⁷.

Бессюжетность лирики – причина и основание фрагментированности народно-песенных текстов. С. Н. Шиль из внешне очевидного предположения о том, что у каждого фольклорного произведения была некая исходная, подлинная

версия, которая в процессе бытования разрушалась, распадалась на более или менее устойчивые части, которые затем в практике исполнения складывались в тексты, художественная ценность которых зависела от степени талантливости носителей традиции народной лирики. Как полагали классики отечественной фольклористики, лирические песни были фрагментированы изначально и представляли собой результат «вибрации» песенного текста (термин К. В. Чистова). Фрагментация народно-лирического текста приводит к феномену «художественного алогизма», который в свое время попал в поле зрения А. А. Потебни, а затем лег в основу нашей концепции семантики фольклорного слова⁸.

Собирательница зафиксировала исполнительскую реакцию на «алогизм»: «“Начинается на галочку, кончается на барышню”, – заметила с улыбкой одна из девушек, окончив песню» (20).

Т. П. Лёнгрен так определила перспективы сборника С. Н. Шиль:

«По составу и содержанию этот сборник в первую очередь представляет большой интерес для фольклористов, поскольку в нем собраны уникальные сокровища, запечатленные в поэтическом песенном слове, но и для диалектологов в нем содержится немало ценного материала»⁹.

На наш взгляд, исследовательские перспективы материалов сборника интересуют не только и не столько фольклористов, сколько лингвофольклористов. Для тех, кто специально вопросами лингвофольклористики не занимался, поясним, чем лингвофольклористика отличается от традиционной фольклористики. Они отличаются объектом и предметом исследования. Фольклористика ориентирована на собирание, классификацию и комплексный анализ *фольклорного произведения* как объекта искусства. Фольклористу интересно *живое* фольклорное слово. Фольклорист не мыслится вне полевой работы в экспедиции, без контакта с информантом, носителем народной культуры. Лингвофольклорист же изучает *фольклорный текст* не методами искусствознания, а методами филологии. Объект лингвофольклористики не живое слово носителя народной традиции, а слово запечатленное, записанное. Лингвофольклорист выявляет, анализирует и описывает культурные смыслы, воплощенные в языковых и параязыковых структурах фольклорного текста. Сама С. Н. Шиль понимала, что для строгой фольклористики, ориентированной на изучение песни как художественного явления, произведения искусства, материалы

по объективным причинам ограничены. Отсутствует, например, музыкальная сторона песни. Разумеется, собирательница ощущала неполноту записи:

«Песни записывались со слов песенниц таким образом, что сначала они напевали несколько строк, а потом уже говорком передавали ее всю с начала до конца. Мне хотелось запечатлеть и мотивы, часто прекрасные и неожиданные, порою, казалось мне, замечательные; но не будучи музыкантшей, я сделала попытку письмом в Москву войти в сношение с Е. А. Линевой, желая от нее командировки лица, специалиста по записи народных напевов. Мое письмо, к сожалению, осталось безрезультатным; возобновить же попытку мешали мне обстоятельства в нашей жизни в Миленине... <...> И так, оказывалась возможность совершить дело только на половину, лишит песенный материал той прекрасной звуковой оболочки, с которой он составлял одно неразрывное органическое целое. Но и в такой неполной записи мне казалось необходимым собрать песенный материал этого захолустного села, где никогда и не слышали о собирании песен» (12–13).

Третью – заключительную – часть проекта С. Н. Шиль составляют семь указателей. Это указатели предметов, собственных имен, песенных типов, форм, содержания (тематики) песен, местных слов и особенностей местного говора. Для фольклористической науки начала двадцатого века эти указатели во многом элемент новаторский, полезный для тех, кто впервые подступает к систематическому изучению фольклорных текстов. Разумеется, такую работу в полном объеме и высокого качества в докомпьютерную эпоху выполнить если не невозможно, то очень трудно. Например, указатель местных слов – диалектизмов включает в себя четырнадцать лексем, а фактически диалектных слов в представленных песенных текстах в разы больше. Без особого напряжения можно увидеть имена существительные *девярило, колтан, корогодничек, набелки, намыки, щёлканцы*; прилагательные *бабичий, ловяной, пенёчный, подниженная, распевчивый*; местоимение *саменький*; глаголы *ганивать, заблиндовать, заморачивать, зауныть, нычьть, обождаваться, позавистовать*; наречие *не по вёрсту*.

Помимо трех структурно явленных частей сборника мы бы выделили и четвертую, которая в оглавлении не указана, но наличие которой явно ощущается. Она как бы наложена на вторую – текстовую – часть. Имеем в виду совокупность реплик исполнительниц, высказывания, которые рассыпаны по всему корпусу текстов, каждое из них взято собирательницей в скобки.

Во введении С. Н. Шиль отметила специально: «Всюду, где песенница обозначала песню, ее замечание со всеми объяснениями вносилось в запись» (22). Эти реплики – великолепная находка собирательницы. Реплики создают впечатление единого исполнительского дискурса. Спустя сто два года со дня записи современный читатель ощущает себя участником народно-песенного действия, а исследователи получают новую, достоверную и очень ценную информацию. Эту сторону проекта С. Н. Шиль можно рассматривать с позиций современной проблемы народной филологии как одну из форм вненаучного знания, которую можно квалифицировать как народную фольклористику. Приведем примеры. Связь с обрядом: *На масляницы пають* (1); *Когда едут к венцу, и обыгрывают поезжан* (№ 12); *Когда обыгрывают* (№ 13); *Когда поезд придет* (№ 48); *За невестой приезжают* (№ 71). Исполнительская ситуация:

Корогодная, или же собираются на гуляны, либо ответки рожанице; у кого младенец новорожденный, той господина и величают (№ 1); *Когда образованы. Протяжная* (№ 3); *А то закричат. Весело скажут* (№ 4); *При перепое, при образовании и при дарении* (№ 8); *Эта веселая, когда уже посадят молодых за стол* (№ 9); *Когда едут к венцу, и обыгрывают поезжан* (№ 12); *Свадебная. Катаются да кричат, платочками махают* (№ 64); *Хучь сколько кричат все равно* (№ 72).

Воспоминания об истоках исполнительства: *Все бабушка меня учила, хорошая была, разговорчивая, все песни знала* (№ 44). Поведение исполнителей: *Усе девушки, а кавалер танцует* (№ 2); *А то закричат. Весело скажут* (№ 4); *Бывалоча сядешь прядь и поешь* (№ 28). Исполнительская самооценка:

Я танцыриха была, топтала мать-сыра-земля, прости Христос (№ 2); *Ух, мы были песенницы! На все время!* (№ 25); *Ух, песенница я была, говорить нечего! За мной весь корогод был* (№ 38); *Бывалоча играла песни, когда молодая была, они бывало шутят надо мной: вы-соцкия песни Степанида играет* (№ 50); *Бывалоча, сяду писню играть, кричит няня: «Сумашедшая! Что кричишь?»* (№ 56).

Комментарии по сюжету:

Красная Клавдия по берегу ходила, Перевоз про-сила: (Значит она упрашивает) (№ 10); *Вся. Наполовину песня сказана. Другая половина про сваху* (№ 14); *Постой, погоди, ранняя сваха, не уезжай!* (Спесивая, то к жениху, то к невесте щевашишься!) *Неправда, дружинишка, неправда! (Это сваха.)* (№ 15); *Дари, Гриша, не скупися. (Дружка станут корить!)* (№ 53); *Все золотые колечки рвутся. (Сюда повторение песни сначала до слов: в дальнюю счастливую дорожку)* (№ 59); *Не наша ли то грешница, не наша ли с чужой стороны. (она так-то ладнее че!)* (№ 65).

Сезон исполнения: *Зимой и летом, когда корогод собирается* (№ 23); *Летом пойдем за щавелем кричим* (№ 46); *В любое время: Когда ни сду-маем* (№ 35); *Когда зря поют* (№ 69).

Нет сомнений в том, что сборник С. Н. Шиль займет ключевое место в ряду аналогичных записей курских народных песен, относящихся к началу XX века. Имеются в виду сборники М. Г. Халанского, А. П. Горяйновой и В. Н. Рутцен, материал которых на фоне курских текстов XIX века из свода А. И. Соболевского даст возможность определить траекторию направления и вектор изменений в традиционной песенной культуре. Становится более достижимой цель выявить существенные черты курского фольклорного региолекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лёнгрен Т. П. Из рукописного наследия С. Н. Шиль: песни села Миленина Фатежского уезда Курской губернии // *Palaeoslavica*. 2019. Vol. XXVII. № 1. Р. 261–273.
- ² Лёнгрен Т. П. Сборник песен села Миленина, записанных С. Н. Шиль летом 1916 года // *Лингвофольклористика*. 2019. № 30-2. С. 3–8.
- ³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 2000. С. 489.
- ⁴ Шиль С. Н. (Сергей Орловский). Песни села Миленина Курской губернии Фатежского уезда. Записано летом 1916 года // *Лингвофольклористика*. 2019. № 30-2. В тексте в круглых скобках указаны страницы издания.
- ⁵ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее рапсоды // *Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года*. Т. 1. СПб., 1894. С. 1–62.
- ⁶ Там же. С. 17.
- ⁷ Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981. 163 с.
- ⁸ Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 140 с.
- ⁹ Лёнгрен Т. П. Сборник песен села Миленина, записанных С. Н. Шиль летом 1916 года... С. 7.

Поступила в редакцию 04.03.2020

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ В ПетрГУ – 80 ЛЕТ

Ко времени основания в 1940 году историко-филологического факультета Карело-Финского государственного университета относится и начало истории двух кафедр – кафедры русского языка и кафедры литературы, становление и развитие которых проходило параллельно и во взаимосвязи с другими подразделениями факультета. Традиции этой работы закладывались такими известными учеными, как член-корреспондент АН СССР В. Г. Базанов, лауреаты Государственной премии СССР Л. Я. Гинзбург и Е. М. Мелетинский, член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих.

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА*

Первым заведующим кафедрой русского языка стал к. ф. н. Василий Иванович Алатырев. Он занимался вопросами словообразования, лексики и этимологии, графики и орфографии, морфологии и синтаксиса языков, написал свыше 150 научных и научно-методических работ, в том числе первую научную грамматику современного удмуртского языка. В числе первых преподавателей кафедры были доценты Е. В. Митропольская, А. А. Веселовский, Н. К. Силкина, Л. В. Хайкина. В годы Великой Отечественной войны обязанности заведующего исполняла Екатерина Васильевна Митропольская.

С 1946 по 1952 год кафедрой заведовал доцент Борис Петрович Ардентов, специалист в области синтаксиса русского языка, выпускник знаменитой «Герценовки» (Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена) (так же, как и В. И. Алатырев), участник прорыва Ленинградской блокады, орденоносец.

С 1953 года в течение 10 лет кафедру русского языка возглавлял к. ф. н. Матвей Иванович Пигин. Много лет отдавший преподавательской деятельности и в 1946 году награжденный медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», он изучал вопросы грамматического строя эрзя-мордовского языка, истории инфинитивных конструкций, отрицательных безличных предложений, причастного сказуемого в древнерусском языке. Его внук – Александр Валерьевич Пигин – д. ф. н., много лет был преподавателем, доцентом, затем профессором кафедры литературы ПетрГУ, а ныне заведует сектором фольклористики и литературоведения Карельского научного центра РАН.

Доцент Мария Яковлевна Кривонкина, руководившая кафедрой русского языка с 1963 по 1975 год, стала первым заведующим – выпуск-

ником историко-филологического факультета Карело-Финского госуниверситета. Она была видным специалистом в области диалектологии, и с 1960-х годов изучение русских говоров Карелии стало на долгие годы ведущей коллективной научной темой кафедры: по этой проблеме печатались статьи, защищались кандидатские диссертации. Результатом этого совместного труда, в котором принимали также активное участие и преподаватели Карельского государственного педагогического университета (например, заслуженный деятель науки РК Л. П. Михайлова), стал «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей».

В 1975 году заведующим кафедрой избран д. ф. н., профессор Замир Курбанович Тарланов, заслуженный деятель науки РФ и РК, член Совета по русскому языку при Правительстве РФ (1996–2003), Союза писателей РФ, Американского общества изучения русского и восточно-европейского фольклора, редколлегии журнала «Север», правления РОПРЯЛ (2000–2004), председатель секции критики Союза писателей Карелии (1988–2003). Под его руководством (до 2011 года) на кафедре велась активная подготовка научно-педагогических кадров в рамках НППШ «Русский язык в его развитии и функционировании», защищались докторские и кандидатские диссертации; одной из важнейших становиться тема «Язык русского фольклора», периодически издается межвузовский научный сборник «Язык (жанров) русского фольклора», с 1977 года вышло 15 выпусков. С 1990 года кафедра выпускает специальный межвузовский научный сборник, посвященный исторической стилистике русского языка.

В 1970-е–2000-е годы на кафедре работали заслуженный деятель науки РФ и РК, д. ф. н., профессор Л. В. Савельева, доценты В. С. Суханова, Т. Г. Доля, Е. Ф. Теплов, М. А. Пустынникова, Е. Н. Полякова, И. П. Иванова, Е. И. Новикова, Н. В. Тищенко, Н. Д. Гусарова, В. Л. Кошкарлов, Л. В. Стижко, старшие преподаватели А. Г. Малюткина, Н. И. Скуратова, М. А. Коробейникова, М. Б. Михайлова, М. А. Логинова, В. В. Семаков, Е. Н. Геккина. Доцент З. Г. Юсупова известна в Карелии и за ее пределами благодаря замечательной серии учебных пособий, посвященных проблемам методики преподавания русского языка, и масштабной, разноплановой работе по подготовке учительских кадров.

1980-е – начало 1990-х годов – время расцвета творческой деятельности всемирно известного

специалиста в области поэтической грамматики Якова Иосифовича Гина (см.: Патроева Н. В. Значение работ Я. И. Гина для исследований поэтического синтаксиса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 100–103).

В первые десятилетия XXI века активно развивается новое направление исследований – авторская лексикография, под руководством зав. кафедрой Н. В. Патроевой ведется работа над созданием «Синтаксического словаря русской поэзии», защищаются кандидатские диссертации по темам, связанным с поэтическим синтаксисом, лингвопоэтикой, историей русского литературного языка. Кафедра поддерживает активные творческие связи с родственными подразделениями ряда российских и зарубежных университетов, академических институтов, ее члены сотрудничают в редколлегиях научных журналов, участвуют в международных и всероссийских конференциях. Преподаватели кафедры ведут большую работу по пропаганде достижений филологической науки в России и за рубежом. Важная часть продолжающейся исследовательской и собирательской работы кафедры – грамматический диалектный словарь, медиатека словаря русских говоров Карелии, составленная по результатам ежегодных диалектологических экспедиций, осуществляемых под руководством членов «Лаборатории лингвистического краеведения и языковой экологии» из числа преподавательского состава кафедры русского языка.

* Благодарим студентов А. Зайцева, А. Коновалову, Е. Попову и М. Лукьянову, собиравших материалы в архиве ПетрГУ, за предоставленную информацию об истории кафедры русского языка.

КАФЕДРА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

В 1940 году в Карело-Финском государственном университете начала работу кафедра финно-угорских языков, реализующая набор на специальность «финно-угорские языки и литература». Кафедра являлась структурной единицей историко-филологического факультета, заведующим был назначен д. ф. н., профессор, член-корреспондент АН СССР Д. В. Бубрих. В начале войны кафедра была закрыта, но уже в 1943–1944 годах возобновила работу. В 1945 году при кафедре была открыта первая в университете аспирантура. В 1947 году был произведен набор на новое отделение – финской филологии, основной задачей которого являлась подготовка научных работников по финно-угорскому языкознанию и карело-финскому фольклору и литературе. Первыми выпускниками отделе-

ния финской филологии стали д. ф. н. Э. Г. Карху, к. ф. н. А. А. Мантере и к. ф. н. М. Э. Куусинен.

С 1954 года в школах Карелии финский язык стали преподавать только в тех районах, где проживают карелы и финны, а с 1956 года после возвращения Карелии статуса автономной республики изучение финского языка полностью прекратилось. С 1958 года в университете перестали осуществлять набор на специальность «финский язык и литература».

В 1963 году по приказу министра ВССО РСФСР «в связи с возросшей потребностью КАССР в кадрах, владеющих финским языком» в Петрозаводском госуниверситете была организована кафедра финского языка и литературы. На тот момент ежегодный набор составил 25 человек, затем он возрос до 50 человек. Первым заведующим кафедрой стала к. ф. н., доцент А. Г. Морозова (с 1963 по 1974 год). На протяжении следующих 15 лет кафедрой руководила к. ф. н., доцент М. И. Муллонен (1974–1989). С 1989 по 2013 год кафедрой заведовала к. ф. н., доцент Т. И. Старшова. Основной задачей кафедры стала подготовка учителей и преподавателей, переводчиков, журналистов национальных СМИ, научных кадров. В 1960–1970-е годы у кафедры установились научные и учебные связи с вузами Финляндии. С 1968 года она тесно сотрудничает с Министерством образования Финляндии, что продолжается и по сей день.

В 1987 году по инициативе ИЯЛИ КарНЦ РАН в г. Петрозаводске была проведена научно-практическая конференция «Карелы», на которой обсуждался вопрос о возрождении карельской письменности и обучении карельскому языку в школах республики. В результате было принято решение о том, что карельская письменность будет создаваться на основе латинской графики с опорой на собственное карельское и ливвиковское наречия. Качественное школьное обучение требовало квалифицированных учителей. Кроме того, в конце 1980-х годов в Карелии появилась возможность обучать в школе детей вепсов родному языку, что вызвало потребность подготовки учителей вепского языка для школ. В связи с этим приказом ректора ПетрГУ от 1 октября 1990 года на филологическом факультете была открыта кафедра карельского и вепского языков. Спустя небольшое количество времени кафедра финского языка и литературы и кафедра карельского и вепского языков отделились от филологического факультета и образовали факультет прибалтийско-финской филологии и культуры. Деканом факультета стала к. ф. н., доцент Т. И. Старшова. Заведующим кафедрой карельского и вепского языков была назначена В. П. Федотова. Спустя два года после начала работы кафедры ее заведующим стала О. Э. Горшкова.

В 1997 году кафедру возглавил д. ф. н., профессор П. М. Зайков. В период его заведования были установлены прочные связи с отечественными и зарубежными вузами. Некоторые из них переросли в проекты. В 2011 году кафедру возглавила к. ф. н. Н. М. Гилоева, а с 2012 по 2014 год – к. ф. н. Т. В. Пашкова. В 2004 году по предложению и благодаря усилиям П. М. Зайкова в университете начал работу совет по защите кандидатских диссертаций. В этом же году состоялись первые защиты. Всего с 2004 по 2012 год в совете защитились более 10 соискателей ученой степени кандидата филологических наук.

В 2013 году в структуре факультета прибалтийско-финской филологии и культуры произошел ряд изменений. Первым этапом стало объединение кафедры финского языка и литературы и карельского и вепсского языков в кафедру прибалтийско-финской филологии, далее к образовавшейся кафедре присоединили кафедру карельского, вепсского языков Педагогической академии. Затем факультет прибалтийско-финской филологии и культуры был упразднен, и в статусе кафедры прибалтийско-финской филологии вошел в состав филологического факультета (сейчас Институт филологии). С 2014 года по настоящее время кафедрой прибалтийско-финской филологии руководит д. и. н., доцент Т. В. Пашкова.

На сегодняшний день кафедра прибалтийско-финской филологии реализует подготовку по трем профилям обучения бакалавриата: «финский язык и литература, английский язык», «финский язык и литература, вепсский язык» и «финский язык и литература, карельский язык». Кафедра внесла достойный вклад в культуру, науку и образование РК. Подготовлено более 3000 специалистов. В числе выпускников – более 30 кандидатов и 6 докторов наук. Выпускники кафедры преподают практически во всех школах республики, в вузах и других учебных заведениях, работают в министерствах, бюро переводов, туристических компаниях, издательствах, в национальных редакциях телевидения и радио Карелии, других СМИ на карельском, вепсском и финском языках.

КАФЕДРА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ, РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Важнейшие направления научных исследований кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики – проблемы фольклора и детской литературы, дostoевскоеведение, текстология, этнопоэтика русской литературы. В 50–80-е годы прошлого века многое сделали для развития кафедры профессор И. П. Лупанова (фольклорист и основатель школы изучения детской литературы), профессор М. М. Гин (см. подробнее: Кунильский А. Е. К 100-летию М. М. Гина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 114–116), профессор Л. Я. Резников (см.: Спиридонова И. А. К 100-летию со дня рождения Л. Я. Резникова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 115–117), доцент Л. В. Павлов. Всем выпускникам факультета памятно имя профессора Е. М. Неёлова, замечательного преподавателя и ученого, заслуженного деятеля науки РК, создателя оригинальной концепции фантастического.

Профессор В. Н. Захаров организовал на базе ПетрГУ издание Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации, осуществил подготовку конкордансов всех произведений писателя. Он также является главным редактором Собрания сочинений Достоевского в московском издательстве «Воскресение». Признание его заслуг выразилось в избрании его вице-президентом Международного общества Достоевского. В. Н. Захаров является главным редактором журналов «Проблемы исторической поэтики» и «Неизвестный Достоевский», индексируемых в Web of Science.

Профессор В. Н. Захаров организовал на базе ПетрГУ издание Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации, осуществил подготовку конкордансов всех произведений писателя. Он также является главным редактором Собрания сочинений Достоевского в московском издательстве «Воскресение». Признание его заслуг выразилось в избрании его вице-президентом Международного общества Достоевского. В. Н. Захаров является главным редактором журналов «Проблемы исторической поэтики» и «Неизвестный Достоевский», индексируемых в Web of Science.

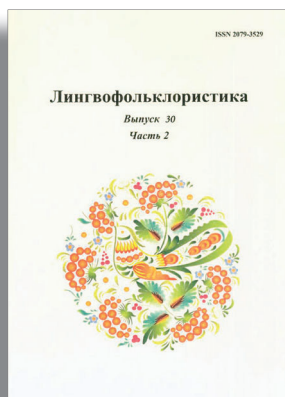
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

Сегодня институт филологии ПетрГУ – это пять кафедр: русского языка (заведующий – д. ф. н., профессор Н. В. Патронева), классической филологии, русской литературы и журналистики (заведующий – заслуженный деятель науки Республики Карелии, д. ф. н., профессор В. Н. Захаров), прибалтийско-финской филологии (заведующий – д. и. н., доцент Т. В. Пашкова), германской филологии и скандинавистики (заведующий – д. ф. н., доцент Н. Г. Шарапенкова), русского языка как иностранного (заведующий – к. ф. н., доцент А. А. Котов). Все они готовят специалистов по русскому языку и литературе, классическим и новогреческому языкам, английскому, немецкому, шведскому, норвежскому, датскому, финскому, карельскому и вепсскому языкам. В научных исследованиях и образовательном процессе активно используются современные информационные технологии. Институт имеет Web-лабораторию, в которой создаются профессиональные базы данных. Изданы конкордансы всех произведений Достоевского, осуществлены научное описание и публикация экземпляра Евангелия с пометами, принадлежавшими Достоевскому, подготовлено электронное издание Полного собрания сочинений Владимира Даля. Популяризирует филологические знания и составляет медиатеку русских говоров Карелии Лаборатория лингвистического краеведения и языковой экологии; работает «Служба русского языка».

*Н. В. Патронева, Т. В. Пашкова, С. В. Коробейникова,
Институт филологии*

CONTENTS

Editorial note	7	LITERARY STUDIES	
LINGUISTICS			
<i>Alpatov V. M.</i>		<i>Rozanov Yu. V.</i>	
FORTUNATOV'S SCHOOL OF RUSSIAN LINGUISTICS	8	VASILY BELOV AND VICTOR ASTAFYEV: THE HISTORY OF THEIR PERSONAL AND CREATIVE RELATIONSHIPS.....	72
<i>Dulichenko A. D.</i>		<i>Podchinenov A. V., Snigireva T. A.</i>	
LINGUONYMICS	13	HOMO SOVETICUS & HOMO POSTSOVETICUS: MODELS OF HAPPINESS IN RUSSIAN LITERATURE.....	78
<i>Kozlovskaya N. V.</i>		<i>Chernyak M. A.</i>	
THE MECHANISM OF RETHINKING RELIGIOUS CONCEPTS IN THE PHILOSOPHICAL TERM SYSTEM OF N. F. FEDOROV	17	NEW DRAMA FOR NEW TEENAGERS: RE-VISITING TYPOLOGICAL FEATURES OF MODERN DRAMA	87
<i>Khazieva G. S.</i>		<i>Kazakova S. K.</i>	
AYSHE-FATIMA AGIONYM IN THE TRADITIONS OF THE TURKIC PEOPLES.....	25	PRIVATE INTEREST AND COMMON GOOD: ECHO OF THE GREAT REFORMS ERA IN IVAN GONCHAROV'S NOVEL <i>THE PRECIPICE</i>	95
<i>Dundukova A. M., Semenova O. V.</i>		<i>Maksimova E. O.</i>	
PARTICPLES IN THE <i>SELECTED FAIRY TALES</i> BY F. N. SVINYIN (IDIOLECT OF THE FOLKLORE TEXT).....	30	TEREM IN EPICS, LAMENTATIONS AND SONGS OF PECHORA: COMPARATIVE ANALYSIS.....	103
<i>Marfina Zh. V.</i>		Reviews	
CONCEPTUAL MOTIVATION OF KINSHIP TERMS IN THE UKRAINIAN FOLK SONG SUBSPACE	36	<i>Khrolenko A. T.</i>	
<i>Sokolova M. G.</i>		The publication review: Lönngren T. P. Collection of songs from the village of Milenino recorded by S. N. Shil' in the summer of 1916	110
COMPARATIVE CHARACTERIZATION OF THE FIGURATIVE FIELDS "POPLAR – HUMAN" AND "MAPLE – HUMAN" IN RUSSIAN POETRY.....	45	Scientific information	
<i>Shkuran O. V.</i>		<i>Patroeva N. V., Pashkova T. V., Korobeynikova S. V.</i>	
DESACRALIZATION OF THE BIBLICAL IDIOM "MAN SHALL NOT LIVE BY BREAD ALONE" IN THE INTERNET AND MEDIA DISCOURSE	54	80 years of philological sciences at Petrozavodsk State University	115
<i>Afanasyeva A. A.</i>			
EVOLUTION OF THE OIKONYMIC SYSTEM OF LAKE SYAMOZERO TERRITORY	64		

ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА

В сборнике анализируются различные проблемы языка фольклора. В данном выпуске представлены архивные тексты песен, собранных в 1916 году в Фатежском уезде Курской губернии, анализ деятельности научно-исследовательской лаборатории фольклорной лексикографии по созданию лексикографических комплексов, фрагмент переписки главы сектора фольклора Пушкинского Дома А. А. Горелова с курскими лингвофольклористами.

Издание предназначено для специалистов и всех интересующихся устной народной поэзией.

Лингвофольклористика. Выпуск 30. Часть 2. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 162 с.

Отзыв о сборнике читайте в рубрике «Рецензии»

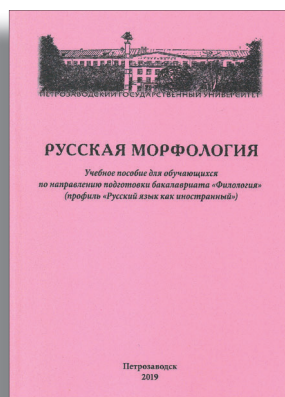
ФИЛОЛОГИЯ КАК ПРИЗВАНИЕ: сборник статей к юбилею профессора Владимира Николаевича Захарова

Издание приурочено к юбилею известного российского литературоведа доктора филологических наук, профессора ПетрГУ В. Н. Захарова. Представленные в сборнике статьи посвящены вопросам, которые входят в круг научных интересов ученого: творчество Ф. М. Достоевского и других русских писателей XVIII–XX вв., христианские основы русской литературы, проблемы исторической поэтики, текстология и др. В Приложении опубликованы письма к В. Н. Захарову В. Н. Топорова, Н. А. Натовой, А. В. Михайлова.

Издание предназначено для специалистов-литературоведов, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей русской литературы.

Филология как призвание : сборник статей к юбилею профессора Владимира Николаевича Захарова / отв. ред. А. В. Пигин, И. С. Андрианова ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2019. – 664 с.

Издание получило диплом «Книга года Республики Карелия-2019» в номинации «Свет науки»

РУССКАЯ МОРФОЛОГИЯ

В пособии представлено системное описание одного из центральных разделов русской грамматики – морфологии. Издание содержит базовые сведения о частях речи, помогающие овладеть русским языком в его устной и письменной формах. Предлагаются планы и образцы разбора знаменательных частей речи. Порядок изложения материала и его описание в некоторых случаях отличается от традиционного, что обусловлено ориентированностью на студентов-иностранцев.

Предназначено для иностранных студентов 3-го курса Института филологии, обучающихся по программе «Двойной диплом» в рамках направления подготовки 45.03.01 – «Филология» (профиль «Русский язык как иностранный»).

Русская морфология : учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки бакалавриата «Филология» (профиль «Русский язык как иностранный») / авт.-сост. А. А. Котов, Е. А. Мухина ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2019. – 158 с.

РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР

Сборник посвящен памяти доктора филологических наук, профессора Т. Г. Мальчуковой. В него вошли статьи по актуальным для современной гуманитарной науки вопросам тысячелетнего взаимодействия культур России и Греции. Рассматриваются различные аспекты классической филологии, византистики, неозеллиистики, а также рецепции греческой темы в русской литературе и культуре.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

Россия и Греция: диалоги культур : материалы V Международной конференции : сборник науч. статей / отв. ред. Е. П. Литинская ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2020. – 220 с.